

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические основы музеологии	
<i>Сапанжа О. С.</i> Стратегии карьерного развития в области музейного образования	130
Музей и общество	
<i>Кративин М. Ю.</i> Главмузей и комиссия Л. Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г.—октябрь 1922 г.)	11
<i>Комиссарова Е. В., Кищенко О. С.</i> Роль региональных музеев в сохранении историко-медицинского наследия России	34
<i>Поправко Е. А.</i> Массовая работа музеев Приморского края во второй половине 1980-х—2010-е годы: традиции и новации в условиях социально-экономических и политических трансформаций	44
История музейного дела	
<i>Дианова Е. В.</i> Музейные проекты кооператоров Европейского Севера (первая четверть XX века)	52
<i>Кулинок С. В.</i> История музеев Беларуси в отражении документов Белорусского государственного архива научно-технической документации	63
Школьные и университетские музеи	
<i>Вахромеева О. Б.</i> Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах	70
<i>Григорьева С. Е.</i> Рисовальный музей Томского технологического института	82
Музейные коллекции	
<i>Березницкий С. В.</i> Роль Ф. Плениснера в формировании музейных коллекций Кунсткамеры в XVIII веке	86
<i>Васильева Д. О.</i> Иранская коллекция Петра Владимировича Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа	91
<i>Трусова М. П.</i> Глиняные кисельницы села Богородского конца XIX—начала XX века в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	100
<i>Воробьева С. Л.</i> Специфика научной инвентаризации (вторичного учета) археологических коллекций (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан)	108
<i>Кириллова О. С.</i> «Любительское коллекционирование» и современный музей: перспективы конструктивного взаимодействия	124

Общественно-редакционный совет

М. Б. Пиотровский, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, академик РАН, директор Государственного Эрмитажа, заведующий кафедрой музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета (Россия) (председатель);
Г. В. Вилинбахов, д.и.н., Государственный герольдмейстер РФ, заместитель директора Государственного Эрмитажа (Россия);
Ян Долак, PhD, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по музеологии и мировому наследию университета Масарика, вице-президент Международного комитета по музеологии ИКОМ (Чехия);
Линн Тизер, PhD, доцент, университет Торонто, президент Международного комитета по подготовке музейного персонала ИКОМ (Канада);
Е. Я. Кальницкая, д. культ., заслуженный работник культуры РФ, директор ГМЗ «Петергоф» (Россия);
Н. С. Третьяков, к.и.н., заслуженный работник культуры РФ, директор историко-мемориального музея «Смольный» (Россия);
Н. В. Буров, директор ГМП «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета С.-Петербурга (Россия);
И. И. Карлов, к. искусств., заместитель директора Государственного Русского музея (Россия);
М. А. Беспалая, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь);
Петер ван Мени, PhD, проф., Академия К. Рейнвардта (Нидерланды);
Хильдегард Виерегг, PhD, проф., Мюнхенская школа философии (Германия);
Т. П. Калугина, д. культ., Государственный Русский музей (Россия);
Л. М. Шляхтина, к.пед.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства (Россия).

Редакционная коллегия

А. В. Майоров, д.и.н., проф. (председатель);
Э. И. Черняк, д.и.н., проф.;
О. С. Сапанжа, д. культ., доц.;
А. А. Сундиева, к.и.н., доц.;
Е. А. Маковецкий, к. филос. н., доц.;
А. А. Амосова, к.и.н. (отв. секретарь);
Л. А. Климов, к. культ.

Адрес редакции

199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра музеологии (ауд. 91).
 Телефон: (007-812) 323-52-06
 Факс: (007-812) 323-52-06
 e-mail: voprosy-spu@mail.ru
 URL: <http://voprosi-muzeologii.spbu.ru/>

Персоналии	
<i>Стромилюк Л. В.</i> Александр Радченко: личность в истории музея	130
Рецензии	
<i>Сапанжа О. С.</i> Интерпретируя историю: рабство как историческое явление и особенности его «прочтения» в музеях США (рецензируемое издание: <i>Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites / Edited by Kristin L. Gallas and James DeWolf Perry. Boulder; New York; London: ROWMAN & LITTLEFIELD. 2015. 128 p.</i>)	138
Хроники	
<i>Чебаненко С. Б., Котов А. Э., Веселов Ф. Н., Ананьев В. Г., Амосова А. А.</i> Пятая научная конференция «Музеология — музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания»	144

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением общественно-редакционного совета и редколлегии

*Корректор: У.Л. Романова
Подписано в печать 10.12.2016
Формат: 70×100/16
Усл. печ. л. 11,93
Тираж 150 экз.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МУЗЕОЛОГИИ

УДК 378.2

О. С. Сапанжа

СТРАТЕГИИ КАРЬЕРНОГО РАЗВИТИЯ В ОБЛАСТИ МУЗЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тезис о наличии новой образовательной парадигмы, ее развертывании в научной дискурсивной практике последних двадцати лет и влиянии на все сферы и уровни отечественного образования является очевидным и банальным. Между тем, большинство дефиниций, обозначенных в заглавии, спорны и предполагают ряд оговорок и уточнений. Во-первых, это само понятие карьерного развития, его присутствие в сфере музейного образования, равно как и само понятие музейного образования¹; во-вторых, зависимость карьерного развития от смены образовательных парадигм, и, наконец, необходимость его стратегического планирования. Все же, несмотря на спорность, вопросы, связанные с подготовкой профессионалов в области музейного образования, планированием их будущей профессиональной деятельности, по-видимому, в ближайшее время станут важнейшими в проблемном поле музейного менеджмента.

В российской традиции специальных изданий, посвященных музейной карьере как таковой, нет, как нет и самой традиции планирования карьеры как осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанных с должностным и профессиональным ростом². Разговор о конструировании образовательных программ в сфере подготовки профессионалов для работы в области проектирования и реализации музейных программ просветительской, обучающей или досуговой направленности

¹ Под *музейным образованием* автор понимает развитие жизненного опыта человека на основе музейной коммуникации. *Музейная коммуникация* — разновидность социальной коммуникации, связанная с передачей значимой информации с помощью специфических музейных форм и каналов (музейный предмет, музейное пространство в различных формах — музейная экспозиция, выставка, иное организованное пространство, специально организованные формы актуализации представленной информации и т. д.). *Образовательная деятельность в музее* — целенаправленный и структурированный процесс активизации компонентов музейной коммуникации с целью формирования жизненного опыта. *Музейная педагогика* — совокупность научных концепций и принципов, определяющих смысл и стратегии музейного образования и методологические основания реализации образовательной деятельности в музее (Сапанжа О. С. Музейное образование и музейная педагогика в российской академической традиции и практике музейного дела: границы использования понятий и их содержание // Общество: социология, педагогика, психология. 2017. № 1. С. 75–78).

² Стоит отметить, что книги по карьерному росту и развитию, в основном, являются переводными (Хьюзлид М. А., Ульрих Д., Беккер Б. Измерение результативности работы HR-департамента. Люди, стратегия и производительность (The HR Scorecard: Linking People, Strategy, and Performance). М.: Вильямс, 2007; Боссиди Л., Чаран Р. Исполнение. Система достижения целей (Execution: The Discipline of Getting Things Done). М.: Альпина Паблишер, 2012).

имеет иной вектор. Речь идет о развитии музея как института образования, что, в значительной степени, смещает фокус дискуссий в сторону обновления статуса музея как такового, а не людей, меняющих этот статус, создающих новые реальности музейного постижения истории и современности. Традиция же сознательного планирования карьеры как системы четких представлений о профессиональном росте, соответствия работы интересам и запросам, степени свободы в принятии решений не сформирована, мотивационные издания по проблемам карьеры в музейном образовании отсутствуют, а разговор ведется в категориях «служения». Тем не менее, выявление и характеристика основных возможностей и позиций, которые предлагает система музейного образования (в рамках центров, отделов, секторов и т. д.), может оказаться весьма полезной, поскольку изменения, происходящие в области расширения и усиления влияния именно образовательных служб музеев, не могли не сказаться на предложениях на рынке образовательных услуг и на интересе к вопросам самореализации в этой области профессиональной деятельности.

Прежде чем обратиться к проблеме планирования музейной карьеры, вернемся ненадолго к тезису о новом статусе музея. То, что музей в XXI в. заявил о себе как институт и способ реализации новой образовательной парадигмы, не является собственно только заслугой музея, это явление продиктовано общей логикой развития, при которой проявляются такие содержательные фокусы, как осознание особого места образования как базового процесса в развитии общества и человека. Более двадцати лет назад уже проявились те тенденции, которые сегодня кажутся вполне очевидными. Во-первых, это развитие многопрофильной деятельности, когда образование понимается как осуществление практики проектирования и реализации образовательных проектов коллективами различной подчиненности. Во-вторых, это переход от моноукладной формы образования к многообразию образовательных форм, школ и концепций: один и единственный путь в образовании человека отныне невозможен. В-третьих, образование становится соразмерным человеческой жизни и воспринимается как непрерывный и постоянный процесс. Соответственно, особое значение приобретают институты, прежде находившиеся на периферии образовательного процесса и воспринимавшиеся, прежде всего, как подспорье школьному образованию. Именно в рамках новой парадигмы фигура профессионала, работающего в образовательном отделе музея, приобретает большое значение. В зависимости от величины музея это может быть отдельный сотрудник, сектор, отдел или даже центр, курирующий образовательное направление в целом или отдельный его фрагмент. Понимание специфики профессиональных задач, характеристика этих задач — необходимый этап на пути легитимизации специфической роли музейного педагога (в самом широком понимании — тьютора, учителя, модератора, помощника, координатора и т. д.), его отличия от привычного «гида».

Отметим, наконец, что обращение к проблемам карьеры в области музейного образования и его выделение в европейской и американской традиции произошло лишь после обращения к проблеме развития музейной карьеры вообще. Как актуальная и важная эта проблема стала всерьез обсуждаться в 1980-е годы, тогда же появились первые работы, рассматривающие прицельно не музей, а музейную карьеру.

Основной формой презентации материала стал «гид», представляющий различные траектории развития профессиональной карьеры и личного роста. Примером может служить, например, книга директора программы музейного менеджмента Университета Колорадо и президента Музея науки и техники в Чикаго В. Данилова, посвященная музейной

карьере и основным направлениям профессиональной подготовки музейного сотрудника. Уже в самом начале книги, опубликованной в 1994 г., автор обращает внимание на необходимость подготовки нового поколения музейных профессионалов, с именами которых будут связаны коренные изменения в музейном мире. Им он и посвящает книгу, целью которой является «стимулирование размышлений о музейной карьере и способах личного роста»³. Таким образом, определяется фокус карьеры, связанный с необходимостью постоянного обучения и саморазвития. В этот период сама идея образования в течение всей жизни, актуализированная в отечественной системе образования в последние два десятилетия, рассматривалась как вполне очевидная, для музейной карьеры в том числе. Уже в конце 1980-х годов эта идея была осмыслена как ключевая для развития музея в системе образования и реализации образовательных программ. Так, например, Л. Боун в программном сборнике «Образование в музее. Музеи в образовании», изданном Шотландским музейным советом, отмечает, что именно музей является учебным ресурсом, доступным каждому на протяжении всей жизни, и именно в этом качестве он может быть определен как инструмент реализации концепции «образования в течение всей жизни»⁴.

Говоря о направлениях подготовки музейных профессионалов, В. Данилов называет более семисот программ различного уровня: специальные курсы, программы подготовки различных ступеней (бакалаврские и магистерские), научные стажировки различной направленности и продолжительности, возможности работы в качестве ассистентов, стипендии и гранты для начинающих сотрудников и профессионалов с опытом работы. При этом сам вопрос о едином понимании уровня квалификации в области музейной профессии в этот период остается открытым, как и представление о необходимости какой-то специальной подготовки в этой области⁵.

Споря с теми, кто утверждает, что музейная работа не является специфическим полем, требующим специальной подготовки в системе высшего образования (то есть не является «профессией»), и соглашаясь с мнением Р. Синглтона (директора департамента музейных исследований Университета Лестера) о зачаточном состоянии обучения «музейной профессии»⁶, В. Данилов, тем не менее, выделяет следующие профессиональные области: административная карьера, карьера, связанная с хранением коллекций и кураторством, общественным представлением музея, и, наконец, карьера в области музейного образования. В области образования он выделяет следующие позиции: руководитель отдела (департамента) образования в музее, руководитель образовательных направлений

³ Museum Careers and Training. A professional guide / Victor J. Danilov. Westport, Connecticut; London: Greenwood press, 1994. 546 p.

⁴ Bown L. New Needs in Adult and Community Education // Education in Museums. Museums in Education / ed. by Timothy Ambrose. Edinburgh: Scottish museums council, 1987. P. 9.

⁵ Museum Careers and Training. P. 23–27. — Стоит отметить, что сама проблема подготовки музейных специалистов актуальна и спустя десятилетия. Так, Линда Норрис в статье о принципах подготовки музейных профессионалов в новом столетии снова задается вопросом «Кем же является сотрудник музея?». Автор констатирует усилившийся в последние годы интерес к проблеме профессионального роста и развития (Norris L. How Do We Train Professionals for 21st Century Museums? // Historical and Cultural Studies. 2015. Vol. 2. N. 1. P. 1–3).

⁶ Museum Careers and Training. P. 18. — Отметим, что такие же споры были характерны для отечественного музееведения в середине 1990-х годов, когда кафедры музееведения стали выпускать специалистов в области музейного дела, а в номенклатуре подготовки кадров высшей квалификации появилась специальность 24.00.03 — «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурного наследия». Тем не менее, в «гиде» В. Данилова в перечне университетов, осуществляющих подготовку специалистов в области музейного дела, российских учебных заведений нет.

и проектов, куратор образовательных программ, координатор разработки и реализации образовательных программ, координатор по внешним связям (со школой, местным сообществом), координатор добровольцев и волонтеров⁷. Таким образом, карьера в сфере музейного образования анализируется как важный и возможный путь профессиональной самореализации: есть возможности для формального должностного роста и саморазвития. Получение образования в этой модели является первым этапом. В. Данилов называет возможные пути получения дипломов бакалаврского и магистерского уровня, а также специальных программ музеев (образовательные дополнительные программы и стажировки)⁸.

Итак, для анализа идеи возможности формирования особой карьеры в сфере музейного образования важно было зафиксировать факт выделения этого направления и наличие специальных программ подготовки профессионалов в области музейного образования. Однако необходимость подготовки специалиста в области музейного образования и наличие различных вариантов карьеры в этой области относится, скорее, к области профессионального интереса. Массовый зритель не связывает изменения, произошедшие в музее, с расширением возможностей образования и по-прежнему ограничивает последнее фигурой экскурсовода. В качестве примера приведем изданную в 2007 г. книгу Б. Кэмерсон «Возможности в музейной карьере»⁹. Отличительной особенностью издания является то, что это взгляд на профессиональную карьеру специалиста в области построения карьеры вообще (Б. Кэмерсон — автор таких книг, как «Возможности в преподавании английского как иностранного», «Карьера любителей истории», «Работа в области коммуникации»). Книга носит ярко мотивационный характер, насыщена вопросами для решения ситуаций выбора музейной карьеры, определения направлений и оценки собственных возможностей карьерного роста. При этом, место музейного образования в карьерном развитии оказывается весьма скромным: единственная позиция, которую можно обнаружить в книге, — это позиция музейного гида. Такое досадное пренебрежение к сотрудникам образовательных отделов можно связать с тем, что очевидные изменения, произошедшие с музеем, в последнюю очередь связываются с усилиями, принимаемыми профессионалами в области музейного образования.

И все же к началу XXI в. музейная профессия в области образования обрела легитимный статус и даже получила соответствующую образовательную программу бакалавриата и магистратуры¹⁰. При этом за пределами внимания всех авторов остается важный вопрос реализации личного потенциала в карьерном развитии: возможна ли траектория, допускающая смену профиля музея при сохранении образовательного компонента? Одна из новейших работ, посвященных проблеме карьеры именно в области музейного образования, — коллективная монография под редакцией Л. Мелбер¹¹.

⁷ Museum Careers and Training. P. 66–71.

⁸ Ibid. P. 70–74.

⁹ Camerson B. Opportunities in Museums Careers / Revised edition McCrawHill. New York, 2007. 198 p.

¹⁰ Программа «Музейная педагогика» (уровень бакалавриата и уровень магистратуры) реализовывалась в РГПУ им. А. И. Герцена с 2002 по 2012 г. За это время было выпущено около ста специалистов в области педагогики художественного музея, большинство из которых, тем не менее, успешно работают в музеях разного профиля.

¹¹ Leah M. Melber — директор Центра инноваций в области образования и сотрудничества в зоопарке «Линкольн Парк» в Чикаго. Зоолог по базовому образованию (степень бакалавра), она затем получила академическую степень магистра (M.A.) и научную степень доктора (PhD) в области психологии образования.

Выпущенная в 2014 г., эта работа является знаковой с точки зрения признания музейного образования важным направлением музейной работы, а карьеры в области музейного образования — достойной стратегического планирования¹². Первый раздел «Восхождение по лестнице» открывает статья главного редактора сборника, в которой вместо привычного перечисления позиций, которые может занять претендент с определенной степенью в образовательном отделе музея, дан перечень вопросов, которые должен задать себе потенциальный музейный педагог. Вопросы касаются наличия базового опыта, ресурсов, понимания успеха и тех достижений, которые возможны даже в случае умеренного успеха¹³. Книге присущи все характеристики мотивационных американских изданий — от заголовков до высокой степени вовлеченности читателя в процесс анализа своих собственных ресурсов и возможностей, а сам раздел — это личные истории карьерного роста в музейной профессии. Но при этом монография имеет серьезный внутренний ресурс. Важно отметить, что коллектив авторов, собранный редактором, отражает если не весь, то значительный спектр музейных институтов: статьи написаны специалистами музеев (например, Музея натуральной истории в Лондоне, Музея техники в Загреб, Музея американского искусства Смитсоновского института, Метрополитен музея, Исторического музея Чикаго, Детского музея в Индианаполисе), директорами образовательных программ университетов (например, директором программы по музеологии Университета Сан-Франциско), директорами музейных ассоциаций (например, Калифорнийской ассоциации музеев). Речь идет не о возможностях карьеры в музее определенного профиля, а о направлениях музейного образования в целом.

Возможность изменчивой траектории карьерного пути в области музейного образования подтверждает статья Брэда Ирвина¹⁴, описывающая личный опыт более чем пятнадцатилетней музейно-педагогической карьеры¹⁵, которая десять лет была связана с образованием в художественных музеях, а продолжается в Музее натуральной истории. По мнению Б. Ирвина, развитие профессиональной коммуникации и поиск новых связей, постоянное развитие и отсутствие глобального «сверхплана» на будущее, позволяющее сменить траекторию профессионального развития, и является залогом успеха¹⁶. Примером другой траектории соединения искусства и науки является статья Катарины Кардум¹⁷ о возможности одновременной реализации образовательных проектов и программ в музеях различного профиля¹⁸.

Истории реальных траекторий карьерного развития в музее позволяют утверждать, что в американской и, отчасти, европейской традиции сформировалось представление

¹² *Teaching the Museum: Careers in Museum Education* / Ed. by Leah M. Melber, PhD. Washington, D.C.: The AAM Press, American Alliance of Museums Press, 2014.

¹³ *Melber M. Leah. Say "Yes"... and Figure it out Later // Teaching the Museum. P. 8–9.*

¹⁴ Brad Irwin — исполнительный директор образовательных программ Музея натуральной истории (Лондон), является автором книги *"Let's get Art"* (2008), посвященной современному новозеландскому искусству.

¹⁵ Отметим нечеткость перевода английского термина "museum education" в российской музеологии. Традиционный перевод — «музейная педагогика» не вполне точен, так как сужает область работы специалиста образовательного отдела с посетителями.

¹⁶ *Irwin B. When You Are Offered the Perfect Job You Never Wanted, Take It // Teaching the Museum. P. 11–15.*

¹⁷ Катарина Кардум (Katarina Kardum) получила первое образование в Королевском колледже искусств в Лондоне. В настоящее время она является разработчиком образовательных программ Музея техники в Загреб и музейным педагогом Музея натуральной истории в Дубровниках, художником специальных музейных каталогов для детей «Охраняемые виды».

¹⁸ *Kardum K. It's Normal to Ask: "What Am I Doing Here?" // Teaching the Museum. P. 11–15.*

о музейном образовании как об особой сфере, связанной, в первую очередь, не с профилем музея, а с формированием особых компетенций в области музейного образования независимо от состава коллекций. В этой связи представляет интерес статья Бена Гарсия, специалиста в области подготовки музейных сотрудников¹⁹. Отстаивая точку зрения о необходимости специальной подготовки в области музейного образования, Б. Гарсия отмечает: «Да, Вы правы, зачастую опыт и интуиция играют большую роль, чем формальное наличие степени. И, конечно, Вы правы: представители академического сообщества слишком часто игнорируют реальную музейную жизнь. И, конечно, Вы абсолютно справедливо говорите о том, что иногда коллеги, обладающие степенями бакалавра, магистра и даже доктора, в практических делах абсолютно невежественны. Но, несмотря на это, и независимо от того, насколько виртуозно Вы работаете, если Вы спросите себя или друзей, не стоит ли получить образование, ответ будет один: „Да“»²⁰.

В работах, посвященных музейной карьере, называются два основных типа программ подготовки/переподготовки специалистов в области музейного образования: это, во-первых, программы, разработанные и реализуемые музеями, и, во-вторых, программы, разработанные и реализуемые в академических институтах. Качество музейных программ гарантировано опытом практической деятельности, качество академических программ — опытом фундаментальной подготовки профессионалов. С другой стороны, каждый вид программ имеет свои слабые стороны. Так, разработка и осуществление образовательных программ для подготовки/переподготовки музейного профессионала часто под силу лишь крупному музею. Между тем, статистика свидетельствует о том, что большую часть от общего количества музеев составляют средние, малые и даже микромузеи, специфика работы которых далеко не всегда учитывается в программах музеев, обладающих иными ресурсами и возможностями. В этом смысле эффективной представляется именно подготовка в рамках академических институтов, позволяющая соединить необходимую теоретическую подготовку и сформировать компетенции, необходимые для работы в музеях различного профиля и различного уровня. Важно лишь учитывать необходимость наличия практического компонента в обучении.

Итак, можно констатировать, что вслед за осмыслением границ и возможностей музейной профессии в целом пришла очередь определения границ и возможностей самореализации в области музейного образования. Традиционно для музейной сферы практика значительно опередила теорию: если практическая музейная деятельность опережает ее теоретическое осмысление в рамках музеологии, то и реальная образовательная деятельность так же опережает ее методическое обоснование. Подготовка музейных педагогов в рамках различных программ²¹ давно стала реальностью, а разработка и реализация проектов в области музейного образования, перешагнув рамки проб и опытов, стала полноценной частью актуального музейного мейнстрима.

Тем не менее, попробуем все же перечислить основные группы проблем, затрудняющие системный анализ стратегий карьерного развития в музейной педагогике в дискурсе новых образовательных парадигм. Этих групп, как представляется, три. Первая (группа теоретико-методологических проблем) связана с необходимостью системного

¹⁹ Garcia B. Yes, You Should Go to Grad School // Teaching the Museum. P. 99–105.

²⁰ Ibid. P. 99.

²¹ К таковым можно отнести не только специальные обучающие музейные программы, но и семинары, проводимые как музеями, так и специальными организациями (например, серия семинаров проекта Фонда В. Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире»).

осмысления роли и места музейного образования в контексте культуры, сравнительного исследования образовательных моделей, методологического обоснования круга дефиниций. Вторая (группа административно-организационных проблем) связана с реалиями отечественной музейной сети: определением статуса и возможных наименований образовательных отделов (секторов, центров) и сотрудников этих отделов²². Наконец, третья (группа проблем подготовки кадров) связана с появлением специальных программ подготовки профессионалов в системе высшего образования, которая сегодня осуществляется во многих странах мира. Решение трех групп проблем позволит выстроить модель эффективного взаимодействия всех участников образовательного процесса (на уровне разработки, реализации программ и подготовки специалистов) и позволит говорить о сложении отечественной системы музейного образования.

Информация о статье

Автор: Сапанжа Ольга Сергеевна — доктор культурологии, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, sapanzha@mail.ru.

Заглавие: Стратегии карьерного развития в области музейного образования.

Абстракт: В центре внимания статьи — вопросы карьеры в области музейного образования. Интерес к проблеме основан на американской академической традиции и практике развития музейного дела, подразумевающей сознательное планирование карьеры в выбранной области. Эта традиция обеспечена рядом публикаций, в которых рассматриваются возможности развития музейной карьеры в целом и карьеры в области музейного образования в частности. Издания имеют разную форму представления материала — от гида до мотивационных изданий. На основе анализа англоязычных работ, посвященных вопросам музейной карьеры, выделяются основные группы проблем, значимых для развития отечественной системы музейного образования, подготовки специалистов и реализации потенциала музейных сотрудников в профессиональной деятельности. К этим группам относятся: группа теоретико-методологических проблем, группа административно-организационных проблем, группа проблем подготовки кадров в области музейного образования. Интерес к карьере в области музейного образования рассматривается как важная составляющая процесса профессионализации музейной сферы. При этом важное место в этой модели занимает развитие системы подготовки профессионалов в области музейного образования. Именно академическая модель, отвечающая на запросы рынка труда, с одной стороны, но следующая фундаментальным принципам высшей школы, с другой, способствует формированию адекватного представления о роли и специфике планирования музейной карьеры в сфере образования.

Ключевые слова: музей, музейное образование, музейная педагогика, музейная карьера, образовательные программы.

Information on article

Author: Sapanzha Olga Sergeevna — Doctor of Culturology, Professor, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, sapanzha@mail.ru.

Title: Careers in museum education.

²² В частности, в американской традиции устойчивым стало наименование “*educational department*” (образовательный отдел), а наименование специалиста — “*curator of education*” (куратор образовательных проектов и программ).

Abstract: The problems of careers in the field of museum education are in the focus of the paper. Interest in the problem is based on an American academic tradition and practice of museum development, which is associated with planning a career in your chosen field. This tradition has provided a number of publications. Issues of development of museum careers and careers in the field of museum education are presented in these publications. The forms of these publications are different. These can be guides by profession, motivational publications, collective monographs. Analysis of some monographs and articles about the museum's career questions, written by American experts, is an important part of the article. Based on the experts' ideas the author indicated the main problems of the Russian model of a career in the field of museum education. These groups include a group of methodological problems, a group of administrative and organizational problems, a group of academic problems. Careers in the field of museum education are analyzed as an important part of the process of professionalization of the museum sphere. The system of training of professionals for work in museums is important in this field. On the one hand, the university system exists in the market. Consequently, it focuses on training for specialists. On the other hand, the university is the transfer of basic academic traditions. The combination of these two sides promotes a balanced view of the museum's career in the focus of its planning and implementation.

Keywords: museum, museum education, museum career, education programs.

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО

УДК 069:351.853; 342.731

М. Ю. Крапивин

ГЛАВМУЗЕЙ И КОМИССИЯ Л. Д. ТРОЦКОГО «ПО УЧЕТУ И СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ЦЕННОСТЕЙ» (НОЯБРЬ 1921 г.—ОКТАБРЬ 1922 г.)

11 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение (прот. № 76, п. 3-н) «назначить т. Троцкого¹ ответственным за объединение и ускорение работ по учету, сосредоточению и реализации драгоценностей всех видов (драгоценные камни, митры и пр.), имеющихся в РСФСР <...>. Доклад о формах объединения и ускорения означенных работ назначить за т. Троцким через 2 недели. Провести это решение сегодня же через СТО, а затем по телефону через СНК»².

В тот же день аналогичное постановление одобрил Совет труда и обороны (прот. 266, п. 30 (25))³, 12 ноября был произведен опрос членов Совнаркома по телефону⁴, после чего Л. Д. Троцкому было выдано удостоверение за подписью председателя СНК, которым предписывалось «всем учреждениям Республики оказывать тов. ТРОЦКОМУ всяческое содействие в исполнении возложенного на него поручения и допускать его к осмотру и обревизованию всех без исключения хранилищ ценностей⁵ и книг по учету и регистрации их»⁶.

Целью намечавшихся большевиками мероприятий должна было стать мобилизация дополнительных средств как для решения текущих социально-экономических проблем (в том числе чрезвычайного свойства: борьба с голодом), так и для реализации стратегических задач: достижения финансовой стабильности, поддержания обороноспособности страны, в целом — обеспечения жизнеспособности правящего режима и подпитки мирового коммунистического движения.

Уже 29 ноября 1921 г. уполномоченный Экономического управления ВЧК С. В. Жуков обратился (делопроизводственный № 84996) в Наркомпрос к Н. И. Троцкой⁷ с просьбой

¹ *Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович* (1879–1940). В 1921–1922 г. — член ЦК РКП(б), член Политбюро ЦК РКП(б), наркомвоенмор РСФСР, председатель Реввоенсовета Республики. В ноябре 1921 г. Л. Д. Троцкому было поручено руководство (в статусе «Особоуполномоченного» Совнаркома РСФСР) специальной «Комиссией по учету и сосредоточению ценностей».

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 212. Л. 1, 5–5 об.

³ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 451. Л. 34; Оп. 3. Д. 266. Л. 10–11, 178–179.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 451. Л. 2, 33.

⁵ В тексте удостоверения, полученного Л. Д. Троцким, перечень ценностей был откорректирован: «драгоценные металлы, камни, иностранная валюта и пр.» (Там же. Л. 36).

⁶ Там же.

⁷ *Троцкая (Седова) Наталия Ивановна* (1882–1962). Вторая жена Л. Д. Троцкого и мать двух его сыновей. Окончила 8-классную гимназию в Харькове. Позднее «слушала лекции» в Москве,

предоставить имеющиеся у ведомства сведения «о ценностях в музеях[,] дворцах, церквях, монастырях и проч.». Ответ, последовавший через неделю (делопроизводственный № 11561 от 7 декабря 1921 г.), свидетельствовал о том, что наркомат подобной информацией в концентрированном виде не располагает: «означенные сведения могут быть даны Главмузеем⁸ лишь по выборке их из целых томов списков, находящихся в различных

в Женеве (с 1900 по 1903 г. на естественно-историческом факультете Женевского университета) и в Париже. Член РСДРП с 1902 г. Вернулась в Россию из эмиграции в мае 1917 г. В 1918 г. была принята в ряды Петроградской организации РКП(б). С конца мая 1918 г. и по 1927 г. включительно возглавляла (в качестве заведующей) Музейный отдел (Отдел по делам музеев) Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса) РСФСР (подробнее см.: сноска № 8). Параллельно, с ноября 1919 г., исполняла обязанности председателя Всероссийского комитета помощи больным и раненым инвалидам войны (Всеркопома). Эмигрировала из СССР в 1929 г. вместе с супругом. Скончалась во Франции (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 7784. Л. 1–7; Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / сост. и коммент. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова: в 2 кн. М.: Новосибирск, 1997–1998. Кн. 2. С. 571, 625; Проданные сокровища России: история распродажи национальных художественных сокровищ, конфискованных у царской фамилии, церкви, частных собственников, а также изъятых из музейных собраний СССР в 1918–1937 годах / авт.-сост. Н. Ильин, Н. Семенова. М.: Русский авангард; Трилистник, 2000. С. 236, 238).

⁸ 28 мая 1918 г. Большая Государственная комиссия по просвещению принимает решение отказать от двойного подчинения музеев Наркомпросу РСФСР и Наркомату имуществ Республики и создает в структуре Наркомпроса специальный отдел для руководства музейным строительством (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 135-а. Л. 114–114 об.; Д. 80. Л. 186; Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 20-б. Л. 175) [встречающиеся варианты названия: Отдел по делам музеев; Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины; Музейный отдел]. Заведующей отделом назначается Н. И. Троцкая, но при этом работа отдела организуется на принципах коллегиальности (*Кузина Г. А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: сб. науч. трудов НИИ культуры / отв. ред. С. А. Каспаринская: в 2 ч. Ч. I: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991. С. 107 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 167. Л. 1, 4, 11, 24–26, 36, 77–78 об.). 17 июля 1919 г. Наркомпрос (протокол заседания коллегии Наркомпроса № 93/211, п. 7), во исполнение резолюции Первой всероссийской музейной конференции (Петроград, февраль 1919 г.), утверждает текст постановления о концентрации деятельности художественных и культурно-исторических музеев в руках Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению (*Кузина Г. А.* Государственная политика... С. 120–121 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 397. Л. 153). В наркоматовской структуре Всероссийская коллегия, организационно состоявшая из московской и петроградской частей, функционировала на правах самостоятельного отдела, возглавлявшегося председателем (*Кузина Г. А.* Государственная политика... С. 107, 109, 118–119, 123).

11 июля 1918 г. Совнарком РСФСР издает декрет об объединении Наркомпроса и Наркомата имуществ, при этом откладывая его осуществление до утверждения текста постановления Президиумом ВЦИКа. 30 августа 1918 г. коллегия Наркомпроса отдает распоряжение о создании на базе упраздняемого Наркомата имуществ Республики Отдела имуществ Республики, то есть Наркомат имуществ вливается в Наркомпрос РСФСР на правах отдела (*Жуков Ю. Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989. С. 159; *Кузина Г. А.* Государственная политика... С. 108). 26 февраля 1920 г. постановлением по Наркомпросу РСФСР Отдел имуществ Республики был поглощен Музейным отделом. Новое подразделение по предложению А. В. Луначарского переименовывают в Отдел музеев и охраны памятников искусства и старины (с выделением в его структуре музейной секции). Подведомственные Отделу имуществ учреждения, дворцы и здания с прилегающими к ним парками и садами с 1 марта 1920 г. передаются в ведение Отдела музеев. Работой отдела руководила (согласно постановлению Наркомпроса РСФСР от 6 марта 1920 г. Протокол № 23/296, п. 1) Всероссийская коллегия в составе наркома А. В. Луначарского, зав. отделом Н. И. Троцкой и уполномоченного по Петрограду Г. С. Ятманова (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 100–100 об.).

11 февраля 1921 г. Совнарком утверждает положение «О Народном Комиссариате просвещения», детально определявшее его структуру, функции и организацию работы (Собрание узаконений

учреждениях (дворцах, музеях, церквах и т. п.)[,] имеющих сведения о всех без исключения предметах[,] находящихся в данных хранилищах, как представляющих материальную, так и историческую ценность»⁹.

Вместе с тем, 12 декабря 1921 г. Главмузей проинформировал Л. Д. Троцкого (делопроизводственный № 11754), что «в целях осуществления задания по изъятию согласно постан[овлению] С. Н. К. находящихся в ведении Главмузея в музейных хранилищах разного рода ценностей, не имеющих музейного значения, как принятых на учет Главмузея, так равно и ценностей[,] эвакуированных из Петербурга, состоявших в ведении бывшего Министерства Двора, Главмузеем образуются для научно-художественного определения этих ценностей и отбора тех из них, которые представляют художественное или особое историческое или бытовое значение», особая Центральная Комиссия Государственного Фонда Главмузея и местные экспертные комиссии. Согласно прилагавшемуся к письму тексту положения, «для взаимной связи и согласования работ в состав центральной Комиссии Главмузея входит представитель от уполномоченного С.Н.К.». Кроме того, «Уполном[оченному] С.Н.К. предоставляется право контроля действий каждой Экспертной Комиссии, посредством включения в ее состав своего представителя». При этом подчеркивалось, что «утвержденные Центральной Комиссией Главмузея списки предметов[,] отобранных местными Экспертными Комиссиями, должны признаваться решающими. В случаях, если представитель от уполном[оченного] С.Н.К. будет не согласен с постановлением Центральной Комиссии Главмузея, дело поступает на рассмотрение Главмузея, решение которого является окончательным»¹⁰.

и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ). 1921. № 12. Ст. 78; Известия ВЦИК. 1921. 15 февр.). Предусматривалось разделение наркомата на 2 центра (Академический и Организационный) и 4 Главные управления. В состав Академического центра входили: научная (Управление научных учреждений) и художественная секции, Главархив и Главмузей (Бюллетень Наркомпроса. 1921. № 2). Решение о создании Главмузея принимается 2 марта 1921 г. на заседании Коллегии Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины (Протокол № 9, п. 1 // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 21. Л. 30, 44; Оп. 8. Д. 135. Л. 13, 86). 5 июня 1921 г. вступает в силу Положение о Главмузее — Главном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы [при этом на официальном бланке словосочетание «искусства старины» писалось без разделительной запятой] (Там же. Оп. 3. Д. 131. Л. 5 и др.). Параллельно продолжает функционировать Музейный отдел Главмузея. Работой Главмузея и одновременно Музейного отдела по-прежнему руководила Н. И. Троцкая (*Кюзина Г. А.* Государственная политика... С. 123–124, 168).

В конце 1921 г. наступает время очередного реформирования Наркомпроса: во исполнение постановления Президиума ВЦИК (от 13 декабря 1921 г.) распоряжением по Наркомпросу № 1/448 от 2 января 1922 г. Управление научных и научно-художественных учреждений Академического центра Наркомпроса РСФСР было реорганизовано в Главное управление научных[, музейных] и научно-художественных учреждений Академического центра Наркомпроса РСФСР (Главнаука) [как вариант — с иными падежными окончаниями: Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями].

Отдельные главы Академического центра преобразуются в отделы Главнауки. Главмузей также становится составной частью единого главка в форме Отдела [по делам] музеев Главнауки Академического центра Наркомпроса РСФСР (Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1922 г. № 64 (18 янв.). С. 1). Заведующей отделом переназначается Н. И. Троцкая (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 43. Л. 28–29), которая продолжает занимать эту должность по 1927 г. включительно. Особо отметим, что в течение большей части 1922 г. в переписке, на бланках, в обращениях к адресату, в формуле подписи использовалось наименование Главмузей, хотя формально этой структуры уже не существовало.

⁹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 131. Л. 27–27 об.

¹⁰ Там же. Л. 10–11 об.

14 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) установило (прот. № 85, п. 12) «для проведения работ по изысканию, сосредоточению и взятию на точный учет всех принадлежащих РСФСР драгоценностей 6-ти месячный срок»¹¹.

27 декабря 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил текст декрета «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», который требовал при изъятии, ликвидации и использовании этого имущества различать (посредством музейной экспертизы): 1) «имущество, имеющее историко-художественное значение», которое «подлежит исключительному ведению отдела по делам музеев» Наркомпроса и не может отчуждаться без его разрешения; 2) «имущество материальной ценности», подлежащее передаче в Гохран¹² и 3) «имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось»¹³: его судьба оставлялась на усмотрение местных властей¹⁴. Секретный циркуляр Президиума ВЦИК, разосланный на места 19 (30) декабря 1921 г., указывал на многочисленные факты нерационального использования, неорганизованной продажи и бессмысленного распыления местными организациями и учреждениями церковного достояния (с 1918 г. национализированного, принятого на баланс советской властью и находящегося лишь в пользовании групп верующих), настаивая на необходимости проведения срочной ревизии и передачи наиболее ценной части культового имущества (за исключением уже находившегося в пользовании верующих) в распоряжение Гохрана¹⁵.

В шифротелеграмме НР 383/9С (№ 811/ш) от 14 января 1922 г. за подписями Троцкого (в качестве председателя РВСР), а также руководителей Наркомфина, ВЧК и НКВД РСФСР, направленной «ВСЕМ ЗАВГУБФИНОТДЕЛАМ КОПИЯ ПРЕДГУБЧЕКА И ГУБ-ВОЕНКОМАМ», говорилось, что «Наркомфин неоднократно предлагал своими циркулярными распоряжениями незамедлительно сосредоточить кассах Губфинотделов ценности хранилищ отдельных учреждений губернии и высылать таковые по мере накопления Москву по принадлежности <...> тчк <...> Предписывается под Вашу личную ответственность кратчайший срок произвести сдачу всех хранящихся учреждениях губернии ценностей¹⁶ Губфинотделы тчк Для учета всех возможных хранилищ как то хранилищ

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 227. Л. 1, 11–12.

¹² Гохран был создан 3 февраля 1920 г. декретом Совнаркома РСФСР № 414 как Государственное хранилище ценностей при Центральном бюджетно-расчетном управлении Наркомфина РСФСР, «для централизации хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра, в слитках и изделиях из них, бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга...» (Декреты Советской власти. Т. 7: 10 декабря 1919 г.—31 марта 1920 г. М., 1975. С. 193). Важнейшей задачей Гохрана было обезличение поступавших в него ценностей: обезличение документальное и обезличивание физическое (демонтаж изделий и сортировка драгоценных металлов и камней с последующей выдачей на товарный рынок в установленные сроки) (ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 104. Л. 95–97, 98, 104, 113, 115, 117; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7632. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об и др.).

¹³ Оговорка насчет неприкосновенности культовых предметов обиходного характера и повседневного пользования содержалась и в тексте постановления Президиума ВЦИК от 2 января 1922 г. «О ликвидации церковного имущества» (прот. № 1, п. 15), в котором в очередной раз указывалось, что предметы историко-художественного значения подлежат исключительному ведению Главмузея, потому «никакие изъятия и использования не могут осуществляться «без разрешения на то Главмузея или его органов на местах» (Цит. по: Политбюро и церковь. Кн. 2. Док. № П-1. С. 5–6 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 85. Л. 2).

¹⁴ СУ. 1922. № 19 (7 апр.). Ст. 215. С. 296–297; Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 22 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 730. Л. 18.

¹⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 151. Оп. 2. Д. 4. Л. 11.

¹⁶ Речь шла об изделиях из драгметаллов, монетах, слитках, драгоценных камнях, кредитных билетах, расчетных знаках (в том числе ветхих и суррогатных), процентных бумагах, иностранной валюте (Циркуляр Вятской губернской Чрезвычайной тройки по изъятию ценностей от 23 января

музеев монастырей домовых церквей барских усадеб дворцов пустующих помещений бывших частных банков полковых цейхаузов отделов управлений и прочих организуйте чрезвычайные тройки составе Завгубфинотдела Предгубчека и Губвоенкома тчк Работу необходимо проводить условиях строгой конспирации тчк О ходе работ результатах всех конкретных фактах равно о встретившихся препятствиях доносить Гохран ЗамОсобоуполномоченному Совнаркома товарищу БАЗИЛЕВИЧУ¹⁷ тчк»¹⁸.

23 января 1922 г. состоялось одно из первых заседаний «комиссии по учету и сосредоточению ценностей <...>. Присутствовали: тт. Троцкий, Красиков, Лебедев, Базилевич, Филиппов, Уншлихт, Сосновский, Галкин, Краснощёков». Был заслушан «Доклад тов. Базилевича о работах секретной комиссии по изъятию ценностей из церквей и монастырей и работах ТРОЙКИ по изъятию ценностей из Главмузея. Постановили: <...> 2. Признать необходимым во всех губерниях образовать только одну авторитетную комиссию при Исполкомах по фактическому учету, фактическому изъятию и фактической отправке ценностей в ГОХРАН, независимо от того, в каких государственных хранилищах (музеях, складах ЧК и Губфинотделов, закрытых монастырях и пр.) эти ценности хранятся. <...> 4. Инструкцию для работы местных секретных комиссий по изъятию церковных и монастырских ценностей и инструкцию для работы местных ТРОЕК по учету, изъятию и сосредоточению ценностей утвердить, слив их в одну, с поправкой „поскольку дело идет об имуществе упраздненных церквей и монастырей необходимо присутствие в ТРОЙКЕ представителя Губюста“¹⁹. <...> 6. Считать утвержденными инструкции

1922 г. // Государственный архив социально-политической истории Кировской области. П-98. Оп. 1. Д. 79. Л. 1).

¹⁷ *Базилевич Георгий Дмитриевич* (1889–1939). Подполковник царской армии. В феврале 1917 г. вступил в ряды РСДРП (в феврале—марте разделял взгляды меньшевиков, затем был принят в партию большевиков). С марта 1918 г.—в РККА. В марте—апреле 1918 г. участвовал в работе Высшей военной инспекции (под начальством Н. И. Подвойского), штаб которой располагался на Нижней Волге, в Камышине. Далее командовал Западной армией (Саратов); войсками Донской области и Северного Кавказа (по сведениям на апрель 1920 г.—командующий Северо-Кавказским военным округом). С лета 1920 г.—командующий Харьковским военным округом. Конец 1920–1921 г.—главный начальник снабжения РККА. В 1921–1922 гг. состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете Республики. С конца 1921 г.—заместитель Особоуполномоченного Совнаркома РСФСР по учету и сосредоточению ценностей (то же на 18 октября 1922 г.). Между 10 мая и 7 июля 1922 г. был назначен начальником Гохрана. По сведениям на 17 ноября 1922 г.—начальник «Отдела Металл. Алмазн. Фонда» (МЕТАЛФОНД) Валютного управления Наркомфина РСФСР. С 1924 г.—снова в РККА; с 1925 г.—командующий Московским военным округом, с 1927—Приволжским военным округом. С 1931 г.—секретарь Комитета (в 1931–1937 гг.—Комиссии) обороны при СНК СССР. Был арестован 23 ноября 1938 г., 3 марта 1939 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 467. Л. 45; *Веселая Г. А.* «Отец учил меня...»: история московской семьи // *Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал*. М.: Наука, 2007. № 3 (май—июнь). С. 163–167, 171–172; № 4 (июль—август). С. 156, 160–161, 174.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 4. Л. 120.—См. также: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 68. Л. 20, 28.

¹⁹ Согласно утвержденной 23 января 1922 г. Инструкции местным комиссиям по учету, изъятию и сосредоточению ценностей, губернские тройки должны были обследовать все хранилища—склады ЧК, музеи, губфинотделы, закрытые ранее монастыри и церкви (Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 16; Кн. 2. С. 22, 466 (комм. 14) со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 8–8 об.). Особая процедура предусматривалась при конфискации ценностей закрытых монастырей: ценности изымались Комиссией по соглашению с Отделами Управления Губсоветов при обязательном присутствии в момент сдачи ценностей в Гохран представителей Губюста, Главмузея и Центральной Экспертной Комиссии Главмузея.

экспертным комиссиям по разбору и научно-художественному определению ценностей, находящихся в музейных хранилищах Главмузея»²⁰.

Доклад Л. Д. Троцкого о промежуточных результатах порученной ему работы, который должен был состояться во исполнение постановления СНК от 12 ноября 1921 г., несколько раз переносился в течение декабря 1921 г. — января 1922 г.²¹ В конечном итоге Троцкий, отъехавший в отпуск²², 30 января 1922 г. предоставил на имя Председателя СНК В. И. Ленина письменную справку (делопроизводственный № 91)²³ о предварительных итогах деятельности возглавлявшейся им комиссии: «Препровождаю при сем очень суммарный доклад замещающего меня по работе по ценностям т. Базилевича относительно фактического хода сосредоточения ценностей и их примерного количества. <...> Доклад говорит о производимом ныне изъятии золота и серебра из местных и центральных учреждений ЧК, финотделов, музеев, дворцов, особняков и упраздненных, т. е. превращенных в простые хранилища, монастырей. Другими словами, доклад не затрагивает действующих церквей и вообще всяких действующих религиозных учреждений и заведений. Изъятие ценностей из этих учреждений является особой задачей, котор[ая] ныне готовится политически с разных концов. Сколько может дать эта операция, никто даже предположительно сказать не может»²⁴.

К тексту справки была приложена докладная записка № 440 от 30 января 1922 г. «Замособоуполномоченного Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей» Г. Д. Базилевича на имя Председателя Реввоенсовета Республики: «По состоянию к 27/1 с/г. в ГОХРАНЕ имеется грубоучтенных ценностей <...> всего на сумму: ...116.861.877 руб. Оценка произведена с допуском увеличения суммы при более детальном учете ценностей. <...> Все суммы приблизительной оценки приведены мною в довоенных золотых рублях».

Далее в докладе обильно фигурировали упоминания о музейных ценностях:

«Совершенно не оцененных, но учтенных по весу и количеству мест в ГОХРАНЕ имеется следующее количество:

золотых вещей худож[ественно]-историч[еского] значения 1 п[уд] 2 ф[унта] 44 з[олотника] <...>

музейной монеты.....38 п[удов] 11 ф[унтов] 72 з[олотника] <...>

ценности Новгор. Юрьевск. Монастыря.....9 ящиков (приблиз[ительная] оценка 2.000.000 руб.)

ценности[,] привезенные из Истор[ического] Музея25 мест

Предприняты работы по разбору и изъятию ценностей из Оружейной Палаты. <...>

<...> в хранилище Оружейной Палаты находится 1469 мест эвакуированных ценностей с разных мест. Разбор 13 ящиков дал по приблизительному подсчету 4.000.000 руб. Троице-Серг[иева] Лавра заключает также громадное количество ценностей. Особенно

²⁰ Цит. по: *Нікітін Василь Іванович*. На кола свої. Історія приходу євангелістсько-лютеранської церкви Христа Спасителя м. Николаєва [На круги своя. Історія приходу євангелістсько-лютеранської церкви Христа Спасителя г. Николаєва]. Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2006. 320 с. С. 252 со ссылкой на рассылавшуюся на места заверенную копию протокола заседания Комиссии: Государственный архив Николаевской области. Ф. Р-2801. Оп. 1. Д. 3. Л. 32. — См. также: Государственный архив Кировской области. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

²¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 2; Д. 2989. Л. 1; Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 112–113.

²² Л. Д. Троцкий с 31 января 1922 г. находился в отпуске. Вернувшись не позднее 11 марта 1922 г., он отправился в рабочую поездку по западным губерниям.

²³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 102.

²⁴ Там же. Л. 103.

много жемчуга, есть крупные бриллианты и золото. Все ценности Лавры находятся под охраной, не исключая возможности хищения. К устранению этого мною приняты меры. Для учета и изъятия ценностей Троице-Серг[иевой] Лавры необходимо срочно организовать комиссию, о чем Главмузей поставлен в известность. За ценностями Северной Области в Петроград отправлен приемщик»²⁵.

10 февраля 1922 г. в дополнение к своему предыдущему докладу Г. Д. Базилевич направляет на имя Л. Д. Троцкого (делопроизводственный № 604) исправленную «сводку фактического наличия золота, серебра и платины на 1 февраля 1922 г., составленную на основании данных, имеющихся в Сметно-Административном Отделе Наркомфина» (отчетные данные Комиссии СТО по золотому фонду). Речь шла об общей сумме от 279,3 млн руб. до 287, 3 млн руб. (исходя из двух вариантов оценки). «Кроме ценностей, определенных в золотых рублях и сведенных выше в таблице, следует принять во внимание <...> Ценности[,] только что поступившие в Гохран и совершенно не разобранные. а) 14 вагонов с ценностями из Петрограда (главным образом серебро, золото и драгоценные камни). <...> Предстоит затем в результате начатой уже работы поступление большого количества ценностей из монастырей, закрытых и обращенных в музейные хранилища. Учесть стоимость этих вещей даже приблизительно не представляется возможным»²⁶.

Параллельно с февраля 1922 г. в РСФСР начинается (и до августа 1922 г. продолжается) кампания по изъятию ценного церковного имущества из действовавших храмов и монастырей²⁷. Конфискационные функции были возложены на специальные губернские комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ), действовавшие под эгидой ЦК Помгола²⁸ и с опорой на аппарат сформированных в январе 1922 г. местных комиссий «по учету и сосредоточению ценностей»²⁹. Формальным председателем Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей (ЦКИЦЦ) был утвержден М. И. Калинин³⁰. На практике все нити управления сосредоточивались в руках Л. Д. Троцкого, фактически руководившего работой Бюро ЦКИЦЦ³¹. В дальнейшем деятельность обеих комиссий

²⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 104–105.

²⁶ Там же. Л. 106–111.

²⁷ Подробнее см.: *Кравчин М. Ю.* Главмузей и изъятие церковных ценностей в Советской России (весна—лето 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 32–51.

²⁸ ЦК Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Создана согласно постановлениям ВЦИК от 17 февраля и 18 июля 1921 г. Председатель — М. И. Калинин. В числе основных задач: изыскание средств для борьбы с голодом, выяснение его размеров, решение вопросов о признании голодающими отдельных губерний и уездов, реализация декретов ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Упразднена 15 октября 1922 г. Ей на смену пришла ЦК Последгол (Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК), сформированная постановлением ВЦИК от 7 сентября 1922 г. Председатель — М. И. Калинин. В числе основных задач: предоставление ссуд пострадавшим районам, материальной помощи и налоговых льгот крестьянам и другим категориям лиц, пострадавшим от голода. Была ликвидирована 1 августа 1923 г.

²⁹ Однако параллельно ВЦИК учредил еще и свои собственные комиссии в губерниях, тем самым внося изрядную путаницу в структуру механизма изъятия. В целях упорядочения деятельности всех вышеперечисленных ведомственных подразделений 20 марта 1922 г. Политбюро (прот. № 114, п. 6) принимает решение о сосредоточении руководства кампанией в руках партийных органов посредством создания в центре и на местах (под прикрытием ЦК Помгола) секретных «ударных» комиссий по изъятию с участием секретарей губкомов и местных руководителей ГПУ.

³⁰ *Калинин Михаил Иванович* (1875–1946). С 30 марта 1919 г. — председатель ВЦИК. С 1919 г. — член ЦК РКП(б). В 1921–1922 гг. — кандидат в члены Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК РКП(б).

³¹ Политбюро и церковь. Кн. 1. Док. № 23–14. С. 133–134; Док. № 23–18. С. 145–146.

(по учету и сосредоточению ценностей всех видов и по изъятию церковных ценностей) полностью переплетается.

15 февраля 1922 г. Г. Д. Базилевич обратился в НКВД РСФСР (делопроизводственный № 142) с просьбой срочно предоставить сведения «о монастырях и церквях всех исповеданий, как функционирующих, так и ликвидированных, на территории Сов. Республики с <...> отметкой, имеется ли в делах Административного отдела копия инвентарной описи имущества этих богослужебных мест»³². 4 марта 1922 г. Адмуправление НКВД РСФСР в свою очередь отдает циркулярное распоряжение (делопроизводственный № 75) всем губернским и уездным отделам управления (разослано за № 425/с от 14 марта 1922 г.): «прекратить всякую реализацию церковного имущества и предметов религиозных культов, ликвидированных монастырей, храмов, молитвенных домов и других богослужебных зданий: по договору новой передачи ценных вещей не производить». Одновременно НКВД требует в месячный срок «выслать копии всех старых епархиальных описей церковного имущества, ликвидированных монастырей и храмов, имевшихся при таковых до революции, а также те описи, по которым означенное имущество принималось местной властью на основании декрета „Отделение церкви от Государства“ с точным указанием, где хранятся означенные предметы»³³.

12 марта 1922 г. Л. Д. Троцкий пишет записку В. И. Ленину, в которой, среди прочего, говорит о том, что «главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко не закончена», однако «из церквей не изъято фактически ничего»³⁴.

13 марта 1922 г. Президиум ВЦИК принимает решение (прот. № 20/М, п. 11) образовать Комиссию по изъятию ценностей из музеев в следующем составе: Т. В. Сапронов³⁵ — председатель; члены комиссии Р. С. Самойлова (Землячка)³⁶ «с заменой» И. Н. Стуковым³⁷ и И. С. Уншлихт³⁸ «с заменой» Ф. Д. Медведем³⁹. Полномочия и компетенции Комиссии в протокольном решении прописаны не были. Напротив, Президиум ВЦИК поручает Секретариату «выяснить функции» вновь созданной структуры⁴⁰.

Одновременно на места рассылается инструкция «по разбору и научно-художественному определению ценностей, находящихся в музейных хранилищах Главмузея» (от 13 марта 1922 г.), которой предписывается создание специальных научно-художественных

³² ГАРФ. Р-393. Оп. 43 а. Д. 1817. Л. 48–48 об.

³³ Там же. Л. 12; ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 10. Л. 2.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1.

³⁵ *Сапронов Тимофей Владимирович* (1887–1939). С 29 декабря 1921 г. по 30 декабря 1922 г. — кандидат в члены Президиума ВЦИК. С 13 марта 1922 г. — председатель Московской КИЦЦ, с 20 марта 1922 г. — заместитель председателя Центральной КИЦЦ. С 2 апреля 1922 г. по 17 апреля 1923 г. — член ЦК РКП(б).

³⁶ *Землячка (Самойлова-Залкинд) Розалия Самойловна* (1876–1947). В 1922–1923 гг. — секретарь Замоскворецкого райкома РКП(б) г. Москвы.

³⁷ *Стуков Иннокентий Николаевич* (1887–1937). Зав. отделом МК РКП(б), редактор газеты «Московский рабочий», редактор издательства «Красная новь». В 1922 г. — член Московской КИЦЦ.

³⁸ *Уншлихт Иосиф Станиславович* (1879–1938). С 15 апреля 1921 г. по 15 октября 1923 г. — первый заместитель председателя ВЧК — ГПУ.

³⁹ *Медведь Филипп Демьянович* (1890–1937). С марта 1922 г. — начальник Московского губ-отдела ГПУ.

⁴⁰ Официальное решение о создании Комиссии поступило в Главмузей, судя по штампу, только 3 апреля 1922 г. (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 131. Л. 16; Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 86. Л. 446). Более в делопроизводственной документации весны — осени 1922 г. сведений о деятельности упомянутой структуры с вышеперечисленным персональным составом не встречается.

экспертных подкомиссий по обследованию учреждений Наркомпроса «на предмет учета и изъятия вещей, имеющих художественную ценность»⁴¹.

Между тем, отношения между Главмузеем и Комиссией Л. Д. Троцкого в центре и в губерниях складывались весьма непросто: Главмузей и его отделения на местах трактовали действовавшие на тот момент нормативные документы как право музейщиков принципиальным порядком влиять на ход и масштабы конфискационных процессов.

Заведующий Оружейной палатой Д. Д. Иванов⁴² впоследствии вспоминал: «С 14 января 1922 года в Оружейной палате Комиссией Особоуполномоченного по учету и сосредоточению ценностей⁴³ <...> начат разбор хранившегося в ней колоссального имущества различных придворных учреждений, причем разбор этот осуществлен в невероятно тяжелых условиях, при температуре около 5 градусов мороза, с постоянным замерзанием чернил несмотря на непрестанные усилия к их оттаиванию на жаровне, работая с утра до вечера в необыкновенно быстром темпе, разбирая за день сплошь и рядом по несколько сотен предметов самого разнообразного качества от первейших в мире до самых грошовых, определяя бесповоротно их судьбу и значение в несколько мгновений и испытывая в течение долгого времени в самой тяжелой форме удручающий гнет крайне резких притязаний Гохрана. Представители Гохрана не считались с культурными задачами науки, искусства и производства, безоглядно требуя обезличения и скорейшего использования драгоценных металлов и камней и вызывая постоянные острые столкновения, пререкания и споры <...>».

На первых порах многие несомненно музейные предметы были отобраны Гохраном и даже обезличены, то есть уничтожены, несмотря на все виды борьбы и настояний со стороны музейных представителей, и в частности на специальную записку, поданную мною т. Базилевичу и рассмотренную в Коллегии Наркомфина с указанием на крайнюю убыточность для государства подобных попыток починки финансовых прорех за счет культурных ценностей страны <...>».

⁴¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 313. Л. 14; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 983. Л. 108.

⁴² *Иванов Дмитрий Дмитриевич* (1870–1930). В 1893 г. закончил юридический факультет Московского университета, служил по судебному ведомству. В 1916–1917 гг. — директор Второго департамента Министерства юстиции. В 1917 г. был членом Совета министра юстиции, товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, управляющим юрисконсультским отделом Министерства финансов, на правах товарища министра. В сентябре 1918 г. был зачислен в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР. Выполнял функции эксперта, участвуя в работе различных комиссий, в том числе Комиссии Л. Д. Троцкого по учету и сосредоточению ценностей. С 27 апреля 1922 г. по 1929 г. возглавлял (в качестве заведующего, позднее — директора) Оружейную палату. 1 декабря 1929 г., будучи не в состоянии переносить разорение вверенных ему коллекций, написал прошение об отставке и перешел на должность хранителя. Покончил жизнь самоубийством 12 января 1930 г. накануне изъятия по директиве Наркомфина большого количества экспонатов, в том числе и тех, которые Д. Д. Иванову удалось спасти в 1922–1923 гг.

⁴³ Речь идет о работе Комиссии Особоуполномоченного ВЦИК и СНК по учету и сосредоточению ценностей дворцового ведомства (14 января—9 сентября 1922 г.) // Отдел рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ) Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1922 г. Д. 4. Л. 1–162 об. — Опубликовано: *Тугова Т. А.* Судьба дворцовых ценностей Российской императорского дома: журналы работы Комиссии 1922 года в Московском Кремле: в 2 ч. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“», 2015. Ч. 1: Тексты. 315 с.; Ч. 2: Комментарии. 231 с.

Под влиянием неустанной и самоотверженной борьбы постепенно Гохран начал отступать от своего непримиримого отношения <...>⁴⁴.

Свидетельством достижения известного компромисса заинтересованных сторон могли бы служить тексты приведенных ниже двух документов.

Так, 28 марта 1922 г. Г. Д. Базилевич проинформировал Н. И. Троцкую (делопроизводительный № 1004, получено 31 марта 1922 г.) о разосланной ранее им (за подписями замособоуполномоченного СНК и Завглавмузеем) телеграмме № 913 от 15 марта 1922 г. в адрес «ВСЕМ ЗАВГУБФИНОТДЕЛАМ тире ПРЕДКОМИССИЙ ПО УЧЕТУ ЦЕННОСТЕЙ (кроме Петрограда)[.] Подтверждается неуклонному руководству[,] что осмотру комиссий подлежат лишь хранилища музеев зпт экспонаты[,] выставленные в музеях[,] неизымаются (так в оригинале. — М. К.) тчк Из найденных хранилищах вещей спорного порядка оставлять на месте только высокохудожественные хрупкие вещи зпт могущие быть повреждены при пересылке зпт каковые держать на особом учете Губфинотделах Главмузеев[,] сообщая подробную опись мне[,] копии Главмузей Троцкой тчк»⁴⁵.

Циркулярная телеграмма № 1067 от 8 апреля 1922 г., от имени Г. Д. Базилевича адресованная «ВСЕМ ГУБФИНОТДЕЛАМ. Копия ПредЭк[с]Комиссии по изъятию ценностей», уточняла: «В виду повторяющихся случаев неточного выполнения инструкций Эккомиссиями, предлагается к неуклонному и строжайшему руководству, что изъятию подлежат из хранилищ музеев только вещи благородного металла и драгоценных камней, представля[ющие] большую материальную ценность и не имеющие большого художественного музейного значения. Вещи спорного характера не изымать, а оставлять на месте, присылая мне, копию Главмузей подробное описание вещи и заключение членов Комиссии. Экспонаты, ковры, картины, ткани прочее ни в коем случае не изымаются»⁴⁶.

Тем не менее, 3 мая 1922 г. Н. И. Троцкая отправила в Бюро ЦКИЦЦ «доклад», в котором речь шла о порочной и недопустимой практике изъятия церковных ценностей из действующих музеев, происходившей в рамках процесса экспроприации движимого имущества Православной Российской Церкви: «Главмузей может указать на следующие несколько примеров <...> последних дней, которые рисуют грозную опасность для сохранности величайших памятников искусства, имеющих не только общероссийское, но и мировое значение. В Кирилло-Белозерском монастыре изъятые и вывезены в Уфинотдел все музейные вещи, среди которых имеются уникалы и редчайшие произведения 15–17 веков, и таким образом Главмузей потерял их из вида. В Боровском монастыре, где с 1920 г. организован в специальном здании гражданской архитектуры (не в храме) Музей Древне-Русского Искусства и где уже с 11 Марта было произведено изъятие церковных ценностей не музейного значения, ныне вопреки телеграмме ВЦИК от 19 Апреля с/г. за № 83829/9537⁴⁷ и телеграмме Председателя ВЦИК М. И. Калинина от 24 апреля⁴⁸, предлагающим музейные вещи оставить на месте в ведении Главмузея, было произведено

⁴⁴ Отчет о работе музея «Оружейная палата» за 1918–1923 гг., составленный его заведующим Д. Д. Ивановым. Утвержден Ученым Советом Оружейной Палаты 14 апреля 1923 г. (Цит. по: Сокровищница России: страницы исторической биографии музеев Московского Кремля (Материалы и исследования / Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“»). Вып. XIV). М., 2002. С. 378–379.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 131. Л. 129–130.

⁴⁶ Там же. Л. 215. — См. также: Политбюро и церковь. Кн. 2. С. 270, 493 (комм. 138) со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 109.

⁴⁷ Политбюро и церковь. Кн. 2. Док. № П-114. С. 217–219.

⁴⁸ Не выявлено; аналог: Политбюро и церковь. Кн. 2. Док. № П-55. С. 92–93.

вторичное изъятие <...>. Кроме того были изъяты и вывезены в Уфиноотдел вещи из Музея <...>. Тоже повторилось и в Москве, Петрограде, Костроме, Смоленске, Нижнем Новгороде, Калуге, Рязани, Казани и Ярославле. <...> Из приведенных фактов видно, что Комиссии по изъятию церковных ценностей смешивают два дела, не имеющих между собой ничего общего: постановление ВЦИК об изъятии ценностей имеет в виду исключительно церкви, а отнюдь не музеи, в составе коллекций которых также могут находиться предметы, имеющие некогда церковное значение, но экспонируемые в Музее в разрезе не церковного обихода, но только искусства или древнего быта. Само собой разумеется, что изъятие церковных ценностей ни коим образом не должно касаться музеев. Если бы когда[-]нибудь жизненные интересы государства привели к неизбежности пожертвовать частью и музейных ценностей, то, получив соответствующее предложение, Главмузей во всяком случае смог бы ликвидировать эти ценности с неизмеримо большей пользой ко благу трудящихся Р.С.Ф.С.Р., с сохранением наиболее нужных предметов для музеев <...>. Исходя из всего вышеизложенного и зная, что в настоящее время изъято значительное количество золота, серебра и драгоценных камней, которые составляют внушительный основной фонд Помгола, Главмузей просит Вас окончательно подтвердить его право и обязанность, сосредоточить в наиболее значительных и соответствующих своим целям хранилищах Губмузеев в провинции и Оружейной Палате в Москве все музейные ценности для производства окончательной научной экспертизы, полного учета и классификации их и дать надлежащее распоряжение о том, чтобы все эти вещи не были направляемы в Гохран»⁴⁹.

Между тем, 18 мая 1922 г. Л. Д. Троцкий написал письмо (делопроизводственный № 314) конкретно поименованным руководителям экономического блока правительства (М. И. Фрумину⁵⁰ и Г. Я. Сокольникову⁵¹, копия в ЦК РКП(б) И. В. Сталину⁵²), ставя их в известность, что его «работа по сосредоточению и учету ценностей закончена и в дальнейшем

⁴⁹ Политбюро и церковь. Кн. 2. Док. № П-119. С. 228–230 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 660–661.

17 июня 1922 г. директор Эрмитажа С. Н. Тройницкий, обращаясь к Л. Д. Троцкому, подчеркивал: «Вполне сознавая всю необходимость в данный тяжелый период использовать все средства, которыми обладает государство, считаю себя обязанным <...> высказать свое мнение о нерациональности применения к музеям тех же методов обследования, которые применяются к церквям и другим хранилищам немусейного типа. <...> Ежели государство в настоящий момент поставлено в грустную необходимость использовать ценности своих музеев, то оно должно и может их использовать с наибольшей выгодой именно, как музейные объекты» (Проданные сокровища России. С. 80 со ссылкой на: ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 487. Л. 440).

Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948). Доктор искусствоведения, специалист по прикладному искусству. С 1908 по 1932 гг. — сотрудник Эрмитажа: с 1918 по 1927 гг. занимал пост директора; с 1927 по 1931 гг. — должность заведующего отделом прикладного искусства. В 1935 г. был арестован и выслан из Ленинграда (до 1938 г. находился в ссылке в Уфе). В 1939–1941 гг. работал в Музее керамики в Кусково (с 1943 г. — как консультант). С 1945 г. — заведующий сектором декоративного искусства ГМИИ им А. С. Пушкина.

⁵⁰ **Фрумин Моисей Ильич** (1878–1939). С апреля 1922 г. по 1925 г. — заместитель наркома внешней торговли РСФСР.

⁵¹ **Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант/Бриллиантов Гири Янкевич)** (1888–1939). В 1922–1930 гг. — член ЦК РКП — ВКП(б). В 1921–1922 г. заместитель наркома финансов РСФСР. 23 ноября 1922 г. — 16 января 1926 г. — нарком финансов РСФСР-СССР.

⁵² **Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (1879–1953). На момент описываемых событий — член ЦК, член Оргбюро ЦК, член Политбюро ЦК РКП(б), член Президиума ВЦИК, член Реввоенсовета Республики. С апреля 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК РКП(б). С 24 февраля 1920 г. по 25 апреля 1922 г. — нарком Рабоче-Крестьянской инспекции РСФСР.

Вам надлежит сноситься непосредственно с моим главным сотрудником и заместителем по сосредоточению ценностей т. Базилевичем, который по просьбе Наркомфина переходит в его ведение и таким образом необходимые связи сохраняет целиком»⁵³.

22 мая 1923 г. В. И. Ленин энергично выступил «за неприятие отставки (от этого дела) Троцкого»⁵⁴. Некоторые члены Политбюро предлагали сохранить за Л. Д. Троцким функцию наблюдения «за реализацией ценностей». Однако 26 мая 1922 г., непосредственно на самом заседании Политбюро (прот. № 8, п. 1), проходившем в присутствии Троцкого и в отсутствие Ленина, был одобрен нижеследующий текст постановления: «Принять к сведению сообщение т. Троцкого, что работа по сосредоточению и учету ценностей, порученная ему Политбюро и Совнаркомом, закончена и передана целиком в Наркомфин. Ликвидацию комиссии провести в советском порядке»⁵⁵.

23 мая 1922 г. Г. Д. Базилевич докладывал Л. Д. Троцкому, что за 6 месяцев Комиссии по учету и сосредоточению ценностей удалось сконцентрировать в Гохране «детально учтенных ценностей» на 684 236 031 золотой рубль 22 коп. и предварительно оцененных — на 233 142 990 рублей золотом (из них до 16 ноября 1921 г. на балансе Наркомфина находилось лишь на 17 миллионов ценностей, позднее подвергшихся некоторой переоценке)⁵⁶. Неизвестно, учитывались ли в этой сумме церковные ценности, однако, в любом случае, сводная ведомость ЦК Последгол ВЦИК от 4 ноября 1922 г. свидетельствует, что на 1 ноября 1922 г. суммарная стоимость «собранных церковных ценностей» составила лишь 4 650 810 рублей золотом⁵⁷, что соответствовало всего нескольким процентам от денежной массы общей «добычи» Троцкого — Базилевича.

Согласно указанию Пленума ЦК от 16 мая 1922 г., вместо Комиссии по сосредоточению и учету ценностей, была официально⁵⁸ создана Комиссия для максимального ускорения реализации ценностей в составе Л. Д. Троцкого, Г. Я. Сокольникова и Л. Б. Красина⁵⁹, с возможной заменой последнего М. И. Фрумкиным⁶⁰.

Ликвидация Комиссии по учету и сосредоточению ценностей была запланирована Совнаркомом на 30 мая 1922 г., однако накануне заседания в секретариате СНК была получена срочная телефонограмма (№ 1298/14) за подписью Г. Д. Базилевича с просьбой

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 277. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 5; Ф. 17. Оп. 84. Д. 304. Л. 62.

⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 277. Л. 2–4; Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 33.

⁵⁶ Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 18 со ссылкой на Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 39. Д. 93. Л. 62.

⁵⁷ Политбюро и церковь. Кн. 1. Док. № 23–50. С. 184 со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 76–77.

⁵⁸ Не исключено, что комиссия с подобными функциями неофициально (фактически) уже действовала, по крайней мере, с марта 1922 г. (см.: «протокол № 9 заседания комиссии по реализации ценностей» от 22 марта 1922 г.: Троцкий, Красин, Фрумкин, Литвинов, Шейман, Туманов) (Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 17 со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 93. Л. 12).

⁵⁹ **Красин Леонид Борисович** (1870–1926). С 8 июля 1920 г. по 6 июля 1923 г. — нарком внешней торговли. С августа 1920 по 1926 г. — полпред и торгпред РСФСР-СССР в Великобритании.

⁶⁰ Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 474–475 (комм. 5) со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 93. Л. 47.

В мае — июне 1922 г. возник спор между Л. Д. Троцким и Г. Д. Базилевичем, с одной стороны, и Л. Б. Красиным и Г. Я. Сокольниковым, с другой. Первые оценивали общие сборы Комиссии по учету и сосредоточению ценностей ориентировочно в 1 млрд золотых рублей, вторые считали более реалистичной сумму в 100 млн рублей (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 127. Л. 144; Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 143–144; Оп. 163. Д. 276. Л. 2, 7, 8–8 об.; Д. 280. Л. 2, 16–16 об., 17; Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 18 со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 93. Л. 51–63 об.)

«вопрос <...> временно снять с повестки дня <...> ввиду затянувшейся работы по изъятию ценностей на окраинах Республики[,] в переброске ценностей с Украины[,] из[-за] целого ряда спорных вопросов, каковые Комиссия должна разрешить в ближайшее время»⁶¹. Просьба была частично удовлетворена. В постановлении, принятом Совнаркомом 6 июня 1922 г. (прот. № 494, п. 5 (3)), говорилось: «Тройки, организованные на местах телеграммой Особоуполномоченного СНК по учету и сосредоточению ценностей за № 389/дс (так в оригинале. — М. К.) от 12 янв.[,] ликвидируются—причем на Завгубфинотделах возлагается в течение одного месяца закончить досылку ценностей, подлежащих компетенции К[оми]ссии учета и сосредоточения ценностей». Вместе с тем, по итогам обсуждения доклада Базилевича, текст постановления был дополнен несколькими пунктами, адресованными Главмузею: «б) Для изъятия экспонатов высоко-материальной ценности из музеев, а также для решения вопросов о спорных вещах, изъятых из хранилищ музеев и сосредоточенных в Гохране, создается Комиссия, решения которой безапелляционны. На НКФ по соглашению с НКПросом возлагается в недельный срок представить на утверждение СНК персональный состав комиссии. в) Полномочия Особоуполномоченного СНК сохраняются до конца работ Комиссии. г) Настоящее пост[ановление] не распространяется на изъятие церковных ценностей специальными органами»⁶².

Решения СНК от 6 июня 1922 г. оказались совершенно неожиданными для руководства Наркомпроса и Главмузея, которые на заседании отсутствовали (согласно версии Н. И. Троцкой, не были приглашены). Поэтому 13 мая 1922 г. заместитель наркома В. Н. Максимовский и Н. И. Троцкая обратились в секретариат СНК с просьбой «вопрос о персональном утверждении Комиссии по изъятию музейных экспонатов отложить»⁶³.

15 июня 1922 г. телефонограммой (№ 736) Нарком по просвещению А. В. Луначарский⁶⁴ направил обоим заместителям председателя Совнаркома и Совета труда и обороны А. И. Рыкову⁶⁵ и А. Д. Цюрупе⁶⁶ заявление следующего содержания: «[С]амым энергичным образом оспариваю какую бы то ни было возможность изъятия для реализации чисто музейных ценностей. О реализации имущества музеев[,] не носящего музейного характера[,] представляю соответственный законопроект согласно разговору с т. Цюрупой»⁶⁷. В ответ А. Д. Цюрупа достаточно резко заметил: «если Вы не довольны постановлением СНК[,] опротестуйте его в Президиум ВЦИК»⁶⁸.

Еще через несколько дней, 4 июля 1922 г., А. Д. Цюрупа в письме А. В. Луначарскому (делопроизводственный №358/Ц) перешел, фактически, на язык ультиматумов: «Так как до настоящего времени опротестования не последовало и постановление СНК не

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 115.

⁶² Там же. Л. 118–118 об.

⁶³ Там же. Л. 124–125.

⁶⁴ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933). С 8 ноября 1917 г. по 12 сентября 1929 г.—нарком по просвещению РСФСР-СССР.

⁶⁵ *Рыков Алексей Иванович* (1881–1938). На момент описываемых событий—член ЦК РКП(б), член Орбуро и Политбюро ЦК РКП(б), член Президиума ВЦИК, с конца мая 1921 г.—заместитель председателя Совнаркома РСФСР. В 1920, 1922–1924 гг.—заместитель председателя Совета труда и обороны РСФСР-СССР.

⁶⁶ *Цюрупа Александр Дмитриевич* (1870–1928). С 29 декабря 1921 г.—член Президиума ВЦИК, с 5 декабря 1921 г.—заместитель председателя Совнаркома РСФСР. В 1921–1925 гг.—заместитель председателя Совета труда и обороны РСФСР-СССР. Одновременно с 25 апреля 1922 г. по 6 июля 1923 г.—нарком Рабоче-Крестьянской инспекции.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

⁶⁸ Там же. Л. 8 об.—9.

исполнено — предупреждаю Вас, что, если Вами не будет указанное постановление выполнено в 24-х часовой срок, то представитель Наркомпроса будет назначен по усмотрению СНК без согласования с Наркомпросом»⁶⁹.

6 июля 1922 г. Г. Д. Базилевич обратился (делопроизводственный № 1412) за поддержкой к секретарю СНК Л. А. Фотиевой⁷⁰: «Ввиду того, что вопрос образования безапе[лл]яционной Комиссии для разрешения спорных вопросов об изъятых из Хранилищ Музеев ценностях остается открытым вследствие отказа Главмузея дать в вышеозначенную Комиссию своего представителя, считаю нужным указать на необходимость срочного разрешения данного вопроса. Комиссия по учету и сосредоточению ценностей в своей работе неоднократно наталкивалась на высоко-материальные ценности, историко-художественное значение которых ею оспаривалось или материальная ценность каковых признавалась значительно преобладающей их музейному значению. Сейчас в конце нашей работы образовался целый ряд таких ценностей, вопрос об изъятии которых[,] так или иначе, должен быть разрешен[,] и вследствие[е] равных полномочий представителя Особополномоченного и Главмузея не может быть разрешен существующими сейчас Экспертными Комиссиями. Полагаю, что работа вышеозначенной Летучей Комиссии коснется только крупных центров как то: Петроград, Москва и Троице-Серг[и]евская Лавра и будет проведена в совершенно срочном порядке»⁷¹.

5 июля 1922 г. А. В. Луначарский телефонограммой (№ 748) еще раз подтвердил, «что НКПрос протестует против состоявшегося решения об изъятии музейных экспонатов из музеев и переносит вопрос в Президиум ВЦИК»⁷².

Однако до 11 июля соответствующая бумага из Наркомпроса во ВЦИК так и не пришла. 11 июля по распоряжению Цюрупы вопрос был внесен в повестку дня Совнаркома, «но за недостатком времени» был «отложен и рассмотрен в СНК лишь 18/VI»⁷³. 18 июля 1922 г. Совнарком (прот. № 506, п. 15 (9)) поставил «на вид тов. Луначарскому волокиту, проявленную им с исполнением постановления СНК от 6/VI» и предложил «НКПросу дать своего представителя в Комиссию по изъятию ценностей в 3-х дневный срок»⁷⁴.

Наконец 22 июля А. В. Луначарский письменно сообщил Л. Д. Фотиевой (делопроизводственный № 1603)⁷⁵, что интересы Наркомпроса и Главмузея в составе Комиссии «по изъятию экспонатов высоко-материальной ценности из музеев» будут представлять И. Э. Грабарь⁷⁶ и, в качестве заместителя, директор Петроградского государственного

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 128.

⁷⁰ *Фотиева Лидия Александровна* (1881–1975)—член РСДРП(б) с 1904 г. С марта 1918 г.—2-й секретарь Совнаркома РСФСР. С декабря 1920 г. по 1930 г.—секретарь Совнаркома РСФСР (с июля 1923 г.—Совнаркома СССР). С ноября 1918 г.—секретарь Совета рабочей и крестьянской обороны (Совета обороны) РСФСР (с апреля 1920 г.—Совета труда и обороны РСФСР; с июля 1923 г.—СТО СССР). Одновременно в 1918–1924 гг.—секретарь В. И. Ленина.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 117–117 об.

⁷² Там же. Л. 129.

⁷³ Там же. Л. 123.

⁷⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 14.

⁷⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 131.

⁷⁶ *Грабарь Игорь Эммануилович* (1871–1960). Живописец и искусствовед. В 1913–1917 гг.—почетный, а с 1918 г.—директор Третьяковской галереи. После октября 1917 г. был привлечен к работе Наркомпроса РСФСР, с лета 1918 г.—один из ведущих сотрудников Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (заместитель заведующего отделом, председатель подотдела Государственных музейных фондов/Национального музейного фонда). Параллельно

Эрмитажа С. Н. Тройницкий. 9 августа Совнарком утвердил (прот. 509, п. II) персональный состав комиссии, добавив к вышепоименованным еще двух человек: Ф. А. Вейса⁷⁷ (от Наркомфина и Гохрана) и Г. Д. Базилевича (от Особоуполномоченного СНК)⁷⁸.

7 августа 1922 г. из Управделами Совнаркома в Секретариат заместителя Председателя Совета труда и обороны А. И. Рыкова поступила (делопроизводственный № 1003/16) подборка документов, характеризовавших точку зрения музейного сообщества по ряду актуальных проблем⁷⁹, в том числе по вопросу «изъятия экспонатов высоко-материальной ценности из музеев»⁸⁰. Так, в тексте докладной записки Н. И. Троцкой от 28 июля 1922 г. «О РАСПРОДАЖЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ», в частности, говорилось: «Распродавать предметы из Музеев—значит лишать страну самого ценного из всего, что отобралось и накопилось в ее культуре в течение веков. Культурные ценности имеют то свойство, что творят новые[,] еще ценнейшие. <...> Можно сказать, что в музеях заключается все будущее русского искусства и русского производства не только как зап[ас] образцов, созданных лучшими головами и лучшими руками за несколько веков, но и как незаменимая основа для будущих самостоятельных вдохновений и откровений.

Музеи жизненно необходимы не только для изобразительного искусства, но и для художественно-промышленного производства. <...> Без музейных образцов оскудевает и бледнеет наука истории, теряют фактическую почву под ногами все остальные науки[,] черпающие из уроков истории свои доводы и данные.

Распыление Музеев представляет страшную угрозу для такого великого дела, как художественное воспитание подрастающих поколений. Всякий руководитель экскурсии знает, что лучше совсем не водить экскурсий, чем показывать подделки и знакомить с треть[и]м сортом производства. А теперь как раз, казалось бы, наступает эпоха, когда вся основа воспитания переходит, наконец[,] от системы заучивания к системе наглядного запечатления о[б]разом. <...> Но как приохотить к искусству, если в музеях будут отсутствовать лучшие вещи и останется то, на что не находится покупателя?

с 10 июня 1918 г. возглавлял Комиссию по сохранению и раскрытию памятников живописи при Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины (с 6 июля 1918 г.—Центральные реставрационные мастерские на правах реставрационного подотдела Отдела по делам музеев Наркомпроса; с 1924 г.—Центральные государственные реставрационные мастерские). 4 мая 1923 г. оставил Музейный отдел, а в 1925 г. ушел и с поста директора ГТГ, сохранив только директорство в ЦГРМ (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 7. Л. 153–158).

⁷⁷ **Вейс Флориан Адольфович** (1873–1926). С 31 января 1922 г. работал в Гохране по распоряжению ЦК РКП(б), с рекомендацией Г. Д. Базилевича. Член Комиссии Совнаркома РСФСР по учету и сосредоточению ценностей. В 1923 г.—помощник начальника Металфонда Валютного управления Наркомфина РСФСР. С 1 декабря 1923 г., ввиду упразднения должности второго заместителя начальника Гохрана, был откомандирован в Комиссию по реализации ценностей (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 39. Д. 798 (Личное дело)).

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 26; Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 130.

⁷⁹ «Музейный Отдел Главнауки, озабоченный тяжелым положением Государственных Музеев <...>, создавшимся в связи с новыми экономическими условиями в Р.С.Ф.С.Р.», назначил на 31 июля—2 августа 1922 г. созыв конференции «Центральных Государственных Музеев». Основное место в повестке дня конференции занимали вопросы материального положения главных музеев страны, их финансирования из госбюджета, местного бюджета и побочных источников дохода (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 23–25; Кузина Г. А. Государственная политика... С. 150). Музейщики просили А. И. Рыкова как председателя «Временного комитета науки» о личной встречи и приглашали его принять участие в работе конференции (Там же. Л. 18–18 об.). Рыков, сославшись на чрезвычайную занятость, отказался и от того, и от другого.

⁸⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 16, 20, 22 об.

Все это настолько очевидно и понятно, что трудно говорить[,] чтобы в наше время серь[е]зно подымался вопрос о сокращении музейной, т. е. наивысшей и наилучшей художественной наличности страны. Неужели Республика действительно находится в таком безвыходном положении, что должна жертвовать своим будущим ради бюджетных соображений текущего года[,] и не слишком ли узок кругозор при такой постановке вопроса?

Нельзя не отметить здесь того факта, что в настоящее время положение Республики, по[-]видимому, не принуждает ликвидировать многие предприятия широкого задания, рассчитанные на успех сторицею, но далеко не в самом близком будущем, как, напр[имер,]—изучение магнитной аномалии, электрификации, питомники, подготовки новых железных дорог и каналов и т. п. Но в таком случае—почему же именно Музеи <...> не только не получают средств для лучшей постановки в будущем, но прямо намечаются для ликвидации, хотя бы и частичной. Этот частичный план ликвидации чреват самыми серьезными последствиями, ибо слишком ясно, что, раз став на неверную точку[,] крайне трудно потом остановиться на наклонной плоскости. И музейное дело, в настоящее время в России столь блестящее, име[ющее] неоспоримое мировое значение и вызывающее зависть и похвал[у] иностранцев, в дальнейшем осуждено безостановочно падать со ступеньки на ступень.

Нельзя скрывать от себя, что перед лицом иностранного капиталистического мира п р и с т у п к п р о д а ж е... [из] р у с с к и х музеев вызовет крайне н е в ы г о д н о е для России впечатление. <...> Будет бросаться в глаза экономически плохой расчет, а также логическое противоречие со всюю системою политики Советской Республики. В самом деле, Советским законодательством еще в 1918 [г.] соответствующим декретом СОВНАРКОМА установлено запрещение вывоза за границу частным лицам художественных произведений музейного значения, и будет казаться весьма несообразным, что Государство в настоящее время с легким сердцем отчуждает произведения искусства и старины высокого музейного значения и в то же время ревниво охраняет предметы искусства и старины ни[з]шего достоинства, находящ[и]еся в частных руках. <...>

Если сколько[-]нибудь держаться в этом вопросе целесообразной Государственной экономической точки зрения, то надо немедленно поставить со всей остротою вопрос о том, что в смысле выручки [все] задуманное предприятие обречено на крупную неудачу, если не на полный провал.

Торговля произведениями искусства—дело чрезвычайно трудное. Она требует знания, чутья и прямо особого таланта. Цены очень изменчивы. Момент имеет огромное значение. Требуется колоссальная выдержка и искусная подготовка. Даже частную коллекцию, сравнительно небольшую <...>, приходилось и в прежнее время более богатое свободными деньгами, распрод[а]вать в течение нескольких лет, чтобы искусственно не уронить цену. Произведения искусства и старины—это не предметы домашнего обихода, продаваемые на рынках. Больших миллионов, и притом свободных, далеко не так много. Круг покупателей чрезвычайно ограниченный. Нужна большая выдержка и очень медленный темп. Н[ед]аром у больших антикваров предметы крупной ценности выдерживались обычно годами или десятками лет. Накладные расходы велики, добросовестные агенты редки. Разумеется, задаром разбросать музейные ценности за четверть цены—возможно, но это сведется к обогащению лишь посредников[-]спекулянтов, и не будет, конечно, в интересах Республики.

Но хуже всего то, что один слух о возможности музейных продаж оказывает деморализующее влияние на весь темный мир дельцов-антикваров и будит, и дразнит их хищные

инстинкты. В погоне за своею личною выгодою они, конечно, будут всеми силами подталкивать это дело, надеясь нагреть на нем руки, и не побрезгуют в этом отношении никакими средствами. Русские и иностранные антиквары представляют в этом отношении для русской культуры громадную опасность. <...>

В прошлом — продажи художественных ценностей никогда не оказывались пригодным средством для оздоровления финансов страны. <...> Так и в настоящем случае можно с определенной уверенностью предсказать, что продажа музейных экспонатов не окажет на положение Государственных финансов страны решительно никакого, сколько[-]нибудь заметного, влияния. Стоимость музейных сокровищ условна и лишь кажется значительной на первый взгляд. Она[,] во всяком случае[,] несоизмерима с Государственными потребностями. Продавать Музеи, чтобы оздоровить бюджет, — это все равно, что в засуху выбегать в поле и поливать его из лейки.

Для оздоровления финансов страны потребны иные средства. Не следует также забывать, что изъятие церковных ценностей далеко не оправдало в смысле выручки, возлагавшихся на него надежд, в особенности, если подсчитать стоимость самой кампании по сбору и дождаться точных результатов реализации. <...>

Кроме всего этого, продажа экспонатов из русских музеев будет понятна как мероприятие, продиктованное последнею крайностью. Враги Республики будут как нельзя более обрадованы таким явным доказательством, что на карту ставится последний ресурс страны. Наоборот, ничто не могло бы так способствовать подъему кредита и престижа Советской Республики, как блестящая постановка Музеев. <...>

<...> Музеи не только полезны и важны в культурном отношении, но и в высшей степени выгодны в отношении экономическом.

Если Музей привлекает в год столько посетителей, что в страну вливается благодаря ему миллион рублей ежегодно, то безрассудно, конечно, за два миллиона продать его содержимое и потом убедиться, что ликвидация обошлась в миллион. Русские Музеи в ближайшем будущем привлекут и из заграницы посетителей, обогащая страну золотым дождем.

Не то будет, конечно, если Музеи окажутся распыленными и ликвидированными, как многое уже ликвидировано в стране. Русским музейным деятелям останется тогда, по примеру Ноздрева, у бе[с]смертного бытописателя Н. В. Гоголя, показывать гостям пустые стойла, „где прежде стояли хорошие лошади“.

Надеясь, что с наступлением мировой Революции наши художественные ценности будут нам возвращены, едва ли возможно. <...>

В настоящий момент Советская Власть, несмотря на трудные экономические условия страны, должна стремиться выявить, — какое значение представляют для ее будущего ее художественно-культурные ценности, находящиеся в музеях, ярко освещающие собственное народное творчество, и стойко защищать это народное достояние, созданное вековой работой ряда поколений русского народа и собранное в музеях и там кристаллизировавшееся в коллекции мирового значения»⁸¹.

Заместитель Управделами Совнаркома В. А. Смольянинов⁸² сопроводил пересылаемые А. И. Рыкову документы собственным комментарием: «Я лично считаю, что они

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 20–22 об.

⁸² *Смольянинов Вадим Александрович (Смольников Сергей Александрович)* (1890–1962). Член РСДРП(б) с 1908 г. С апреля 1921 г. — помощник, затем заместитель управделами СТО и заместитель управделами СНК РСФСР.

целиком правы, что мы не сможем выручить такое количество денег, которое хотя-бы в минимальной степени обеспечило нашу финансовую тяжесть. Опыт запродажи церковных ценностей нельзя не учесть, хотя продажа музейных ценностей и значительно проще, ибо они сосредоточены в немногих местах и не будут скрываться, тем не менее[,] я не думаю, чтобы нам удалось таким образом выручить сколько[-]нибудь значительные суммы. Продажа музейных художественных ценностей— крайняя мера, которая, на мой взгляд, учитывая ее возможные результаты, не является абсолютно необходимым. Подумав над этим вопросом и ознакомившись с материалами, прошу Вас сделать так, чтобы эти ценности не продавались»⁸³.

16 августа 1922 г. заведующий Секретариатом Заместителя председателя Совета труда и обороны передал официальный ответ (делопроизводственный № 215) на записку В. А. Смольянинова, а тем самым, и на письмо самой Н. И. Троцкой: мнение Рыкова сводилось к тому, что необходимо «сохранение порядка, установленного постановлением СНК от 6/VI и подтвержденного 18/VII, т. е. изъятие остается и происходит через Комиссию». Лишь «в отдельных, исключительных случаях» Рыков допускал «обжалование НКПросом постановления Комиссии»⁸⁴.

24 августа 1922 г. Президиум ВЦИК, заслушав (прот. № 56/В, п. 9) «протест Наркомпроса на постановление СНК об образовании Комиссии по изъятию ценностей из музеев»⁸⁵, указал: «постановление СНК принять за основу, внося следующую поправку: В п. „б“ — после слова «материальной ценности» добавить „не имеющих исторического и художественного значения“. Заключение Комиссии, созданной постановлением СНК, без[пелл]яционны при единогласном решении»⁸⁶.

18 сентября Г. Д. Базилевич информировал Секретариат и Управделами Совнаркома (делопроизводственный № 1565), что «ввиду нахождения в отпуску представителя Главмузея тов. Грабаря, и ввиду того, что его Заместитель Директор Эрмитажа г. Тройницкий освобожден от его служебных работ и прибыл в Москву только в сентябре мес[яце], Комиссия по изъятию из Музеев экспонатов высоко-материальной ценности фактически приступила к работам только 16-го сентября с/г. и уже в порядке работ просмотрела ценности Троице-Сергиевской Лавры, эвакуированные в Оружейную Палату»⁸⁷.

Однако ровно через месяц, 16 октября 1922 г., тот же Г. Д. Базилевич сообщал секретарю СНК Л. А. Фотиевой (делопроизводственный № 1607), что «созданная постановлением Совнаркома от 9-го Августа Комиссия по изъятию из Музеев экспонатов высоко-материальной ценности свои работы закончила. Означенной Комиссией в период с 16-го Сентября по 15-ое Октября были обследованы Музеи и их хранилища городов Москвы, Петрограда и их окрестностей и назначено для передачи в фонд Республики до 25 фунт[ов] золота в изделиях, серебра в изделиях до 35 пудов и до 150 карат бриллиантов, подлежащих замене стразами. Означенные ценности в настоящее время сдаются в Гохран, оценка же их будет сообщена после детальной сортировки Гохрана. С окончанием же этих работ полагаю функции Замособоуполномоченного СНК исчерпанными»⁸⁸.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 15–16.

⁸⁴ Там же. Л. 27.

⁸⁵ Судя по тексту телефонограммы А. В. Луначарского в СНК (№ 756 от 13 июля 1922 г.), протест Наркомпроса был внесен в Президиум ВЦИК 13 июля 1922 г. (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 122).

⁸⁶ Там же. Л. 133.

⁸⁷ Там же. Л. 139–139 об.; Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 32–32 об.

⁸⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 45.

К тексту сообщения была приложена краткая справка, из которой явствовало, что:

«Комиссия по просмотру и изъятию из музеев экспонатов высоко-материальной ценности произвела работу в нижеследующих музеях:

1. ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА.

Постановлено передать в Гохран золотую панагию с бриллиантами, застежку золотую с сапфирами и заменить 35 бриллиантов и 4 солитера стразами⁸⁹.

2. ТРОЙЦЕ-СЕРГИЕВСКАЯ ЛАВРА.

Постановлено передать в Гохран 109 окладов с икон и других церковных предметов (серебр[о])⁹⁰.

3. ПЕТРОГРАД—МУЗЕИ ШТИГЛИЦА⁹¹, ЭРМИТАЖА и РУССКИЙ⁹².

Передать в Гохран: до 20 ф[унтов] золота в изделиях, до 30 пуд[ов] серебра в изделиях и заменить стразами 100 карат бриллиантов.

4. НОВО-ДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ.

Передать в Гохран 28 предметов, из них 2 золотых <...>.

5. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

Передать в Гохран: 3 золотых предмета (жезл фельдмаршальский; бабочка-брошь и бабочка от головного прибора). Все усыпаны драгоценными камнями. 28 серебряных венков и пальмовых веток.

[6.] РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ.

Передать в Гохран 120 предметов, из них золотых 19 предметов, весом 430 грамм⁹³.

Итоговый отчет Музейного отдела Наркомпроса за 1917–1923 гг. дополняет вышеприведенную информацию Г.Д. Базилевича: «В связи с постановлением Совнаркома от

⁸⁹ Как явствует из акта осмотра «музейных экспонатов высоко-материальной ценности в Оружейной Палате» от 16 сентября 1922 г., было принято решение, в частности, заменить стразом драгоценный камень из золотой шпаги графа Остен-Сакена (Там же. Л. 33).

«В исполнение соответственного декрета Совнаркома произведена выдача в Гохран экспонатов высокой материальной стоимости, а именно застежек от порфиры с изумрудами исключительного качества и ценности, а в шпаге Остен-Сакена, а также в одной митре и одной панагии Сергиевской Лавры произведена через Гохран замена алмазов и бриллиантов стеклами, причем эти предметы после длительной перепiski и упорного хождения в конце концов получены из Гохрана обратно в Палату» (Отчет о работе музея «Оружейная палата» за 1918–1923 гг., составленный его заведующим Д.Д. Ивановым. Утвержден Ученым Советом Оружейной Палаты 14 апреля 1923 г. (Цит. по: Сокровищница России: страницы исторической биографии музеев Московского Кремля. С. 384)).

Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, граф (1792–1881). Всю кампанию 1812 г. совершил в должности адъютанта генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого. По изгнании французов из России был переведен в лейб-гвардии Литовский полк. В звании адъютанта генерала от инфантерии графа Милорадовича участвовал во взятии Парижа и был награжден 26 ноября 1814 г. золотой шпагой с надписью «За храбрость» (золотое наградное оружие в Российской империи, причисленное к статусу государственного ордена).

⁹⁰ Копия акта осмотра «музейных предметов Сергиевского Историко-Художественного Музея» от 17 сентября 1922 г., согласно которому постановили: «передать в Гохран оклады с икон: 1) <...>109)» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 37–38 об.).

⁹¹ Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица. С 1918 г.—Государственные художественно-промышленные мастерские (Петроградские Высшие государственные художественно-технические мастерские). В 1922 г. учебное заведение с музеем (который основал архитектор М.Е. Месмахер в 1895 г.) и библиотекой вошло в Петроградский Высший художественно-технический институт.

⁹² Комиссия отбыла в Петроград 19 сентября 1922 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 36; Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 141) и работала в городе на Неве в течение двух дней.

⁹³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 341. Л. 46–46 об.

М[узейного] О[тдела] Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] было выдано из дворцов и музеев в Гохран материальных ценностей (золота, серебра, бриллиантов и драгоценных камней), не имеющих музейного значения и находившихся в учреждениях, подведомственных Музейному Отделу: царские регалии, коронные бриллианты из Оружейной Палаты на 750 000 000 руб. золотом; из Зимнего Дворца свыше 3.000 каратов бриллиантов, 3 ½ пуда золота, 300 пудов серебра, 21 ф[унт] платины; из Тр[оицкой] Лавры — 500 бриллиантов, 150 пудов серебра; из Соловецкого монастыря — 384 бриллианта, около 10 ф[унтов] золота, 84 пуда серебра; из Исторического Музея около 4 ф[унтов] золота, 116 пуд[ов] серебра; из Румянцевского Музея 366 предметов серебра и из Оружейной Палаты золотого и серебряного лома 40 пуд[ов]»⁹⁴.

Вместе с тем, как свидетельствовал в 1923 г. заведующий Оружейной Палатой Д. Д. Иванов, «были предприняты все меры к возвращению из Гохрана хотя бы части тех музейных ценностей, которые неправильно туда попали в период наибольшего натиска его в занятиях Комиссии по учету и сосредоточению ценностей. После хлопот, начавшихся 5 августа 1922 г.[.] удалось <...> 4 апреля 1923 г. получить 59 особенно интересных в музейном отношении предметов»⁹⁵. В результате закончившегося разбора дворцовых ценностей можно высказать, что музейным деятелям ценой невероятных усилий удалось сохранить для музеев все предметы первоклассные, но из второй категории, не говоря о третьей, весьма многим овладел Гохран»⁹⁶. К несчастью, пройдет всего несколько лет, и музейные сокровища России будут, в значительном своем объеме, выставлены на аукционную распродажу и окажутся утерянные для нашей страны навсегда.

Информация о статье

Автор: Крапивин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, mihailkrapivin61@yandex.ru.

Заглавие: Главмузей и комиссия Л. Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. — октябрь 1922 г.).

Абстракт: В конце 1921 г. партийным руководством было отдано распоряжение сконцентрировать в Москве, в Гохране, золото, платину, серебро, в слитках и изделиях из них, драгоценные камни, жемчуг, иностранную валюту и иные ценности, в свое время конфискованные советским государством и с тех пор находившиеся на складах ЧК и губернских финансовых отделов, в помещениях бывших частных банков, на территории дворцовых ансамблей и дворянских усадеб, не функционировавших монастырей и храмов, превращенных в простые хранилища, подведомственные Главному комитету по делам музеев и охране памятников искусства старины и природы Народного комиссариата

⁹⁴ Цит. по: Проданные сокровища России. С. 21 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 12. Л. 35–36.

⁹⁵ В 1923 г. Д. Д. Иванов возглавил Научно-экспертную комиссию для определения и отбора музейных ценностей в Металфонде в целях распределения их по государственным музейным хранилищам. В результате работы удалось вернуть из Гохрана несколько тысяч музейных предметов, многие из них были переданы в Исторический музей, Эрмитаж, Третьяковскую галерею и другие музеи (*Тугова Т. А.* Судьба дворцовых ценностей Российского императорского дома... Ч. 2: Комментарии. С. 208).

⁹⁶ Отчет о работе музея «Оружейная палата» за 1918–1923 гг., составленный его заведующим Д. Д. Ивановым. Утвержден Ученым Советом Оружейной Палаты 14 апреля 1923 г. // Цит. по: Сокровищница России: страницы исторической биографии музеев Московского Кремля. С. 386.

по просвещению РСФСР (Главмузею). Собранные материальные ценности в дальнейшем планировалось реализовать на внешнем рынке (за исключением предметов, имевших историко-художественное значение).

Руководство специальной Комиссией по учету и сосредоточению ценностей в ноябре 1921 г. было поручено Л. Д. Троцкому (в статусе «Особоуполномоченного» Совнаркома РСФСР). Особые тройки, руководившие всем делом «сосредоточения» ценностей на губернском уровне, стали создаваться с середины января 1922 г.

Параллельно в феврале 1922 г. в РСФСР разворачивается (и до августа 1922 г. продолжается) кампания по передаче в распоряжение Гохрана наиболее ценной части культового имущества из действующих богослужебных зданий и молитвенных помещений различных конфессий. Деятельность комиссий по учету и сосредоточению ценностей всех видов и по изъятию церковных ценностей практически переплетались. При этом процедура отчуждения должна была происходить при обязательном участии музейных работников (высокохудожественные вещи религиозного назначения подлежали исключительному ведению Главмузея и его органов на местах).

Целью осуществлявшихся большевиками мероприятий должна была стать мобилизация дополнительных ресурсов как для решения текущих социально-экономических проблем (в том числе чрезвычайного свойства: борьба с голодом), так и для реализации стратегических задач достижения финансовой стабильности, укрепления обороноспособности страны, в целом — обеспечения жизнеспособности правящего режима и поддержки мирового коммунистического движения.

Отношения между Народным комиссариатом по просвещению и комиссией Л. Д. Троцкого в центре и в провинции складывались очень непросто, зачастую — весьма напряженно: Главмузей и его отделения на местах трактовали действовавшие на тот момент нормативные документы как право музейщиков принципиальным порядком влиять на ход и масштабы конфискационного процесса. Особенно резко музейщики критиковали порочную и недопустимую практику отчуждения предметов религиозного культа, находившихся на хранении в советских музеях.

Комиссия Л. Д. Троцкого по сосредоточению и учету ценностей была ликвидирована 6 июня 1922 г. В тот же день начался процесс формирования специальной Комиссии «для изъятия экспонатов высокой материальной ценности из музеев (не имеющих исторического и художественного значения)», а также для решения вопросов о спорных вещах музейного уровня, сосредоточенных в Гохране в предшествующие месяцы. Оформленная постановлениями Совнаркома от 9 августа и Президиума ВЦИК от 24 августа 1922 г. Комиссия Г. Д. Базилевича (в недавнем прошлом — заместителя Л. Д. Троцкого) с 16 сентября по 15 октября обследовала около десятка музеев Москвы, Петрограда (и их окрестностей). Музейное сообщество пыталось протестовать против состоявшегося решения о реализации музейных предметов. Невероятными усилиями музейным работникам удалось сохранить для общества большинство первоклассных экспонатов (ценой утраты менее значимых). Как оказалось — лишь временно. Пройдет всего несколько лет, и музейные сокровища России будут, в значительном своем объеме, выставлены на аукционную распродажу и окажутся утерянные для нашей страны навсегда.

Ключевые слова: Комиссия по учету и сосредоточению ценностей Совета народных комиссаров РСФСР (ноябрь 1921 — июнь 1922 г.), Комиссия для изъятия экспонатов высокой материальной ценности из музеев (август — октябрь 1922 г.), Государственное хранилище ценностей Народного комиссариата финансов РСФСР (Гохран), Главный комитет

по делам музеев и охране памятников искусства старины и природы Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Главмузей).

Information on article

Author: Krapivin Mikhail Yuryevich— Doctor in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, mihailkrapivin61@yandex.ru.

Title: Glavmuseum and L. D. Trotsky's Commission for "accounting and concentration of values" (November 1921—October 1922).

Abstract: At the end of 1921, the Party leadership ordered the concentration in Moscow, in Gokhran, of gold, platinum, silver, bullion and products from them, precious stones, pearls, of all gold and silver products, foreign currency and other values, once confiscated by the Soviet state and since located in the warehouses of the Cheka and the provincial financial departments, in the premises of former private banks, in the territory of palace ensembles and aristocratic estates, monasteries and temples that were not functioning, turned into simple storages, subordinated to the Heads of the Main Committee on Museum Affairs and the Preservation of Monuments of Old Art and Nature of the People's Commissariat for Education of the RSFSR (Glavmuseum). Collected material values were later planned to be sold on the foreign market (with the exception of items that had historical and artistic significance).

The leadership of the special Commission for Accounting and Concentration of Values (in the status of "specially authorized" Council of People's Commissars of the RSFSR) in November 1921 was entrusted to L. D. Trotsky. Special triplets, who led the whole matter of "concentration" of values at the provincial level, began to be created from the middle of January 1922.

In parallel, in February 1922, the campaign was launched for the transfer to the disposal of Gokhran of the most valuable part of the cult property from existing liturgical buildings and prayer rooms of various confessions. The activities of the commissions on accounting for and concentration of values of all kinds and on the seizure of church values were practically intertwined. At the same time, the alienation procedure was to take place with the participation of museum workers (highly religious items were subject to the exclusive jurisdiction of Glavmuseum and its local bodies).

The aim of the measures carried out by the Bolsheviks was to mobilize additional funds for both solving current social and economic problems (including the extraordinary character: fighting hunger) and for implementing strategic tasks of achieving financial stability, strengthening the country's defense capability, the viability of the ruling regime and the support of the world communist movement.

The relations between the People's Commissariat for Education and the commission of Leonid Trotsky in the center and in the provinces were very complex, often very tense: the Glavmuseum and its branches interpreted the normative documents that were in effect at the time as the right of museum workers to influence the course and scope of the confiscation process. Particularly sharply, the museum workers criticized vicious and unacceptable practice of alienating objects of religious worship that were kept in Soviet museums.

Leonid Trotsky's commission for concentration and accounting of values was abolished on June 6, 1922. On the same day, the process of forming a special commission for removing of exhibits of high material value from museums (which had no historical or artistic significance) began, as well as resolving issues on the controversial things of the museum level, concentrated in Gokhran in the preceding months. Formed by the decisions of the Council of People's Commissars on August 9 and the Presidium of the All-Russian Central Executive

Committee on August 24, 1922, the Commission of G. D. Bazilevich (in the recent past—deputy of L. D. Trotsky) from September 16 to October 15 surveyed about ten museums in Moscow, Petrograd (and their environs). The museum community tried to protest against the decision to sell museum items. With incredible efforts, museum workers managed to preserve for the public the majority of first-class exhibits (at the cost of losing less significant ones). As it turned out—only temporarily. Only a few years will pass, and the museum treasures of Russia will, in a considerable amount, be auctioned and will be lost forever for our country.

Keywords: Commission for accounting and concentration of the values of the Council of People's Commissars of the RSFSR (November 1921—June 1922), Commission for the removal of exhibits of high material value from museums (August—October 1922), State repository of values of the People's Commissariat of Finance of the RSFSR (Gokhran); The Main Committee for the affairs of museums and the preservation of monuments of old art and nature of the People's Commissariat for Education of the RSFSR (Glavmuseum).

УДК 008: 9(470.45)

*Е. В. Комиссарова, О. С. Киценко***РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ
В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ**

Среди музеев мира и России достойное место занимают музеи и коллекции, посвященные истории медицины¹.

Профиль историко-медицинских музеев обусловлен значением понятия «медицина» — системы научных знаний и практической деятельности, целью которых является укрепление и сохранение здоровья, продолжение жизни людей, предупреждение и лечение болезней человека². Содержание научной и практической медицины выходит за пределы естественных наук и определяет ее биосоциальный характер. Такой взгляд на человека лежит в основе цивилизационного подхода к изучению истории, в том числе истории медицины. Из приведенного определения медицины очевидно, что междисциплинарность — будущее современной медицины.

Исследуя аспекты взаимодействия медицины и культуры, Л. М. Медведева отмечает, что медицина — сравнительно новое направление в гуманитарных исследованиях. Если рассматривать культуру в самом широком смысле как все, созданное человеком для его же блага, то медицина является частью общечеловеческой культуры. С другой стороны, медицина сама выступает отдельным видом культуры, которую часто определяют как медицинскую культуру, в которой можно выделить несколько составляющих частей: повседневная медицинская культура населения; культура взаимоотношений врача и пациента; культура взаимоотношений внутри профессиональной группы медицинских работников; культурные практики в медицине; историко-культурное наследие медицины и многие другие. Существуют различные подходы к определению медицины, но по-прежнему актуальным является вопрос о том, что такое медицина — это самостоятельная наука или совокупность нескольких, наука ли вообще, наука или искусство, объединение науки и практики или своеобразная технология и т. д.³

Для российского общества начала XXI в. характерна активизация деятельности по сохранению культурного наследия, созданию музеев и коллекций, в том числе медицинских. Учреждения музейного типа и музейные структуры создаются в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах и клиниках. Эти научные и культурно-просветительные учреждения занимаются сбором, хранением и популяризацией историко-медицинского наследия, изучением медицины как целостной системы научных знаний и практической деятельности, основанной на идеях гуманизма, цель которых — укрепление и сохранение здоровья, продление жизни людей, предупреждение и лечение болезней человека.

¹ Пашков К. А. Гид по медицинским музеям Евразии — 2 / К. А. Пашков, Г. В. Веселов, М. В. Клеонов, Ю. М. Салакс, А. В. Самолетов, Н. В. Чиж, П. В. Шадрин, А. А. Якушина. М., 2015. 220 с.

² Большая медицинская энциклопедия. М., 1980. Т. 14. С. 7–322.

³ Медведева Л. М. Медицина и культура: учеб. пособие. Волгоград, 2014. С. 4–7.

Согласно дефиниции «Российской музейной энциклопедии», «медицинские музеи — профильная группа музеев, документирующих развитие медицины и здравоохранения. Медицинские музеи нацелены на разработку, на основе анализа исторического опыта и современного состояния, приоритетных направлений в развитии медицины, научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию здравоохранения, а также на воспитание чувства милосердия и гуманизма. Они популяризируют памятники истории медицины, пропагандируют ее достижения, являются базой научных исследований и преподавания истории медицины, социальной гигиены, медицинской деонтологии и этики»⁴.

Музеи истории медицины в России — не только часть музейного мира, но и элемент социальной и культурной жизни общества. Изучение феномена музея, в частности историко-медицинских музеев, предполагает междисциплинарный, культурологический подход.

Особенности становления медицинских музеев России раскрываются в работах Б. Ш. Нувахова, Л. Н. Арифуловой, М. П. Кузыбаевой⁵ и других историков медицины.

Цикл публикаций К. А. Пашкова и Н. В. Чиж посвящен медицинскому музею как уникальному социокультурному феномену, возникшему в результате интеграции здравоохранительной и культурно-просветительской деятельности. Они рассматривают медицинский музей как «учреждение или структурное подразделение организации, использующее экспозиционно-выставочные, учетно-фондовые, культурно-образовательные и научно-исследовательские технологии для формирования у целевой аудитории отношения к жизни и здоровью как к величайшим социальным ценностям, а также знаний о научной и практической деятельности по сохранению и укреплению здоровья, об исторических и современных средствах диагностики, лечения и профилактики заболеваний. Функционально-аксиологическая основа деятельности медицинских музеев — направленность на решение проблем общественного здоровья. Медицинские музеи отличаются от медицинских коллекций в составе музеев других типов, где они являются лишь частью коллекций и экспозиций, не выполняя основных функций медицинского музея»⁶.

Специфика медицинских музеев заключается в их комплексном характере — соединении естественнонаучного, социального, технического и эстетического аспектов. Выделяют различные типы медицинских музеев: музеи здравоохранения, демонстрирующие на общественно-историческом фоне состояние охраны здоровья населения; историко-медицинские музеи общего профиля и отраслевые — музей хирургии, фармации и т. д.; мемориальные музеи, посвященные жизни и деятельности выдающихся представителей медицинской науки и здравоохранения; санитарно-просветительные музеи, создаваемые главным образом при Домах санитарного просвещения и посвященные профилактике различных заболеваний, популяризации здорового образа жизни и т. д.; производственные музеи, экспонирующие образцы выпускаемой медицинской техники и т. д.

М. П. Кузыбаева выделяет основные периоды и особенности зарождения и развития медицинских музеев в России.

⁴ Нувахов Б. Ш., Шилинис Ю. А. Медицинские музеи // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. [696]. М.: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 353–354.

⁵ Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России: становление и место в музейном мире (XVIII — первая треть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011 // Научная библиотека КиберЛенинка, 2011. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-muzei-vuzov-v-nachale-xxi-veka#ixzz4F3oh8Y00> (дата обращения: 21.07.2016).

⁶ Пашков К. А., Чиж Н. В. Медицинский музей: генезис и систематизация // *Historiae medicinae scriptorum Rossicorum OPERA MEDICA HISTORICA*. Российских историков медицины Труды по истории медицины: альманах РОИМ. Т. 1 / отв. ред. С. П. Глянецев. М., 2016. С. 293–299.

Протомузейными формами собирательства являются коллекции медицинских артефактов при монастырях, Аптекарском приказе, государевых аптеках, аптекарских и монастырских огородах. В Московском государстве в XVII веке уже существовали медицинские собрания, что зафиксировано в источниках.

В XVIII в. медицинское собирательство развивается в России в составе естественнонаучных коллекций (Кунсткамера), в специальных кабинетах при клиниках и госпиталях, в учебных заведениях. Медицинские артефакты становятся частью естественнонаучных собраний российской аристократии (Н. П. Шереметев, Б. Н. Юсупов, Д. П. Бутурлин и др.). В развитии медицинских коллекций в России в XVII — первой половине XIX в. важную роль сыграли иностранные врачи и специалисты.

В России в конце XVIII–XIX в. медицинские музеи были тесно связаны с высшим медицинским образованием, являлись частью учебно-вспомогательных структур. Музеи медицины выступали как научные центры, которые стали проводниками актуального научного знания в образование, а также способствовали просвещению населения страны. Первую половину XIX в. можно охарактеризовать как этап учебных коллекций и кабинетов. В развитии медицинских коллекций в стране большую роль сыграли научные медицинские общества, выставочная и музейная деятельность которых в медицинской сфере формировала предпосылки и создавала условия для учреждения общедоступных музеев истории медицины.

Вторая половина XIX — начало XX в. характеризуется активной институционализацией различных форм медицинских собраний. На рубеже XIX–XX столетий из учебных музеев высших образовательных медицинских учреждений России возникли первые общедоступные музеи истории медицины и ее отдельных отраслей.

В советский период все группы медицинских музеев (Государственный музей социальной гигиены Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, музеи губернских, областных и городских здравоохранения) и музейные учреждения (Дома санитарной культуры, Дома санитарного просвещения) составили ведомственную музейную сеть НКЗ, которая развивалась параллельно с общегосударственной музейной сетью, находившейся в ведении Наркомпроса СССР⁷.

В декабре 1918 г. в Наркомздраве была создана комиссия под председательством наркома Н. А. Семашко и его заместителя З. П. Соловьева. Комиссия решила, что руководящим органом санпросвета должен быть научно-прикладной музей социальной гигиены⁸. С 1921 г. в ряде городов центральной России проводниками санитарной культуры в массы становятся Дома санитарного просвещения. Е. В. Шерстнева подчеркивает роль музейно-выставочной деятельности в практике организации санитарного просвещения населения в 20-е годы XX в.⁹

В Царицынской губернии в условиях разрухи, голода, эпидемий и невежества населения в первое советское десятилетие музейно-выставочная деятельность как средство санитарного просвещения, борьбы за культуру труда и быта получила большое развитие. С этой целью создавались различные ведомственные музеи и выставки. Так, к 1 мая 1925 г. в Царицыне железнодорожники Юго-Восточной железной дороги организовали

⁷ Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России...

⁸ Нувахов Б. Ш., Арифулова Л. Н. Медицинское музееведение в России // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1999. № 1. С. 57–60.

⁹ Шерстнева Е. В. Музеи и выставки в практике санпросвета. Ошибки и находки периода 20-х годов // Гигиена и санитария. 2003. № 1. С. 77–78.

музей труда и быта. В 1932 г. создается музей сантехпропаганды. Особо следует отметить выставку, посвященную голоду (Музей голода), открытую отделением РосТА в театре «Парнас» в ноябре 1921 г., где демонстрировались суррогаты хлеба, употребляемые населением голодающих районов Поволжья. Кусочек такого хлеба сохранился в фондах Волгоградского областного краеведческого музея¹⁰.

Негативное влияние на музейное строительство в СССР оказали решения Первого музейного съезда, состоявшегося в 1930 г. Музеям предписывалось усилить политико-идеологическую работу в массах, преодолеть «вещевой фетишизм», отказаться от музеев-кунсткамер. В том же году высшие медицинские образовательные учреждения и музеи медицинского профиля из ведения Народного комиссариата просвещения были переданы в распоряжение Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрав). Изменились основные направления и задачи их деятельности¹¹.

С конца XIX по конец XX века в России, затем в СССР была создана сеть музеев медицинской направленности.

После периода утрат в музейном деле в 1990-е годы начало XXI в. ознаменовалось крупными инициативами по развитию историко-медицинского музееведения, которые в значительной степени связаны с активной деятельностью кафедры истории медицины МГМСУ им. А. И. Евдокимова, возглавляемой К. А. Пашковым.

Большой энтузиаст сохранения историко-медицинского наследия и горячий сторонник создания Российского музея истории медицины профессор С. П. Глянец дал краткую оценку гносеологического и аксиологического значения и состояния зарубежных и отечественных медицинских музеев: «Сегодня образцами музейного дела в области истории медицины являются выдающиеся медицинские музеи Лондона, Берлина, Парижа, Вены, Будапешта, Вашингтона... Они обучают школьников, студентов и врачей, они проводят научные исследования медицины прошлого и пропагандируют достижения медицины настоящего и будущего, они обеспечивают связь поколений врачей и сохраняют культурную память человечества о борьбе с болезнями и их профилактике. Более того, государственные музеи истории медицины есть почти в каждой из стран СНГ. Блестящими коллекциями, которым завидуют многие музеи мирового уровня, обладают Музей истории медицины им. П. Я. Страдыня в Риге (Латвия), бывший еще не так давно „все-союзным“ музеем истории медицины, фонды которого пополняли не только врачи и медицинские работники лично, но и лечебно-профилактические и научные медучреждения России и всех республик СССР. А также Национальный музей истории медицины в Киеве (Украина), Республиканский музей истории медицины Республики Беларусь в Минске. <...> В России медицинские музеи существуют, причем их не так уж мало. Но <...> все эти музеи — ведомственные. Они хотя и созданы в государственных учреждениях, но сами по себе государственными не являются. А потому их уникальные коллекции могут запросто исчезнуть завтра или послезавтра, потому что эти музеи *de facto* есть, но одновременно *de jure* их нет. <...> Исчез в Ленинграде в 1935 г. музей великого Пирогова со всеми его полтора тысячами уникальных предметов»¹².

¹⁰ Комиссарова Е. В. Из истории становления музейного дела области. Газета «Борьба» о музейно-выставочной деятельности в крае. 20–30-е годы // Вопросы краеведения. Волгоград, 2000. Вып. 6. С. 18–19.

¹¹ Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России...

¹² Глянец С. П. Нужен ли России музей истории медицины? // Медицинский вестник. Вып. 9 (622). 29.03.2013. URL: <http://medvestnik.ru/issue/?id=222> (дата обращения: 29.05.2013).

Вопрос о создании Российского музея истории медицины отечественными медиками и историками медицины обсуждался давно, но был решен в 2014 г. с началом функционирования сформированного в 2013 г. Совета по развитию историко-медицинских музеев при Министерстве здравоохранения Российской Федерации.

Другим направлением деятельности Совета по развитию российского музееведения стало создание «Реестра медицинских музеев России» с целью выявления медицинских собраний и коллекций, сохранения отечественного историко-медицинского наследия. На 19 октября 2016 г. информационная база включает сведения о 168 медицинских музеях или музеях, хранящих медицинские коллекции, из 64 субъектов Российской Федерации. Около 97 % из них являются ведомственными и подчиняются Министерству здравоохранения РФ, остальные 3 % — музеи и выставочные комплексы, подведомственные Министерству культуры РФ.

В «Реестре» представлены медицинские музеи, появившиеся в дореволюционной России в начале XX века. В первые годы советской власти был создан ряд музеев истории отраслей медицины. Большинство медицинских музеев были открыты в период с 1980-х по 2000-е годы.

Восемьдесят процентов медицинских музеев России созданы на базе образовательных учреждений и в учреждениях здравоохранения и являются ведомственными музеями истории организаций и учреждений. Среди музеев вузов сохранился такой традиционный для медицинских образовательных учреждений функциональный тип, как музеи учебных пособий. Среди медицинских музеев, вошедших в «Реестр», 4 % носят мемориальный характер и посвящены конкретному деятелю науки. В девяти субъектах Российской Федерации созданы музеи краеведческой направленности, отражающие историю развития медицины в городах и регионах.

Фонды медицинских музеев насчитывают от 1000 до свыше 20 000 единиц хранения. Основу коллекций музеев составляют документы, фотографии по истории и современному состоянию учреждения, медицинские инструменты, личные вещи, мебель из кабинетов ученых, медицинское оборудование, документы, книги, фотографии и живописные портреты известных врачей, ученых. Особую группу составляют музеи боевой и трудовой славы — 3 %, основой которых послужили персональные коллекции участников Великой Отечественной войны¹³.

Создание «Реестра» знаменует качественно новый этап в развитии историко-медицинской музейной деятельности в России — образование интегрированного коммуникативного пространства медицинского музееведения¹⁴.

История медицины и музейного дела в значительной степени обусловлена региональной спецификой.

Неотъемлемой частью историко-культурного наследия являются музейные коллекции, отражающие основные этапы становления здравоохранения на территории Волгоградской области. В музеях различных типов — государственных, муниципальных, ведомственных, образовательных учреждений, частных — содержатся реликвии, характеризующие развитие земской медицины, создание первых лечебных учреждений в крае, персональные коллекции выдающихся врачей. Мемориальные коллекции медиков через документы, фотографии, личные вещи рассказывают о самоотверженном труде врачей, медицинских сестер

¹³ Пашков К. А., Чиж Н. В. Реестр Медицинских музеев России 2014 / Совет по развитию историко-медицинских музеев при Министерстве здравоохранения Российской Федерации. М., 2014.

¹⁴ Пашков К. А., Чиж Н. В. Медицинский музей... С. 293–299.

и санитаров в годы Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы. О развитии системы здравоохранения в регионе в послевоенные десятилетия повествуют коллекции заслуженных врачей РСФСР, фотографии восстановленных и заново отстроенных клиник.

В собрании Волгоградского областного краеведческого музея сформированы коллекции, посвященные развитию здравоохранения в крае в различные периоды истории.

Развитие лечебных заведений в Царицыне в конце XIX — начале XX в. представлено немногочисленными, но уникальными музейными предметами: фотографиями Городской и Александровской больниц 1905 г. и такими документами, как «Благодарность городского общества г. Царицына за помощь в ликвидации заразных болезней в 1864 г.»; свидетельства об оспопрививании 1890 и 1916 гг.; свидетельство об утверждении в звании повивальной бабки 1900 г., диплом лекаря 1910 г.

Развитие здравоохранения Царицына — Сталинграда в 1920–1930-е годы можно проследить, опираясь на мемориальную коллекцию И. Л. Глезера (1893–1958) — врача-хирурга, участника гражданской войны, в 1920-е годы губернского врача — инструктора по физкультуре г. Царицына и ординатора хирургического отделения Царицынского госпиталя, ординатора хирургического отделения I Советской больницы. С 1929 г. он работал на строящемся Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) в бригаде по обследованию здоровья рабочих-строителей, в 1931 г. был назначен заведующим центральным здравпунктом СТЗ. С 1932 г. И. Л. Глезер заведовал травматологическим отделением больницы № 5 им. Ильича завода «Баррикады». В 1934 г. он был назначен заведующим хирургическим отделением новой больницы, открытой на СТЗ, в 1939 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук, с 1943 г. работал доцентом по военно-полевой хирургии Сталинградского мединститута и ведущим хирургом эвакогоспиталя № 2102, с 1951 г. — главным хирургом Сталинграда. В музее хранится «Почетная грамота Наркомздрава СССР тов. Глезеру за отличную и самоотверженную работу по восстановлению здоровья раненых бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Военно-морского флота» 1943 г., фотографии И. Л. Глезера с медицинским персоналом госпиталя 1943 г.

В фондах музея хранятся реликвии участников Великой Отечественной войны — врачей, медсестер, сандружинниц: документы, фотографии, медицинские сумки и инструменты, военная форма и памятные трофеи. Мемориальные коллекции профессоров Сталинградского (Волгоградского) мединститута содержат источники, относящиеся к довоенному и послевоенному периодам истории медицины. Уникальны офтальмологические инструменты профессора А. М. Водовозова, которыми он делал операцию по возвращению зрения участнику Сталинградской битвы, защитнику Дома Павлова И. Ф. Афанасьеву. С деятельностью работников здравоохранения в современных условиях знакомят поступления последних лет — материалы о станции переливания крови, Волгоградском филиале МНТК «Микрохирургия глаза», кардиоцентре и других учреждениях здравоохранения¹⁵.

Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» — хранилище бесценных реликвий военной истории времен гражданской и Великой Отечественной войн.

В филиале музея-заповедника — Мемориально-историческом музее г. Волгограда собрана коллекция медиков — участников Первой мировой и гражданской войн: медицинский

¹⁵ Комиссарова Е. В. История развития медицины в коллекциях Волгоградского областного краеведческого музея // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2006. № 4. С. 90–94.

инструментарий, фотографии врачей и медицинских сестер. Частью экспозиции, посвященной событиям гражданской войны в Царицыне и на Дону, являются материалы Санитарного управления 10-й армии РККА. Интересные экспонаты были представлены на выставке «Царицын. На войну уходил эшелон...», организованной в 2014 г. к 100-летию начала Первой мировой войны¹⁶.

В фондах музея-заповедника «Сталинградская битва» хранятся памятники истории военного здравоохранения: воспоминания медицинских работников, личные вещи, фотографии, документы, письма, медицинские инструменты, госпитальные принадлежности. Фотографии из фондов музея иллюстрируют медицинское обеспечение Красной армии, тяжелые будни военных медиков, показывают обстановку госпиталей, лабораторий, операционных, работу хирургов и санинструкторов, занятия по подготовке сандружинниц.

Тема медицинского обслуживания защитников Сталинграда сквозной линией проходит через всю экспозицию музея, в которой акцент сделан на освещении подвига медиков передового войскового звена: санинструкторов, военфельдшеров. Один из тематических комплексов посвящен героической работе медиков в условиях уличных боев, другой — деятельности З. В. Ермольевой, видного советского ученого-микробиолога, создателя отечественного пенициллина.

В Государственном историко-этнографическом и архитектурном музее-заповеднике «Старая Сарепта» историко-медицинское наследие поволжских немцев отражает экспозиция «Дом Сарептского аптекаря», реконструирующая аптеку XIX в., расположенная в историческом здании сарептской аптеки, построенном в 1781 г.

История медицины отражена в муниципальных музеях Волгоградской области. В Камышинском историко-краеведческом музее особую ценность для историков медицины представляет коллекция земского врача Камышинского уезда П. П. Сементовского (1865–1940): документы, фотографии, личные вещи, инструментарий, предметы мебели из врачебного кабинета. Ценными историко-медицинскими источниками являются доклады П. П. Сементовского, подготовленные для съездов земских врачей, посвященные обустройству земских больниц, питанию больных, борьбе с эпидемиями холеры и сибирской язвы, отчеты о деятельности Камышинского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, который возглавлял П. П. Сементовский.

В период Сталинградской битвы в Камышине работало более 25 госпиталей. Особое внимание в экспозиции музея уделено госпиталям № 1588, 3257 и 1092, сформированным в Камышине из местного медицинского персонала.

Материал об организации деятельности госпиталей содержится в фондах Урюпинского художественно-краеведческого музея. Еланским историко-краеведческим музеем собран материал и проводится автобусная экскурсия «Анна на шее», посвященная деятельности статского советника, земского врача А. А. Терновского, под руководством которого в Елани в 1898 г. была построена земская больница¹⁷.

Музеи истории региональной медицины создаются в лечебных и образовательных учреждениях Минздрава РФ.

¹⁶ Лепкова Е. А., Киценко О. С. Развитие системы здравоохранения в Царицыне в конце XIX — начале XX века: источниковедческий аспект // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Волгоград, 2014. С. 65–69.

¹⁷ Комиссарова Е. В., Киценко Р. Н., Киценко О. С. Воспитание гражданственности и патриотизма будущих врачей на основе регионального историко-медицинского наследия // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 182–185.

В музее истории здравоохранения Волгоградской области при ГКУЗ «Волгоградский областной центр медицинской профилактики» хранится много уникальных реликвий, документов и воспоминаний врачей, его экспозиция раскрывает основные этапы развития здравоохранения области. Об истории становления медицинской службы в Царицыне и Царицынском уезде свидетельствуют фотографии и инструменты врачей городских и уездных больниц, отчеты о деятельности Царицынского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, журналы Царицынского уездного земского собрания. В экспозиции можно увидеть набор медицинских инструментов земского врача, материалы, посвященные оказанию медицинской помощи населению Царицына в период гражданской войны¹⁸. История медицины периода Великой Отечественной войны представлена в мемориальных коллекциях врачей—участников войны. Эмоциональное воздействие на посетителей оказывают сюжетные картины и живописные портреты, выполненные врачом, сотрудником музея Н. И. Ежовым, муляжи различных видов ранений. О послевоенном развитии здравоохранения повествуют материалы Сталинградского городского отдела здравоохранения в 1950-е годы, Сталинградской областной клинической больницы. Значительную часть фондов составляют материалы заслуженных врачей РСФСР¹⁹.

Музей государственного унитарного предприятия «Волгофарм» рассказывает о становлении и развитии аптечного дела в Царицыне—Сталинграде—Волгограде, а также об истории самого «Волгофарма». Аптечная утварь и другие реликвии истории фармации собраны сотрудниками предприятия благодаря дарениям аптек сельских районов, ветеранов аптечного дела, жителей области. В экспозиции музея представлена история происхождения аптечного хозяйства, аптечная посуда, фотографии первых руководителей областного аптекоуправления, документы о создании аптек в области, учебники, по которым учились фармацевты, пилюлярные машинки для изготовления пилюль, приборы для приготовления свечей, спиртометры, аптекарские весы²⁰.

Музей Волгоградского государственного медицинского университета—структурное подразделение вуза, основными функциями которого являются: документирование истории университета; сохранение, изучение и публичное представление памятников его истории как культурной ценности; осуществление на их основе образовательно-воспитательной деятельности. Музей был открыт в феврале 1981 г. по инициативе кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения, поддержанной ректоратом. Энтузиастами музея, создавшими группу «Поиск», собраны фондовые коллекции, раскрывающие основные этапы становления и развития вуза. В связи с 75-летием университета музею было выделено новое помещение.

Экспозиция, открытая в 2011 г., отражает учебную, научную и клиническую деятельность факультетов и кафедр, вклад сотрудников и выпускников в развитие здравоохранения, всероссийское и международное признание университета. Цель экспозиции—отразить музейными средствами историю развития ВолГМУ и способствовать углублению знаний студентов по истории медицины.

Памятники истории—документы, фотографии, награды, медицинские инструменты и другие вещи—раскрывают основные вехи истории вуза, неразрывно связанные

¹⁸ Лепкова Е. А., Киценко О. С. Развитие системы здравоохранения в Царицыне... С. 65–69.

¹⁹ Путеводитель по музею гигиены и истории здравоохранения Волгоградской области / сост. А. Ф. Воробьев, Н. И. Ежов. Волгоград, 1991.

²⁰ Музей ГУП «Волгофарм» // URL: <http://volgofarm.ru/o-kompanii/foto/muzei.html> (дата обращения: 11.03.2015).

с историей России и региона, а также с историей медицины. Сквозными являются темы: «Вклад ученых ВолгГМУ в развитие медицины» и «ВолгГМУ и развитие здравоохранения в регионе». Экспозиция построена на основе проблемно-хронологического метода и состоит из пяти тем: 1. Становление Сталинградского медицинского института в 1935–1941 гг. 2. СГМИ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). 3. Восстановление института в 1943 г.—1950-е годы. 4. Развитие ВГМИ в 1960–1980-е годы. 5. ВГМА—ВолГМУ (1993–2017).

Жемчужиной экспозиции стал фрагмент интерьера рабочего кабинета и другие реликвии профессора С. Н. Касаткина, переданные из музея кафедры анатомии человека. История отечественной медицины в период Великой Отечественной войны нашла отражение в коллекциях сотрудников и выпускников вуза²¹. Экспозиционные комплексы, посвященные восстановлению вуза после Сталинградской битвы, содержат документы о возобновлении занятий, фотографии учебных корпусов и клинических баз вуза, студенческих бригад на строительстве зданий²², медицинский инструментарий, переданный клиникам города К. Черчилль, посетившей Сталинград в 1945 г. с миссией британского Красного Креста. Внимание посетителей привлекают коллекции заслуженных деятелей науки РСФСР С. Н. Касаткина, А. А. Полянцева, А. Б. Зборовского, В. Г. Карпенко, А. М. Водовозова, первого из выпускников вуза академика РАМН, ректора ВолгГМУ В. И. Петрова. Популярностью пользуется выставка с подарками иностранных студентов и делегаций, а также карта мира, на которой отмечены страны, представители которых в разное время учились в вузе. Материалы экспозиции музея играют важную роль в социокультурной адаптации иностранных студентов.

Музей является базой научно-исследовательской деятельности и важным звеном образовательно-воспитательного процесса: его посещают студенты, врачи-выпускники и гости университета. Использование материалов музея в преподавании курсов отечественной истории, культурологии, истории науки, истории медицины способствует углублению знаний благодаря предметности и эмоциональной образности экспозиции. Музей оснащен средствами мультимедиа, которые активно используются в учебно-воспитательном процессе. Музей ВолгГМУ занял достойное место в музейной сети Волгоградской области и в системе непрерывного образования медиков.

Важную роль в образовательно-воспитательном процессе высшей школы играют учебные музеи, созданные на различных кафедрах ВолгГМУ.

Исследователи Л. М. Медведева²³, О. С. Киценко, Р. Н. Киценко, Е. В. Комиссарова рассматривают медицинскую культуру как составляющую культурного наследия и делают вывод, что региональные традиции здравоохранения, представленные в музеях Волгоградской области, являются важным фактором сохранения здоровья нации и ресурсом воспитания гражданственности и медицинской этики будущих врачей. Опора на музейные экспозиции в образовательно-воспитательном процессе благодаря наглядности способствует углублению и конкретизации знаний по изучаемым дисциплинам, воспитанию гуманизма, медицинской этики и деонтологии.

²¹ *Петрова И. А., Комиссарова Е. В.* Медики в Сталинградской битве // *История в подробностях.* 2012. № 8. С. 68–77.

²² *Петрова И. А., Комиссарова Е. В.* Подвиг возрождения Сталинградского медицинского института // *История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев: материалы научно-практической конференции.* Волгоград, 2014. С. 4–10.

²³ *Медведева Л. М.* Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград, 2014. С. 221.

Памятники историко-медицинского наследия в собраниях волгоградских музеев — документальные свидетельства истории развития здравоохранения Волго-Донского региона и города-героя Волгограда, социальная память и неотъемлемая часть культурного наследия России. Приобщение к нему является важным средством образования и воспитания будущих медицинских работников, а также развития межкультурной коммуникации.

Информация о статье

Авторы: Комиссарова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, заведующая, Музей истории Волгоградского государственного медицинского университета; доцент, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия, evkm57@mail.ru; museum@volgmed.ru.

Киценко Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия, olga_kicenko@mail.ru.

Название: Роль региональных музеев в сохранении историко-медицинского наследия России.

Абстракт: Статья посвящена роли музеев в сохранении историко-медицинского наследия как важной составляющей культуры России. Авторы выявляют специфику музеев истории медицины, характеризуют основные периоды формирования медицинских учреждений музейного типа и историко-медицинских собраний на основе междисциплинарного культурологического подхода; подчеркивают значение создания «Реестра медицинских музеев России» и анализируют его содержание.

Особое внимание уделено роли региональных музеев в сохранении медицинского наследия. Авторы характеризуют историко-медицинские коллекции в составе музейных собраний и экспозиций государственных, муниципальных и ведомственных музеев на примере музейной сети Волгоградской области.

Ключевые слова: культурное наследие, медицинская культура, историко-медицинское наследие, музей, Волгоградская область.

Information on article

Authors: Komissarova Elena Vasilevna — PhD in History, Associate Professor, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia, evkm57@mail.ru.

Kitsenko Olga Sergeevna — PhD in History, Associate Professor, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia, olga_kicenko@mail.ru.

Title: The role of regional museums in the retention of the medical heritage of Russia.

Abstract: The article is dedicated to the role of museums in the retention of medical heritage as important part of Russian culture. The authors reveal the specific character of museums, the history of medicine, characterize the fundamental periods of the formation of the medical institutions of the museum type and medical collections on the basis of interdisciplinary approach; they emphasize the value of the creation of “The list of the medical museums of Russia” and analyze its contents.

Special attention is paid to the role of regional museums in preservation of medical heritage. The authors characterize medical collections in state, municipal and departmental museums based on the example of the museum network of the Volgograd region.

Keywords: cultural heritage, medical culture, medical heritage, museum, the Volgograd region.

УДК 069.12(47+571.63)

Е. А. Поправко

МАССОВАЯ РАБОТА МУЗЕЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х—2010-е годы:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Вторая половина 1980-х—2000-е годы оказались одним из самых сложных периодов в истории музеев Приморского края, как и в целом для музеев России. Вторая половина 1980-х годов— время «перестройки» в музейном деле Приморского края, время активизации работы, период появления массы новых инициатив. Этот период характеризуется сохранением и расширением существующей музейной сети, особенно общественных музеев (хотя были и отдельные прецеденты ликвидации музеев, например закрытие музея «В. И. Ленин и Дальний Восток»). Появившиеся в период «перестройки» инициативы (в том числе и в массовых формах работы музеев) в полной мере отражали противоречивые тенденции в жизни страны.

Особой тенденцией в мировом музееведении XX в. стало все большее усиление рекреационных (досуговых) функций музеев. В нашей стране эту тенденцию сдерживало приписывание музеям в советский период идеологических функций, что определяло превалирование в деятельности музея культурно-образовательной работы. Тем не менее, к середине 1980-х годов тенденция усиления рекреационных качеств музеев проявилась более чем очевидно. В период «перестройки» при обсуждении новых моделей развития музейного дела переход в статус досуговых учреждений впервые стал осознаваться как одна из форм решения проблем с нехваткой финансирования. Но постепенный переход к новой модели был нарушен.

Начавшийся в конце 1980-х годов кризис в музейном деле носил всероссийский характер. Оказывал влияние, прежде всего, общий экономический кризис в стране, работать в условиях которого советские музеи не были подготовлены. Советская модель музейного дела характеризовалась жесткой связью «государство—музеи», обеспечивала эту связь идеология. В условиях политического кризиса идеология перестала играть свою роль, музеи стали стремительно терять значение в глазах властей. А в сочетании с экономическим кризисом ситуация стала катастрофической.

В начале 1990-х годов ситуацию усугубило начало либерализации цен и приватизации. Сокращалось финансирование государственных музеев (а также вузовских, академических и т. д.); в связи с приватизацией или прохождением процедуры банкротства ликвидировались, консервировались общественные музеи при предприятиях.

При сокращении бюджетного финансирования и стремительном падении уровня жизни населения большинство музеев ничем не могли компенсировать эти потери. Предприятия, организации и учреждения отказывались от сотрудничества с музеями на основе сложившейся ранее практики заключения договоров о сотрудничестве, а музеи привыкли

работать в основном с заранее заказавшими экскурсии группами, а не с индивидуальными посетителями.

В условиях сокращения личных доходов граждан уменьшались внутренние туристские потоки. Развитие иностранного туризма сдерживали многие факторы: отсутствие необходимой инфраструктуры, неизвестность большинства российских регионов и местных музеев на мировом рынке туристских услуг и т. д. Свою роль играли и факторы, доставшиеся «в наследство» от предшествующего периода: плохое состояние зданий и помещений, устаревшее оборудование, нехватка кадров¹.

Снижение доходов у всех участников объединения при одновременном уменьшении числа экскурсионных посещений и лекций отмечено в объяснительных директора ПГОМ им. В. К. Арсеньева Г. А. Алексюк, приложенной к отчету музея за 1989–1990 гг. Резкое падение посещаемости пришлось на 1989 г. (на 168,8 тыс. человек), после чего число посетителей ежегодно составляло от 242,9 до 296,2 тыс. человек, в 1991 г. впервые снижение доходов было увязано в Приморском государственном музее им. В. К. Арсеньева со «снижением жизненного уровня населения»². В 2000 г. была преодолена цифра в 300 тыс. человек. В XXI в. снижение посещаемости произошло в 2003–2004 гг., что связано с затяжным ремонтом как в головном музее и его отделах во Владивостоке, так и в филиалах в крае. В 2014 г. музей отчитался посещаемостью в 252,9 тыс. посетителей на объединение в целом³.

В музее Находки рост показателей посещаемости наблюдался с начала 1980-х годов и до 1991 г. В 1992 г. произошел резкий «обвал» (в 2,2 раза). До 1994 г. падение показателей посещаемости было стремительным (в 1,5–2 раза ежегодно). После этого показатели колебались от 7,8 до 66,8 тыс. человек в год. В музее ситуацию объясняли отсутствием интереса у населения: высоких показателей посещаемости музей достигал, если удавалось привлечь выставки экспонентов из Владивостока или из центральных регионов страны: «Каждая такая выставка в 4–5 раз увеличивает цифровые показатели посещаемости и экскурсий»⁴. В XXI в. наименьшая посещаемость у МВЦ «Находка» была в 2001 г. — 17,8 тыс. человек, в остальные годы колебалась от 23,9 до 30,3 тыс. человек. В 2014 г. музей отчитался за 29,6 тыс. посещений⁵.

Достаточно долго стабильными были показатели посещаемости Музея истории г. Партизанска. В 1983 г. музей был закрыт на ремонт и открылся в 1986 г. Были обновлены экспозиции, что позволяло удерживать посещаемость в 13–15 тыс. человек ежегодно

¹ О том, что эти явления отмечены в целом по стране, свидетельствуют данные о музеях других регионов. — См., например: *Тихонов В. В.* Опыт выживания музея «Тальцы» в рыночных условиях // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI вв. // Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 127. С. 214–221.

² См.: Текущий Архив Департамента культуры Администрации Приморского края (далее — ТА ДК АПК). Д. Сводный статистический отчет Управления, сводные статистические отчеты музеев о наличии экспонатов из благородных металлов и драгоценных камней, о деятельности музеев (ф. 4-ф, 8-нк) (далее — Сводный статистический отчет) за 1989 г. Л. 12; Д. Сводный статистический отчет за 1990 г. Л. 9; Д. Сводный статистический отчет за 1991 г. Л. 3.

³ Департамент культуры Администрации Приморского края. Статистическая отчетность 2014 г. // URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/culture/docs/statisticheskaya-otchetnost/> (дата обращения: 20.10.2016).

⁴ ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 26.

⁵ Департамент культуры Администрации Приморского края. Статистическая отчетность 2014 г. // URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/culture/docs/statisticheskaya-otchetnost/> (дата обращения: 20.10.2016).

до 1990 г. После небольшого снижения в 1991 г. число посетителей музеев стабилизировалось на цифре около 12 тыс. человек. В начале XXI в. произошло опять снижение посещаемости до 7,3 тыс. человек, а потом постепенный рост — до 11,7 тыс. человек в 2008 г.

Одни из самых стабильных показателей посещаемости были у Музея истории г. Лесозаводска, когда он открылся после капитального ремонта: с 1993 по 1999 гг. музей ежегодно принимал от 10,6 до 13,4 тыс. человек. Значительное увеличение произошло в 2000 г. — 17,5 тыс. человек, но из-за проблем с помещением музеем не удалось сохранить тенденцию увеличения числа посетителей в XXI в.⁶

Снижение доходов и посещаемости в ПМККГ, связанное с отказом образовательных учреждений от услуг галереи: в учебных планах сокращалось преподавание эстетики, истории искусства и подобных дисциплин, отмечено уже в объяснительных директора Н. А. Янченко (Левданской) к отчету за 1989 г. Настоящий «обвал» показателей посещаемости в галерее произошел в 1994 г.⁷ Очередные резкие снижения показателей посещаемости в ПМККГ происходят в 1997–1998 гг. (в 2 и 1,6 раза). В XXI в. наиболее неудачными по данному показателю оказались 2003 г. (начало ремонта в здании по ул. Алеутская, 12) и 2008 г., а самым успешным 2007 г. — 105,9 тыс. человек, но этот рекорд был поставлен за счет посетителей выставок вне стен музея. В 2014 г. музей отчитался за 171,4 тыс. посещений⁸.

В этих условиях справляться с культурно-образовательной и досуговой функцией музеев Приморского края помогал накопленный в предшествующие годы опыт массовой работы, отличавшейся к середине 1980-х годов многообразием форм, делавший приморские музеи более успешными в привлечении населения, чем другие музеи Дальнего Востока. Эта традиционно сильная сторона работы приморских музеев приобретала во второй половине 1980-х — 1990-е годы все более интересный характер.

К особенностям массовой работы этого периода можно отнести усиление внимания к детской аудитории, что выразилось как в создании проектов, ориентированных на детей в Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева и его филиалах, Приморской краевой картинной галерее, так и в организации детских музеев, самым значимым из которых, несомненно, была Краевая детская картинная галерея.

Желание вернуть детскую аудиторию, традиционно составлявшую большинство посетителей, заставило музей им. В. К. Арсеньева разработать новые программы для детей и подростков: «Здравствуй, музей», «В гостях у коренных жителей края», «Детский эстетический центр „Арина“» и др. В экспозиции появляется часть, в которой активно задействован посетитель, где ему разрешается трогать музейные предметы, можно научиться изготавливать их самому. По этому принципу работала экспозиция «Славянский дом», большая часть которой — площадка для игровых занятий и концертных программ. В «Славянском доме» работали фольклорный ансамбль «Традиция», детский фольклорный ансамбль «Лутоня», фольклорно-этнографическая лаборатория традиционных технологий⁹.

⁶ «Мы должны сделать культуру целью, ради которой человечество живет». Выступления на круглом столе «Защита культурного наследия» 1 февраля 2006 г. // Светоград. 2006. № 3 (53). Март. С. 2–3.

⁷ См.: ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 1989 г. Л. 24; Д. Сводный статистический отчет за 1994 г. Л. 13–14; Д. Сводный статистический отчет за 1996 г. Л. 11.

⁸ Департамент культуры Администрации Приморского края. Статистическая отчетность 2014 г. // URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/culture/docs/statisticheskaya-otchetnost/> (дата обращения 20.10.2016).

⁹ Мастерская традиционных технологий. Ресурсный и координационный центр поддержки носителей традиционных знаний. [Б. м.], [Б. г.].

Этот опыт востребован и другими музеями объединения: на «Параде музеев» 2002 г. и III Владивостокской биеннале визуальных искусств в 2003 г. Музей истории г. Арсеньева представлял коллекцию костюмов, изготовленных по традиционным технологиям и используемую в работе с детской аудиторией.

Одним из важнейших детских проектов ПГОМ стала организация в 1995 г. Детского экологического центра на базе естественнонаучного отдела музея. В программе работы центра и традиционные формы мероприятий: «День тигра», «День земли», «День птиц» (опробованные для разных, в том числе и детских, аудиторий еще во второй половине 1950-х — 1960-е годы), эколого-краеведческие конкурсы, олимпиады школьников, методические занятия с учителями школ, а также инновационные проекты: экологический всеобуч «Учитель — дети — родители». Проект Экологического центра ПГОМ «Учим детей беречь дом, в котором мы живем» в 1999 г. получил грант Всемирного фонда дикой природы (WWF) и Агентства США по международному развитию¹⁰. Обучающее значение проекта было высоко оценено учителями школ Владивостока¹¹.

Новые формы работы с детской аудиторией появились в Приморской краевой картинной галереи. В 1994 г. в музее начал работать музыкально-художественный салон «Мировая художественная культура», при котором действовал лекторий с программой, соответствовавшей основным дидактическим единицам школьного курса по одноименному предмету, появился цикл бесед «Азбука искусства» для дошкольников и учащихся младших классов. Удалось сохранить и даже расширить число пришкольных кружков изобразительного творчества, которые действовали в 1990-е годы при средних школах Владивостока, в детском доме г. Артема. В 2000 г. галерея работала с детьми 3–4 лет из детского сада «Маленький принц». Новой формой работы стали семейные посещения со специально рассчитанной на аудиторию «дети — родители» программой¹².

Многочисленные детские проекты реализовывались в работе Краевой детской картинной галереи, тем более, до 1996 г. музей работал бесплатно, а с 1997 г. принимал посетителей бесплатно по вторникам; правом на бесплатное посещение пользовались пенсионеры, инвалиды, участники войны, экскурсионные группы из детских пришкольных лагерей¹³.

Это обеспечивалось значительным привлечением внебюджетных средств: музей был лидером среди государственных и муниципальных музеев Приморского края как по объемам получаемой спонсорской помощи, так и по соотношению собственных и бюджетных средств в доходах музея. В 1995 г. поступления от спонсоров и меценатов в Детскую галерею составили (109 639 тыс. руб., в ценах до деноминации 1998 г.); в 1996 г. — 61 180 тыс. руб., в 1997 г. — 50 526 тыс. руб., в 1998 г. — 42,8 тыс. руб. (с учетом деноминации цен в 1998 г.); в 1999 г. — 89 тыс. руб., в 2000 г. — 360 тыс. руб. Объемы привлеченной спонсорской помощи КДКГ составляли от 22,5 до 42,7 % от годового бюджета музея. В XXI в. происходит уменьшение потоков спонсорских средств в Детскую галерею, но появляются

¹⁰ Уварова В. В. Музейный экологический центр // Арсеньевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 110-летию ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Владивосток, 2000. С. 152–155.

¹¹ Жеурова С. В. Музей как уникальный инструмент развивающего обучения // Арсеньевские чтения. С. 112–114.

¹² ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 1994 г. Л. 13–14; Д. Сводный статистический отчет за 1996 г. Л. 11, 13; Д. Сводный статистический отчет за 1998 г. Л. 12; Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 15–17.

¹³ Там же. Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 19.

доходы от предпринимательской деятельности: в 2001 г. 49 тыс. руб. поступили от спонсоров и меценатов, 80 тыс. руб. — доход от предпринимательской деятельности (15,6 % от общего бюджета), в 2002 г. — 8 и 111 тыс. руб. соответственно (10,4 %); в 2003 г. — 8 тыс. руб. спонсорской помощи при отсутствии доходов от предпринимательской деятельности (0,75 %) ¹⁴.

Постоянно работали в Детской галерее школы-студии для одаренных детей «Радуга» и «Солнечный зайчик», действовала Детская общественная организация художников «Дар». Традиционными стали работа Новогодней выставки-конкурса масок. Среди наиболее интересных выставочных проектов Детской галереи выставки «Бал красавиц», «Я рисую кино», «Милой мамочки портрет», выставка детского соцреализма «Мы красные кавалеристы». Проекты Детской галереи вызывали интерес также своей социальной направленностью. Галерея сотрудничала с художественными школами и школами искусств не только Приморского края, но и Сибири: в 1995 г. прошла отчетная выставка художественных школ Томска, в 1996 г. возможность выставить свои работы была предоставлена учащимся ДХШ г. Усурийска, в 2000 г. учащимся ДХШ г. Дальнереченска и пациентам Краевого детского онкогематологического центра. В 1996 г. был проведен Международный фестиваль кукольного театра «Весь мир играет в куклы», в 2000 г. — благотворительная акция «В поддержку одаренных детей», региональный художественно-экологический фестиваль «Пльви, пльви кораблик» в пос. Преображение. С передвижными выставками галерея работала на Сахалине, в Японии, США ¹⁵.

Во второй половине 1980-х годов вышло на новый уровень взаимодействие музеев и краеведческого движения. Музеи стали организаторами работы клубов и объединений, что также приводило к формированию интересных, хотя и разномасштабных (от отдельных выставок до создания новых музеев) проектов.

Наибольшее число музейных объединений действует при Приморском государственном объединенном музее им. В.К. Арсеньева. К концу 2000 г. на базе объединения во главе с ПГОМ им. В.К. Арсеньева действовало 32 объединения, которые объединяли 1272 человека ¹⁶; из них 26 объединений непосредственно в головном музее на Светланской, 20, еще два — в отделах музея во Владивостоке, по два объединения при музеях А.А. Фадеева и г. Арсеньева и по одному в Музеях истории Дальнереченска, Лесозаводска и Партизанска.

¹⁴ Подсчитано автором по: ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 1995 г. Л. 8 об., 9 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1996 г. Л. 14 об., 15 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1997 г. Л. 10 об., 11 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1998 г. Л. 13 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1999 г. Л. 11 об.; Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 18 об.; Д. Сводные статистические сведения Управления, сведения музеев о наличии экспонатов из благородных металлов и драгоценных камней, о деятельности музеев (ф. 4-ф, 8-нк) (далее — Сводные статистические сведения) за 2001 г. Л. 9 об.; Д. Сводные статистические сведения за 2002 г. Л. 9 об.; Д. Сводные статистические сведения за 2003 г. Л. 17 об.

¹⁵ ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 1995 г. Л. 9 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1996 г. Л. 15 об.; Д. Сводный статистический отчет за 1997 г. Л. 11 об.; Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 19; *Ерошкина И. П.* // Восточный базар. Ежемесячное издание для руководителей // URL: <http://www.bazar2000.ru/index.php?author=30005185> (дата обращения: 05.07.2006).

¹⁶ Данные цифры приведены в сводном отчете по объединению за 2000 г. — См.: ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 2000 г. Л. 12 об. — Но при пересчете на основе отчетов головного музея с отделами и краевых филиалов (Литературно-мемориального музея А.А. Фадеева, Музеев истории и гг. Арсеньева, Дальнереченске, Лесозаводске, Партизанске) нами получены другие цифры: 35 объединений, действующих на базе музея, в которых участвуют 1382 человека.

В рамках клубной работы музея им. Арсеньева родились уникальные проекты — Музей автмотостарины, музей «Владивостокская крепость».

Занимались клубной работой и другие приморские музеи¹⁷. Наиболее активны в поддержке краеведческих структур из государственных и муниципальных музеев были Спасский историко-краеведческий музей и Естественно-исторический музей пос. Посыет Хасанского района: на их базе к концу 2000 г. работали по 5 организаций. Большая детская общественная организация (107 человек к концу 2000 г.) действовала на базе Детской картинной галереи.

Ряд клубных проектов муниципальных музеев перерос в музейные инициативы уже в 2000-е годы, например, «Палеодеревня» — совместный проект музейно-выставочного центра «Находка» и участников краеведческого клуба «Клио». Начало проекту положило участие членов клуба в раскопках на Екатерининском городище, которые вела научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН Т.А. Васильева. Ежегодно с 1998 г. МВЦ организовывал детский научно-оздоровительный лагерь «Новочжурчженьск», собиравший от 100 до 150 детей. В 2004 г. на базе лагеря прошел краевой слет юных археологов, а в 2005 г. МВЦ «Находка» совместно с клубом «Клио» стали реализовывать музейно-образовательный проект «Детские археологические мастерские», связанный с реконструкцией кроуновских жилищ. В результате появился своеобразный музей под открытым небом «Палеодеревня». В 2006 г. этот проект стал победителем в номинации «Музей и новые образовательные программы» конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимого благотворительным фондом В. Потанина¹⁸.

Вели работу по формированию своего актива и общественные музеи. К сожалению, сложно судить о числе организаций и объединений, созданных при общественных музеях, так как данная группа музеев отчетов не сдает. Среди действующих на базе общественных музеев структур есть достаточно известные в крае организации, например, общественная экологическая детско-юношеская организация «Росток», создавшая экологический музей «У природы человеческие глаза» при МОУ СОШ № 24 Партизанска и сеть из 25 детских экологических некоммерческих организаций в южном Приморье, обладатель гранта ИСАР-ДВ «РК 498.3 — Расширение сети экологических НКО Южного Приморья для охраны реки Партизанской»¹⁹. Судить о работающих на базе общественных музеев приморских школ детских поисковых отрядах, краеведческих, археологических

¹⁷ В официальных отчетах музеев графы о числе действующих на их базе объединений и числе их участников появилась только в 1999 г. — См. формы 8-нк в: ТА ДК АПК. Д. Сводный статистический отчет за 1998 г. (таких граф нет); Д. Сводный статистический отчет за 1999 г.

¹⁸ *Нургалеева М.Б.* Строим археологический интерактивный музей «Палеодеревня» // Музейный вестник Приморья. 2006. № 2. С. 89–91; Грантовый конкурс музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» [Б. м.], 2006, [Б. г.]. С. 14.

¹⁹ См.: Общественная экологическая детско-юношеская организация «Росток» // Совет при Президенте РФ по содействию институтам гражданского общества и правам человека // URL: <http://www.sovetpamfilova.ru/help/org/650/> (дата обращения: 25.08.2006); Школьный музей. Партизанск // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_pr.htm (дата обращения: 11.03.2006); Список проектов, профинансированных в рамках IV тура // URL: http://www.isarrfe.ru/?section=1§ion_sub=180 (дата обращения: 25.08.2006); Приморье: юные экологи нуждаются в поддержке // Международный эколого-социальный союз // URL: <http://www.seu.ru/members/ucs/eco-hr/2004/1465.htm> (дата обращения: 25.08.2006); Краевая экологическая конференция «У природы человеческие глаза» прошла в Партизанске // Администрация Приморского края. Пресс-релизы // URL: <http://www.primorsky.ru/press/read/?id=7893> (дата обращения: 25.08.2006).

кружках можно на основе данных, представленных руководителями школьных музеев при проведении акции «Равнение на Победу»²⁰.

Подводя итоги, можно отметить, что музеи Приморского края сумели в непростых условиях социально-экономического и политических кризисов, в не всегда благоприятных нормативно-правовых условиях существования найти интересные формы своей культурно-образовательной и рекреационной работы. Определились здесь и стратегии работы с посетителем, учитывающие особенности самого музея, объемы его финансирования, штат сотрудников, а также наличие и особенности проявления музейной потребности у местного населения. Это позволило музеям получить дополнительные источники финансирования в самый сложный период их истории. В то же время можно отметить, что ни одному музею региона не удалось перейти в категорию “high profit non-profit organization” (некоммерческая организация с высоким уровнем прибыли). Тому есть масса причин: малочисленность населения края, низкий уровень музейной потребности населения, нежелание властей и туристских организаций финансировать музейные проекты, сложности с получением информации о конкурсах и грантах (учитывая факт отсутствия электронной почты и Internet у большинства приморских музеев) и т. д.

Информация о статье

Автор: Поправко Елена Александровна — доктор исторических наук, доцент, Военная академия Материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, Санкт-Петербург, Россия, elena_popravko@mail.ru.

Заглавие: Массовая работа музеев Приморского края во второй половине 1980-х — 2010-е годы: традиции и новации в условиях социально-экономических и политических трансформаций.

Абстракт: Рассматриваются изменения в формах массовой работы музеев Приморского края во второй половине 1980-х — 2010-е годы. В условиях социально-экономических и политических трансформаций отмечается падение роли музея как проводника советской идеологии, что вызвало снижение показателей посещаемости в начале исследуемого периода. Анализируются новые формы работы: мастер-классы, клубы, интерактивные проекты, индивидуальные и семейные программы музеев Приморского края.

Ключевые слова: музей, Приморский край, массовая работа, клубные объединения, мастер-класс, музейно-образовательный проект.

Information on article

Author: Popravko Elena Aleksandrovna — Doctor in History, Associate Professor, Military Academy of Logistics Named after Army General A. V. Khrulev, St. Petersburg, Russia, elena_popravko@mail.ru.

Title: The educational and recreational work of museums in Primorsky Kray in the second half of the 1980s to the 2010s: Traditions and innovations in terms of socio-economic and political transformations.

²⁰ См.: Школьный музей. Артём // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_ar.htm (дата обращения: 11.03.2006); Школьный музей. Владивосток // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_vl.htm (дата обращения: 11.03.2006); Школьный музей. Дальнегорск // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_dg.htm (дата обращения: 11.03.2006); Школьный музей. Находка // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_nh.htm (дата обращения: 11.03.2006); Школьный музей. Партизанск // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_pr.htm (дата обращения: 11.03.2006); Школьный музей. Уссурийск // URL: http://www.primorsky.ru/victory/museum_us.htm (дата обращения: 11.03.2006).

Abstract: The article is devoted to changes in the forms of educational and recreational work of museums in Primorski Kray in the second half of the 1980s to the 2010s. The role of the museum as an agent of the Soviet ideology in conditions of socio-economic and political transformation decreased at the beginning of the study period. The author analyzes new forms of work: master-classes, club associations, interactive projects, individual and family programs of the museums of Primorsky Kray.

Keywords: museum, Primorsky Kray, educational and recreational work, club associations, master-class, museum-educational project.

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

УДК 069

Е. В. Дианова

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ КООПЕРАТОРОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

Музейное дело было одним из важных направлений культурно-просветительной работы русской кооперации. Кооперативные деятели как представители социально активной группы населения считали необходимым собирание письменных и вещественных источников, связанных с кооперативным движением, выступали с различными проектами по созданию музеев с целью сохранения для потомков памятников истории и культуры, изделий кустарных промыслов и предметов повседневной жизни уходящей в прошлое эпохи. История появления различных музейных проектов освещалась современными исследователями. Так, проектам создания провинциальных музеев революции посвящена статья Ю. Г. Саловой¹.

Музейные начинания кооператоров совпали с ростом просветительного движения в стране. Кооперативные работники считали, что в первую очередь музеи являются учреждениями для организации досуга населения. На съезде по вопросам организации разумных развлечений, созванном в 1915 г. Харьковским обществом грамотности, было принято постановление о том, что устройство музеев желательно «в наиболее населенных местностях при существующих культурно-образовательных и экономических учреждениях и организациях»². Дальнейшее существование музеев обеспечивали средствами правительство, земства и кооперативные учреждения.

Участник Харьковского съезда Е. Г. Монтевид, говоря о музеях родного края, настаивал на том, что музейные коллекции должны быть «составлены из экспонатов местной культуры, природы, сельского хозяйства, техники», чтобы «наглядно представлять жизнь данного района в научном, историческом, этнографическом, экономическом и других отношениях». Для ознакомления населения с изделиями кустарных промыслов и произведениями народного творчества могли быть устроены передвижные художественно-промышленные выставки³.

После революции 1917 г. создание музеев приобрело особое значение, так как «в момент перелома всей жизни, в момент перехода к новому строительству» необходимо было «оглянуться на те здоровые корни из прежней жизни, которые дадут силы новому

¹ Салова Ю. Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 76–85.

² Труды созванного Харьковским Обществом грамотности съезда по вопросам организации разумных развлечений. Постановления и доклады: в 2 т. Харьков, 1915. Т. 2. С. 24.

³ Там же. С. 185.

строительству, без которых дерево новой жизни не вырастет, как бы его ни пересаживали и как бы за ним ни ухаживали». Кооператоры должны были «эти корни разыскать и сохранить», а музеи, созданные с помощью кооперативов, сохранив памятники истории и культуры, могли внести свой вклад в строительство новой жизни⁴.

Кооперация, обладавшая «наиболее организованным, гибким аппаратом, соприкасающимся со всеми сторонами жизни населения, скорее и легче других организаций могла провести работу по созданию музеев, столь необходимых и для науки, и для населения, и для самой кооперации»⁵.

Общественные деятели осознавали, что медлить со сбором материалов было нельзя, так как они видели: «Сколько драгоценной красоты гибнет теперь в революционное время по деревням и селам великой России! Сколько замечательных помещичьих домов, которыми республиканская и демократическая Россия могла бы гордиться так же, как гордилась ими старая помещичья Русь, уничтожено бессмысленно, уничтожено навсегда! Сколько погребло и гибнет в них художественной драгоценной мебели, замечательной старой посуды, утвари, картин, бесценных мелочей и много другого!» А ведь из этих предметов можно было бы создать замечательный музей, что принесло бы немалую пользу для России, «страны с демократической культурой»⁶.

В то же время кооператоры, занимаясь культурно-просветительной деятельностью, заметили, что «население совсем не знает своего родного края, не знает, чем беден и богат родной край, часто и не подозревает, какие богатства вокруг него рассыпала природа, что скрыто в ее недрах, и как можно использовать эти богатства». А о том, что «никто не знает истории прошлой жизни своей местности», даже не стоило и говорить. Понимая важность краеведческих знаний для освоения природных богатств и развития хозяйства, Дмитровский и Коломенский кооперативные союзы обратили внимание на изучение своих уездов. С целью организации музеев родного края они стали собирать книги, рукописи, образцы продукции местных промыслов, чучела животных и птиц, образцы почв и растений⁷.

В 1918 г. алтайские кооперативы предложили помощь по реорганизации музея Барнаульского экономического общества. Совет кооперативных съездов Черниговской губернии приступил к созданию губернского краеведческого музея. Союз кооперативов Енисейского края, ассигновав 7 тыс. руб., командировал инструктора для изучения быта тунгусских племен. В Пермской губернии съезд уполномоченных Шадринского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ перечислил 100 тыс. руб. на культурно-просветительную деятельность в своем уезде и 3600 руб. на содержание научного музея⁸.

Известный теоретик кооперации А. А. Николаев предлагал создавать маленькие деревенские музеи. В сельской местности их можно было устроить в Народных домах. Экспонатами могли быть коллекции насекомых, гербарии, фенологические наблюдения, образцы семян, орудий труда, упряжь, изделия и продукция местных промыслов, записи песен и устного народного творчества. Кооперация была заинтересована в развитии местных

⁴ Северный хозяин. 1919. № 11. С. 25.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Орлов В. Прекрасная Россия // Общее дело. 1918. № 8. С. 10.

⁷ Настольный календарь Московской губернии на 1919 год / Издание Московского кредитного союза кооперативов. М., 1918. С. 108.

⁸ Просвещение и кооперация. 1918. № 2. С. 48–49; Северный хозяин. 1918. № 7–8. С. 22.

музеев, поскольку изучение родного края имело большое значение для нее как хозяйственной организации, которая «посвящает свои силы хозяйственному благоустройству трудового народа», и ей «не безразлично, как живет трудовой народ»⁹. Музей в этом отношении мог бы оказать кооперации незаменимые услуги. Тогда, зная природно-климатические условия, природные ресурсы, кооператоры имели бы больше возможностей лучше определить основные пути социально-экономического развития своей местности.

Кооперативные деятели полагали, что музеи родного края можно устраивать не только в Народных домах, но и в кооперативных школах. Музеи должны были стать «органической частью всей системы кооперативных школ», но не складом пособий, которым пользуются преподаватели по мере надобности, а самостоятельным образовательным учреждением, отражающим «в наглядной форме основные процессы природы и общественной жизни»¹⁰. В музее преподаватели могли проводить учебные занятия, а учащиеся выполнять самостоятельные работы и задания.

В 1917 г. Вологодское центральное общество сельского хозяйства (ВЦОСХ) решило организовать Высшую крестьянскую школу в Вологде. Поскольку эта школа была тесно связана с жизнью вологодского крестьянства, руководителям и преподавателям школы полагалось «вдумчиво изучать все местные условия и строить преподавание, основываясь на них»¹¹.

Музей Высшей крестьянской школы был призван стать не только «хранилищем ценностей старины, искусства, но и рассадником знаний о родном крае». В Музее природы и истории родного края предполагалось устроить аудитории для чтений и лекций, экспозиционные залы и передвижные выставки, аудитории для народных чтений и лекций, «прекрасно обставленные наглядными пособиями, сами представлявшие собой громадное наглядное пособие»¹².

Коллекции музея собиралась за счет добровольных пожертвований. В собирании краеведческих материалов для музея Высшей крестьянской школы приняли участие учащиеся, учителя, работники кооперации. Вологодские кооператоры обращались ко «всем живым силам» города и деревни с просьбой приносить старинные вещи, случайно найденные в поле, при рытье ям, канав, колодцев, после разлива рек, при размывании оврагов¹³.

Журнал «Северный хозяин» регулярно сообщал о предметах, поступивших в правление ВЦОСХ для Музея Высшей крестьянской школы. Так, до 11 января 1918 г. поступили следующие пожертвования: кусок известняка с ископаемыми остатками из Тотемского уезда, четыре серебряные монеты (одна румынская и одна австрийская, две старинных русских монеты); 12 медных монет; книга «Четырнадцать» старинной печати; повойник из Тотемского уезда.

Иногда в журнале сообщались имена дарителей. Так, А. В. Камкина подарила старинное серебряное кольцо. С. И. Суховский передал музею три старинные русские медные монеты, одну старинную русскую серебряную монету, одну китайскую монету, бронзовую медаль, парчовый полушубок Архангельской губернии, юбилейный романовский рубль. Работник ВЦОСХ А. И. Швецов передал старинный серебряный рубль. В период

⁹ Николаев А. А. Музей и кооперация // Общее дело. 1919. № 5–8. С. 17.

¹⁰ Кильчевский В. А. Общественно-кооперативная школа. Ярославль, 1918. С. 11.

¹¹ Северный хозяин. 1917. № 4. С. 5.

¹² Там же. 1919. № 11. С. 24.

¹³ Там же. № 2–3. С. 15.

с 11 по 27 января от С. И. Суховского поступили еще 24 старинные медные монеты. Другие дарители принесли две старинные медные монеты и «брюшные околеники» (из деревни Жаровиха Шонско-Николаевской волости Никольского уезда)¹⁴.

В Музей Высшей крестьянской школы были переданы предметы, связанные с общественно-политическим движением в крае: знамя Богородского отдела Союза русского народа Вологодского уезда, две пары ручных кандалов, оставленных в дар правлению ВЦОСХ политическими каторжанами, освобожденными Февральской революцией 1917 г. Вологодским издательством «Знание и борьба» был передан комплект газеты «Вольный голос Севера» за 1917 г. Также были переданы издания XIX в. — журнал «Колокол» (1860, № 76) и «Под суд» (1860, № 5)¹⁵.

С 28 января по 21 февраля 1918 г. в Музей Высшей крестьянской школы поступили предметы, конфискованные в дворянских имениях. Среди них были портрет неизвестной из помещиц усадьбы Грязовецкого уезда; старинная картина, на ней была изображена женщина с черепом; старинная тетрадь со стихами; боярский кокошник; старинная тетрадь с хозяйственными записями; рукописная тетрадь, датированная 1822 г.; рукописная книга религиозного содержания. Также музею были переданы предметы крестьянского быта: молотило, кичига для околачивания льна, десять манерников для окраски тканей. От крестьянки деревни Марьинской Новленской волости Вологодского уезда поступил медный нательный крест¹⁶. В дальнейшем сбор экспонатов продолжался, а в 1920-е годы коллекции предметов, собранных Музеем Высшей крестьянской школы, были переданы Вологодскому краеведческому музею.

Музеи родного края были открыты при сельских кооперативах. В 1918 г. в Никольском уезде Северо-Двинской губернии Музей родиноведения создало Вознесенско-Вохомское культурно-просветительное сельскохозяйственное общество. В музее были оборудованы естественноисторический, медицинский, географический, технический, сельскохозяйственный отделы. Коллекции Музея родиноведения частично были составлены из экспонатов, полученных из Никольского земского музея, некоторые экспонаты были собраны членами общества. Посещаемость музея зависела от сезона: летом в музей приходило 5–10 человек ежедневно, а зимой — уже 15–20 человек в день. Для детей проводились музейные экскурсии по природе и истории Никольского уезда¹⁷.

Кооператоры России выступали в поддержку как краеведческих, так и кооперативных выставок и музеев, поскольку они являлись одной из форм кооперативного просвещения¹⁸. На Всероссийском кооперативном съезде (Киев, 1–7 августа 1913 г.) от делегатов поступило предложение об открытии музея по кооперации, созданного самими кооперативными учреждениями. Предполагалось, что музей будет открыт при Кооперативном институте и предназначен «для лиц, специально работающих в области теории и практики кооперативного дела», с целью «облегчить их труд путем организации специальной библиотеки, подбора и систематизации уставов, диаграмм, отчетов, диапозитивов и иных материалов, касающихся кооперации, а также путем учреждения премий за выдающиеся труды»¹⁹.

¹⁴ Северный хозяин. 1918. № 2. С. 25.

¹⁵ Там же. № 3–4. С. 26.

¹⁶ Там же. № 5. С. 22.

¹⁷ Там же. № 19. С. 12.

¹⁸ Просвещение и кооперация. 1918. № 2. С. 51.

¹⁹ Анциферов А. Н. Кооперативный институт и музей. Харьков, 1914. С. 14.

В Западной Европе уже имелся опыт создания музея, посвященного общественным движениям. Таким был, например, Социальный музей в Париже. На Социальный музей как «новое и оригинальное учреждение» были возложены задачи «сбирать и представлять безвозмездно в распоряжение публики материалы, планы и уставы, относящиеся к социальным учреждениям разного рода, имеющим цель поднятие духовного и материального благосостояния рабочих». При Социальном музее была создана библиотека, там устраивались лекции и занятия. Также при музее было образовано семь секций, в том числе секция рабочих и кооперативных ассоциаций. Социальный музей проводил анкетирование и различные социологические исследования, в 1895 г. послал своих представителей на Лондонский кооперативный конгресс²⁰.

В России после Февральской революции 1917 г. среди кооператоров усилилось движение за организацию кооперативных музеев или кооперативных отделов в краеведческих музеях. Они считали, что кооперация приобрела в народно-хозяйственной жизни большое значение, поэтому «создание таких музеев, открытых и интересных для самой широкой публики, является весьма желательным во всех культурных центрах». К примеру, для пропаганды кооперативного дела музей кооперации собирался создать Тверской союз кооперативов. Совет Приуральских кооперативных съездов тоже решил основать кооперативный музей²¹.

В Перми в 1918 г. на кооперативных курсах была организована выставка «Частная торговля и потребительская кооперация». Также «во исполнение постановления собрания уполномоченных союза потребительских обществ Пермского союза» в Пермском музее был открыт отдел кооперации. Как сообщалось в кооперативной печати, «культурно-просветительная комиссия этого союза уже получила помещение в музее и приступила к устройству кооперативного отдела. Пока размещены всякого рода плакаты, литература, кооперативные журналы. В скором времени будет организован подотдел „Образцы кооперативного производства“»²².

В 1918 г. Вологодское центральное общество сельского хозяйства (ВЦОСХ) предполагало оборудовать при своем культурно-просветительном отделе выставку-музей, показывающую развитие внешкольного образования и культурно-просветительной работы кооперации в Вологодской губернии. Руководители ВЦОСХ обратились ко всем кооперативным организациям и культурно-просветительным обществам с просьбой присылать отчеты, анкеты, диаграммы, сметы, программы лекций, чтений, каталоги библиотек, а также фотографии, рисунки, планы и прочие материалы, характеризующие их культурно-просветительную деятельность. Правление ВЦОСХ подчеркивало, что «особенно желательно было бы иметь образцы, чертежи или снимки самодельных декораций, бутафории, наглядных пособий и других предметов творчества местных сил при организации спектаклей, чтений, библиотек и прочих просветительных мероприятий»²³.

Отдел наглядных пособий ВЦОСХ предложил создать центральный музей кооперации и экономики северного края с сетью мелких музеев. Предполагалось летом 1919 г. изготовить диапозитивы по сельскому хозяйству и кооперации, одновременно проводить работу по собиранию материалов о местных кооперативах²⁴. Создание при отделе

²⁰ Озеров И. Х. Социальный музей в Париже. СПб., 1898. С. 1, 5.

²¹ Просвещение и кооперация. 1918. № 2. С. 48, 49.

²² Товарищеское дело. 1917. № 1. С. 13.

²³ Вольный голос Севера. 1918. 9 апреля. С. 3.

²⁴ Северный хозяин. 1919. № 2–3. С. 15.

наглядных пособий учреждения музейного типа позволяло обществу «шире развернуть свою культурно-просветительную работу, сосредоточить около музея не только учебные, но и исследовательские силы». Будущий музей должен был «выявить всю жизнь края, охватив, главным образом, экономический базис населения», через кооперацию «указывать новые пути к поднятию благосостояния этого края»²⁵, но этот проект вологодских кооператоров не был реализован.

Вопрос о создании кооперативного музея Олонецкого края подробно рассматривался 9 ноября 1919 г. на совещании неторговых отделов Олонецкого губернского кредитно-производительного союза и Петрозаводского уездного союза кооперативных товариществ. Участники совещания единогласно решили приступить в самом ближайшем будущем к организации кооперативного музея, а также признали целесообразным «иметь при местном музее Олонецкого губернского отдела народного образования особый уголок олонечкой кооперации и содействовать его устройству»²⁶.

Инструктору неторгового отдела Петрозаводского союза кооперативных товариществ Т. В. Бунякину поручалось разработать план создания местного кооперативного музея. Другим инструкторам были даны задания по сбору соответствующего материала для музея. Спустя некоторое время в неторговый отдел Петрозаводского союза поступило письмо Т. В. Бунякаина: «Согласно постановлению инструкторской коллегии, мне было поручено разработать вопрос об устройстве при союзе кооперативного музея. Обсудив этот вопрос с заведующим неторговым отделом В. И. Крыловым, вместо того, чтобы создавать музей в помещении конторы Петрозаводского союза, для чего соответственно требуется оборудовать это помещение, предложено просить администрацию городского музея отвести в здании музея помещение для отдела музея под названием „Уголок местной кооперации“ (или иначе). Удобнее это не только по материальным соображениям, но и потому еще, что союз не имеет пока собственного здания, а переносить музей в случае перехода на другую квартиру — большое дело, сопряженное с большими хлопотами и издержками. Безопаснее это и в пожарном отношении. Для детального обсуждения поднятого вопроса я полагаю бы выступить с докладом об учреждении музея на ближайшем собрании уполномоченных»²⁷.

Инструктор Петрозаводского союза кооперативных товариществ Т. В. Бунякин разработал проект Положения о музее под названием «Уголок местной кооперации» и 8 ноября 1919 г. представил его неторговому отделу союза на рассмотрение. По проекту инструктора Т. В. Бунякаина «Уголок местной кооперации» учреждался при неторговом отделе Петрозаводского союза кооперативов. Для руководства музеем избирался Комитет музея, который состоял из представителей (по одному от всех организаций, принимавших материальное участие в создании и развитии музея).

Цели музея «Уголок местной кооперации» состояли в том, чтобы «углубить интерес к кооперативному движению; служить пропаганде кооперативных идей, знаний и кооперативных принципов (особенно); служить пособием для кооперативных курсов; служить собирателем кооперативного творчества в Петрозаводском уезде»²⁸.

В будущем музее предполагать выделить бытовой, учебный, культурно-просветительный, кооперативный и краеведческий отделы. В кооперативном отделе должна была

²⁵ Северный хозяин. 1919. № 11. С. 24.

²⁶ Олонецкий кооператор. 1919. № 15–16. С. 34.

²⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3/52. Л. 57.

²⁸ Там же. Л. 69.

отражаться торговая, производственная, издательская, культурно-просветительная деятельность кооперативов Петрозаводского уезда и Олонецкой губернии. При музее планировалось организовать кооперативную библиотеку и информационный отдел по кооперации и смежным с ней областям (производственной, продовольственной). Информационному отделу поручалось собирать сведения о кооперативном движении; издавать плакаты, каталоги, книги; проводить лекции в музее; организовывать «выставки кооперативного производства и других проявлений хозяйственной деятельности кооперативов, а также выставки по неторговой деятельности».

В число музейных экспонатов входили коллекции снимков, фотографии кооперативных деятелей, учредителей кооперативов Олонецкой губернии; альбомы с вырезками из газет; серии диапозитивов; модели; диаграммы, отражающие состояние сельского хозяйства, охоты, рыболовства, кустарных промыслов; картограммы, схемы, «рисующие историческое развитие кооперативного движения и современное состояние кооперации как на Западе, так и в России»²⁹.

В силу разных причин музейный проект олонецких кооператоров не был воплощен в жизнь, но в последующие годы экспонаты, касающиеся кооперативного движения в крае, прежде всего, кустарно-промысловой кооперации, были представлены в Карельском краеведческом музее.

В других губерниях проекты создания музеев истории кооперативного движения не только разрабатывались, но и претворялись в жизнь. Летом 1919 г. Ярославский кредитный союз кооперативов приступил к работе по организации в Ярославле кооперативного музея, который должен был «собрать самые разнообразные предметы, характеризующие кооперативную жизнь и деятельность района, начиная со снимков и моделей разных кооперативных учреждений и кончая произведениями кооперативных организаций». К разработке плана кооперативного музея были привлечены кооператоры Ярославля, в самом союзе работа по созданию музея была возложена на его культурно-просветительный отдел³⁰.

В 1920 г. Воронежский союз потребительных обществ приступил к созданию музея потребительской кооперации. При союзе была создана музейная комиссия. На организацию и содержание музея музейной комиссией союзом был выдан аванс в 100 тыс. руб.³¹ В 1923 г. в Харькове был открыт кооперативный музей. В нем были оборудованы историко-организационный, сельскохозяйственный, кустарный отделы, отдел экспортного сырья. В историко-организационном отделе нашли полное отражение кооперация и ее организационное строительство, начиная с 1865 г., когда было создано первое в России ссудо-сберегательное товарищество³².

В Петрограде кооперативный музей был создан при активном участии таких крупных кооперативных организаций, как Трудсоюз и Оптосоюз (Общество оптовых закупок). Впервые идея о создании кооперативного музея возникла в 1919 г., когда исполнительное бюро при Совете кооперативных съездов Северной области выступило с обращением ко всем кооперативным союзам о создании Общества Музея северной кооперации и о вступлении в него в качестве члена. Кооперативные союзы Европейского Севера выступили с поддержкой музейного проекта кооператоров Петрограда. Так, совещание инструкторов

²⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3/52. Л. 70–71.

³⁰ Северный хозяин. 1919. № 27. С. 22–23.

³¹ Северное хозяйство. 1920. № 1–4. С. 27.

³² Кооперация Севера. 1923. № 22. С. 46; 1924. № 1–2. С. 66.

Вельского союза кооперативов 9 августа 1919 г. признало необходимым вступление Вельского союза в члены Общества Музея северной кооперации³³.

Музей северной кооперации был создан в 1919 г. при Совете кооперативных съездов Северной области и Кооперативном институте в Петрограде. Музей преследовал научные, просветительные и практические цели. В музее хранился архив Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. В 1923 г., когда Кооперативный институт вошел в состав Института народного хозяйства, туда же был перенесен и музей. В 1926 г. в музее насчитывалось 522 экспоната. Экспозиция была разделена по видам кооперации, где была представлена лишь история кооперации России, но уже была свернута экспозиция, повествующая о кредитной кооперации, мало экспонировалось материалов по кооперации 1920-х годов, отсутствовала экспозиция по западноевропейской кооперации³⁴.

В России как аграрной стране особенно важно было иметь музеи по земледелию, в которых «как можно полнее, яснее и нагляднее» должны были быть представлены «успехи этого дела под влиянием научного знания, распространяемого среди сельского населения». Общественный деятель Н. Я. Данилевский выражал надежду, что музей по земледелию вместе с опытными полями и показательными фермами «сумеет через толстую броню косности, недоверия и невежества внести в сознание хлебороба доверие к научному знанию». Даже в том случае если эта цель не будет достигнута скоро, тем не менее, был гарантирован «такой моральный успех», который «будет иметь несравненно большее значение для всей жизни, для всего народного хозяйства и просвещения, чем передача целой массы фактических сведений»³⁵.

Музеи сельского хозяйства можно было открыть в Народных домах. Среди музейных экспонатов желательным было иметь образцы сортовых и несортовых семян, гербарии; коллекции растений, показывающие влияние почвы, погоды, минеральных удобрений; модели машин, плакаты о пользе удобрений и очистке семян, способах обработки почвы. Предлагалось демонстрировать лучшие образцы товарной продукции сельского хозяйства, а также образцы порченных продуктов и фальсификаты. Товары и сведения по коммерческой географии представляли большой интерес для жителей городов и торговых сел.

Сельскохозяйственная выставка, проводившаяся в Вологодском уезде в селе Прилуки в 1918 г. с участием Вологодского центрального общества сельского хозяйства (ВЦОСХ), показала необходимость организации сельскохозяйственного музея со стационарной и передвижной выставкой, экспонаты которой можно было бы использовать при чтении отдельных лекций по сельскому хозяйству. Такой музей, особенно если он обладал богатым подбором экспонатов, инструментов, приборов, препаратов, картин, карт, естественнонаучных коллекций, был полезен для проведения курсов по сельскому хозяйству. Создание музея сельского хозяйства имело значение и для населения, он давал возможность сравнить результаты своего хозяйства с образцовыми экспонатами опытных полей и участков своей волости и других мест. Агрономы ВЦОСХ надеялись, что музей «вызовет желание достичь лучших результатов и стремление найти пути к этому улучшению»³⁶.

³³ Северный хозяин. 1919. № 31–32. С. 27; № 33–34. С. 17.

³⁴ Щегло М. Музей кооперации // Кооперативное строительство. 1927. № 3–4. С. 32.

³⁵ Данилевский Н. Я. Задачи и общественное значение Народных домов // Народные дома как культурно-просветительные центры. Харьков, 1918. С. 60.

³⁶ Государственный архив Вологодской области. Ф. 653. Оп. 3. Д. 135. Л. 27.

В инструкторском отделе ВЦОСХ был составлен список наглядных пособий для музея и передвижной выставки сельского хозяйства. На выставке планировалось показать модели и настоящие орудия, образцы семян, растений, почв, удобрений. Все экспонаты были распределены по отделам полеводства, животноводства, луговодства, льноводства, садоводства, пчеловодства, усадебного хозяйства. Предполагалось оборудовать отдел вредителей сельского хозяйства.

В отделе усадебного хозяйства предлагалось поместить модель дома с двором для скота; модели зерносушилки и телеги, модели молотильного сарая, амбара, погреба, модель упряжи (обыкновенной крестьянской и улучшенной). В отделе полеводства должны были находиться образцы почв, коллекции плохих и хороших семян, модели орудий труда, снопы полевых культур (рожь, овес, ячмень, пшеница), образцы корнеплодов и культурных трав, коллекции минеральных удобрений.

В отделе животноводства планировалось разместить как подлинные предметы (цепи для привязки коров на дворе и на выгоне), так и разборные модели коровы и лошади, рисунки пород скота. В северных районах с развитым молочным животноводством большое внимание уделялось правильному кормлению скота, поэтому в отделе присутствовали коллекции кормов и весы для взвешивания кормов.

В отделе луговодства крестьяне могли увидеть образцы почв пустошных и болотных почв; гербарии растений естественных лугов; модели орудий (луговой нож, кочкорез, косилка, конные грабли, сеноворошилка); настоящие инструменты (мотыги, лопаты, грабли, лейки, кирки). Отдел луговодства должен был убедить сельских хозяев в пользу мелиорации заболоченных земель³⁷. Однако Вологодское центральное общество сельского хозяйства не смогло приступить к организации сельскохозяйственного музея в связи с тем, что осенью 1919 г. оно было ликвидировано. В это же время деятель промысловой кооперации В. Тиханов предложил создать в Вологде музей народного творчества. Этот музей должен был стать собирателем и хранителем художественных ценностей, изделий народных промыслов северного края. В. Тиханов призывал «напрячь все свои силы для того, чтобы собрать как можно большее количество произведений народного искусства из всех его областей», так как переживаемая эпоха, безусловно, была «временем перелома бытового уклада населения, когда все остатки прошлого обихода так легко гибнут и отмирают»³⁸.

Идея создания музея народного творчества в Вологде нашла поддержку со стороны кооперативных организаций Вологодской губернии. Те могли придти на помощь музею «не только своими средствами, но и, что еще ценнее, своим знанием населения, отысканием в его среде художественных ценностей»³⁹. Для вологодских кооператоров вопрос об организации музея народного творчества был чрезвычайно важным. Они, не теряя времени, обратились к кооперативам с просьбой оказать содействие собиранию таких предметов в музей, как старинная одежда, вышивки, кружево, резные изделия из рога и дерева.

Для реализации просветительных и воспитательных задач музея все музейные предметы предлагалось сделать доступными для всеобщего обозрения, но «предметы особенно редкие, требующие особенно бережного хранения, должны были быть воспроизведены с возможной точностью», и на выставках экспонировались бы только их копии⁴⁰.

³⁷ Государственный архив Вологодской области. Ф. 653. Оп. 3. Д. 135. Л. 28.

³⁸ Тиханов В. Заметки о музее народного искусства в г. Вологде и его задачи // Северный хозяин. 1919. № 11. С. 7, 8.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Там же.

Музей народного творчества мог стать центром развития кустарных промыслов и ремесел, а музейные экспонаты — служить наглядным пособием при проведении кооперативных кустарных курсов. Коллекции вологодского кружева можно было использовать при подготовке кружевниц. Вологодские мастерицы, производившие кружевные изделия на рынок, придумывали множество узоров, причем ни одно изделие не походило по рисунку на другое. Между тем рынок требовал не единичных экземпляров, а целые партии однородного по рисунку и качеству товара. При этом узоры должны были быть местные, а не скопированные с фабричных или зарубежных изделий. Вот тут-то музей и должен был выбрать «самобытный вологодский орнамент, может быть, даже улучшить рисунок и очистить его от всего наносного, подобрать ассортимент изделий, и передать организации, занимающейся сбытом кружева»⁴¹.

После закрытия осенью 1919 г. Вологодского центрального общества сельского хозяйства его преемником стал Союз союзов кооперативов северного края (Северосоюз), позднее — Вологодский губернский союз, при котором было создано кустарно-промысловое кружевное отделение, которое и занималось сбытом кружевных изделий. В 1920 г. кустарно-промысловая кооперация была объединена с потребительской кооперацией. Кружевное отделение вошло в Вологодский союз потребительских обществ как губернская промысловая секция (губпромсекция).

Для пополнения изделиями народных промыслов будущего музея Северосоюз приобрел коллекцию известного собирателя старинных изделий из текстиля К. Д. Далматова. В этой коллекции находились образцы кружев, вышивки, ткачества Архангельской, Вологодской, Костромской, Олонецкой, Рязанской, Смоленской, Черниговской, Ярославской губерний и восточной Польши. На средства кооперации проводились экспедиции и поездки по Вологодской губернии с целью приобретения старинных кружевных изделий. К 1 января 1921 г. Северосоюз предполагал открыть в Вологде Музей кружевного промысла, проводить передвижные выставки кружевных изделий⁴², но воплотить в жизнь данный проект не удалось.

В Вологде Музей вологодского кружева был открыт только в ноябре 2010 г. В его экспозиции представлены кружевные изделия, в том числе работы 1920 г. — шелковый кружевной коврик с надписью «Северосоюз», причем эта надпись отделана граненым стеклом, и кружевные, сплетенные из льняных нитей портьеры с вышитой надписью «Губпромсекция».

Подводя итог, можно сказать, что музейное дело стало частью культурно-просветительской работы северной кооперации. Кооператоры, поддерживая краеведческое движение, принимали активное участие в формировании коллекций музеев родного края, оказывали им материальную помощь. Кооперативные деятели не только участвовали в организации краеведческих музеев, но и разрабатывали музейные проекты по созданию общих и специальных музеев сельского хозяйства, кустарных промыслов и истории кооперации. Некоторые из них удалось воплотить в жизнь, но многие музейные проекты не были реализованы в связи с трудностями военного времени.

Информация о статье

Автор: Дианова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, elena-dianowa@yandex.ru.

⁴¹ Тиханов В. Заметки о музее... С. 9.

⁴² Северное хозяйство. 1920. № 37–38. С. 16–17.

Заглавие: Музейные проекты кооператоров Европейского Севера (первая четверть XX века).

Абстракт: В данной статье освещаются музейные проекты кооператоров Европейского Севера первой четверти XX в. Музейное дело рассматривалось ими как важная составная часть культурно-просветительной работы кооперации. На Европейском Севере кооператоры вместе с краеведами разрабатывали проекты по созданию краеведческих, кооперативных, кустарных и сельскохозяйственных музеев. Они составляли списки музейных предметов, участвовали в сборе экспонатов для будущих музеев, оказывали материальную поддержку в создании музеев родного края, музеев сельского хозяйства, музеев кустарных промыслов и музеев истории кооперации. Некоторые из музейных проектов кооператорам удалось воплотить в жизнь, но многие из них не были реализованы по причинам объективного характера.

Ключевые слова: кооперация, музейные проекты, краеведческие, кооперативные, кустарно-промысловые и сельскохозяйственные музеи и выставки.

Information on article

Author: Dianova Elena Vasilyevna—PhD in History, Associate Professor, Petrozavodsk state university, Petrozavodsk, Russia, elena-dianowa@yandex.ru.

Title: Museum projects of cooperators of the European North (first quarter of the 20th century).

Abstract: This article highlights the museum projects of cooperators of the European North of the first quarter of the 20th century. Museum case was considered by them as an important component of cultural and educational work of cooperation. In the European North cooperators together with local historians developed projects on creating the local history, cooperative, handicraft and agricultural museums. They made lists of museum objects, participated in collecting exhibits for future museums, gave material support to the creation of the museums of the native land, the museums of agricultural industry, the museums of domestic industries and the museums of history of cooperation. Cooperators managed to realize some of museum projects, but many of them weren't realized for objective reasons.

Keywords: museum projects, local history, cooperative, cottage industry and agricultural museums and exhibitions.

УДК 721.01.069.2(476)

С. В. Кулинок

ИСТОРИЯ МУЗЕЕВ БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

В целях централизации хранения и широкого использования научно-технической документации Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 мая 1968 г. № 164 был организован Центральный государственный архив научно-технической документации, переименованный в мае 1993 г. в Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). Архив хранит документы Национального архивного фонда Республики Беларусь, содержащие ретроспективную информацию по истории развития науки, техники и культуры. В настоящее время архив включает 299 фондов и более 200 тысяч единиц хранения.

Значительный объем хранящихся в архиве документов посвящен истории проектирования, строительства и реставрации музеев на территории Беларуси. Основная часть документов представлена в фондах крупных проектных организаций, являющихся источниками комплектования БГАНТД. В первую очередь это фонд № 3 «Белгоспроект» (далее — Белгоспроект; сейчас — РУП «Ордена Трудового Красного Знамени „Институт Белгоспроект“») и № 10 «Минскпроект» (далее — Минскпроект; сейчас — УП «МИНСК-ПРОЕКТ»).

Белорусский государственный проектный институт (Белгоспроект) был образован Постановлением СНК БССР № 210 от 25 февраля 1933 г. На протяжении всего ее существования в этой организации работали и творили лучшие кадры архитекторов страны. Работниками Белгоспроекта проектировались и создавались крупнейшие музеи на территории Беларуси. Полностью представлен проект Картинной галереи по ул. Ленина в городе Минске (главный архитектор проекта М. Бакланов; сейчас — Национальный художественный музей Республики Беларусь), построенный в 1965 г.¹ В пояснительной записке к техническому заданию указывалось, что «при проектировании Государственной картинной галереи было найдено такое архитектурно-композиционное решение, которое дало возможность градостроительно решить задачу застройки данного отрезка и добиться цельного архитектурного решения в объемной композиции всей застройки... Здание главным фасадом ориентировано в сторону ул. Ленина. Вход в здание занимает самое наивыгодное положение и подчеркнут лоджией... В группу экспозиционно-выставочную включаются помещения следующих отделов: 1) Отдел экспозиции художественных произведений советских художников; 2) Отдел экспозиции художественных произведений русских классиков; 3) Отдел экспозиции западноевропейских классиков; 4) Отдел периодической выставки скульптуры, живописи и других видов искусства»².

¹ Белорусский государственный архив научно-технической документации (далее — БГАНТД). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1213–1225.

² БГАНТД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1214. Л. 6, 11–12.

Еще одним значимым проектом является строительство здания Музея Янки Купалы в парке 30-летия БССР в городе Минске (авторы проекта—В. Волчек и И. Володько; сейчас—Государственный литературный музей Янки Купалы). В состав проекта входит 6 единиц хранения³. В проектном задании отмечалось, что «здание музея... построено в парке 30-летия БССР в угловой его части... на месте, где был дом, в котором жил и работал поэт... Здание музея должно быть запроектировано в простых архитектурных формах, в деталях отображать искусство белорусского народа и соответствовать своему назначению. Так как сооружение размещается в парке и открыто со всех сторон, то кроме главного фасада должно быть уделено соответствующее внимание и остальным фасадам». На втором этаже здания для экспозиций предполагалось выделить 10 помещений, которые отражали основной творческий путь поэта в хронологической последовательности⁴.

Илл. 1. Литературный музей им. Янки Купалы в Минске

Илл. 2. Архитектор В. М. Волчек

Интерес для исследователей представляет проектная документация по истории создания филиала Музея Я. Коласа в деревне Николаевщина (архитектор—И. Бачилов)⁵. Музей создавался на Родине писателя. Участок для строительства располагался на хуторе Смольня, где в 1905–1913 гг. жил Якуб Колас. Общая кубатура здания—703,4 м³. На первом этаже располагались: экспозиционные комнаты, служебная комната и котельная; на втором—фондохранилище и комнаты для приезжих. «С участка музея предусматривается выход к реке Неман, на берегу которой будет находиться видовая площадка... Участок музея благоустраивается с сохранением существующих деревьев и кустарника... Внутри участка устраиваются клумба и газоны. Все проезды и пешеходные дорожки покрываются песчано-щебеночным покрытием»⁶.

Большую ценность имеют документы по истории проектирования «первого в СССР мемориального музея, посвященного памяти крупнейшего деятеля большевистской партии» Ф. Э. Дзержинского в г. Ивенце (архитектор—И. Елисеев)⁷. Создание такого музея, как было отмечено в плановом задании, «накладывает на проектировщика и строителя

³ БГАНТД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1614–1619.

⁴ Там же. Д. 1615. Л. 4–5, 11.

⁵ Там же. Д. 1649–1651; Ф. 3. Оп. 3. Д. 2469–2475.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 2469. Л. 9–11.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2721–2722.

здания особую ответственность за качество проектирования и строительства этого памятника». Предполагалось создание 5-ти экспозиционных залов: «детские и юношеские годы, революционная деятельность до февраля 1917 г.; Дзержинский в период подготовки и проведения Октябрьской революции; Дзержинский в период иностранной военной интервенции и гражданской войны; Дзержинский в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства и борьбы за социалистическую индустриализацию страны; заключительный зал (с траурной нишей)»⁸. Среди других важных объектов, отложившихся в документах фонда организации Белгоспроект, необходимо отметить: Историко-краеведческий музей на Центральной площади в г. Минске (бывшее здание Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны)⁹; проект реконструкции здания Государственного художественного музея БССР¹⁰; Дом-музей 1-го съезда РСДРП в г. Минске¹¹ (часть документов по истории этого музея находится в фонде № 10 «Минскпроект») ¹².

Научный интерес представляют документы нереализованных проектов: филиалы Музея истории Великой Отечественной войны в деревнях Тростенец, Уручье и в Масюковщине (микрорайон Минска)¹³. В соответствии с постановлением Совета Министров БССР № 248 от 8 апреля 1959 г. «О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг. и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР» исполнительный комитет Минского районного совета депутатов трудящихся решил: «отвести участки земель под строительство зданий филиалов Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны из следующих землепользований района:

- А) из земель совхоза „Рассвет“ в районе д. Тростенец при шоссе 0,2 га пашни;
- Б) из земель колхоза „Советская Белоруссия“ при поселке Глинище—0,2 га леса;
- В) из земель военведа Уручье при шоссе Минск—Москва—0,3 га»¹⁴.

В пояснительной записке к проектному заданию музея в деревне Тростенец (архитектор — В. Волчек) указывалось, что «здание филиала музея является элементом мемориального ансамбля братского кладбища в деревне Тростенец, где похоронены советские воины и партизаны, замученные и расстрелянные фашистами... По своему характеру проектируемое здание должно быть памятником и по внешнему виду выражать героическое сопротивление советского народа фашизму... В архитектуре здания филиала музея найти образ, правильно отражающий в простых, ясных формах назначение сооружения. Общая стоимость строительства не должна превышать 200 тысяч рублей»¹⁵. К сожалению, реализовать задуманные проекты не удалось.

В память сотен белорусских деревень, уничтоженных нацистами в годы Великой Отечественной войны и огромного вклада белорусского народа, принесшего неисчислимые жертвы во имя победы, в январе 1966 г. ЦК КПБ принял решение о создании в Логойском районе мемориального комплекса «Хатынь». В марте 1967 г. был объявлен

⁸ БГАНТД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2722. Л. 1–2, 6.

⁹ Там же. Д. 1973–1986, 2269–2271.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 2487–2499.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 1228–1236.

¹² Там же.. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1120–1128.

¹³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1712–1717.

¹⁴ Там же. Д. 1713. Л. 11.

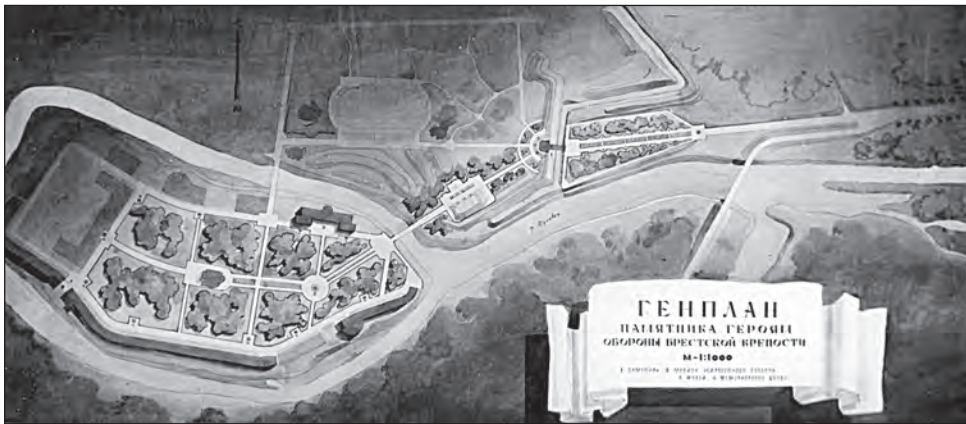
¹⁵ Там же. Л. 7–10.

Илл. 3. Проект здания филиала Музея Великой Отечественной войны в д. Тростенец (нереализованный)

конкурс на создание проекта мемориала. В конкурсе победил коллектив архитекторов: Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор народный художник БССР С. Селиханов. В фонде проектного института «Минскпроект» хранится полный состав проектной документации по созданию «Мемориального комплекса памятника-музея в д. Хатынь Логойского района» (1-я, 2-я и 3-я очередь строительства. Всего—49 единиц хранения)¹⁶.

В фондах БГАНТД хранится значительный объем документов, связанных с подготовкой, проектированием и строительством мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»¹⁷.

Илл. 4. Генплан памятника героям обороны Брестской крепости

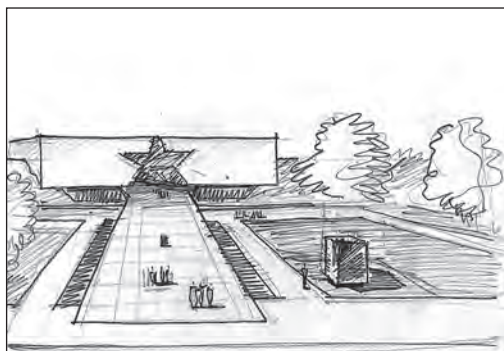
Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии в Постановлении «О праздновании 20-летия освобождения Советской Белоруссии» одобрил предложения о постройке памятника в Брестской крепости за счет средств, собранных народом для этих целей. В банке был открыт специальный счет.

¹⁶ БГАНТД. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2180–2228.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1602–1603; Оп. 3. Д. 162; Ф. 7. Оп. 1. Д. 202–208; Ф. 10. Оп. 3. Д. 395–397; Ф. 91. Оп. 1. Д. 153–185; Ф. 122. Оп. 1. Д. 280–322.

Отмечая исключительные заслуги защитников Брестской крепости перед Родиной и в ознаменование 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 мая 1965 г. присвоил Брестской крепости почетное звание «Крепость-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», которые позже были переданы мемориалу.

Совет Министров БССР Постановлением от 23 июля 1966 г. № 295 утвердил творческую группу и поручил ей выполнить проект памятника защитникам крепости. В состав группы вошли: народный архитектор СССР, лауреат Государственной премии БССР, архитектор-художник В. А. Король; народный художник БССР, лауреат Государственной премии, скульптор А. О. Бембель; лауреат Ленинской премии и премии Ленинского комсомола Белоруссии, архитектор В. П. Занкович; лауреат Государственной премии БССР, художник-архитектор Г. В. Сысоев; скульптор В. Д. Бобыль; архитектор-художник В. М. Волчек; лауреат Государственной премии БССР, архитектор О. А. Стахович; архитектор Ю. И. Казаков. Возглавил творческий коллектив лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР, народный художник СССР, скульптор А. П. Кибальников. В течение 1967–1969 гг. авторский коллектив разработал окончательное решение всего мемориального комплекса, выполнил модели и рабочие чертежи всех сооружений комплекса и его благоустройства. Совет Министров БССР Постановлением от 29 апреля 1967 г. № 139 утвердил проектное задание на строительство мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». В мае 1968 г. были начаты работы по строительству мемориала. В октябре 1969 г. проект мемориала был принят для осуществления.

5а

5б

Илл. 5а–б. Рисунки В. М. Волчека, сделанные в период работы над мемориальным комплексом «Брестская крепость-герой»

Значительную историческую ценность представляют документы, хранящиеся в фонде № 91 «Научно-производственное объединение „Белреставрация“» (сейчас — ООО «Центр по регенерации историко-культурных ландшафтов и территорий»). Эта организация занималась обследованием, ремонтом и реставрацией памятников истории, искусства, архитектуры и археологии. Отложились в фонде и документы по истории музеев: Дом-музей А. В. Суворова в г. Кобрине¹⁸, филиал Литературного музея Я. Купалы в д. Левки Оршанского района¹⁹, Дом-музей Э. Ожешко в г. Гродно²⁰, филиал Литературного музея

¹⁸ БГАНТД. Ф. 91. Оп. 1. Д. 6–7.

¹⁹ Там же. Д. 514–515.

²⁰ Там же. Д. 536.

Я. Коласа в д. Николаевщина Столбцовского района²¹ и здание Могилевского областного краеведческого музея²².

Большая коллекция материалов по истории музеев хранится в фонде № 122 «Мин-скархпроект». Документально представлена реконструкция Ратуши под краеведческий музей и действующую библиотеку в г. Чечерске Гомельской области²³. Большой интерес представляет комплекс Музея-усадьбы И. Е. Репина в д. Здравнево Витебской области (здание музея, беседка, погреб, бассейн)²⁴. Отмечалось, что проектирование «дома-музея И. Е. Репина необходимо выполнить с учетом документальных материалов (рисунков, фотографий, с использованием существующего фундамента дома).

Интересные документы касаются проекта реставрации усадьбы Ф. Богушевича в д. Кушлианы²⁵. В пояснительной записке указывалось, что «проект предусматривает реконструкцию бывшей усадьбы Ф. Богушевича и создание историко-литературного музея писателя... Реконструкция ставит целью возвращение усадьбе ее первоначального вида с ориентацией на то состояние, в котором она находилась на конец 1890-х гг. В основу проектного задания положены натурные исследования, историко-архивные сведения (рисунки и фотографии), а также воспоминания внучки поэта Станиславы Томашевской, память которой сохранила много знаменательных фактов...»²⁶.

Среди других проектов отметим: «Благоустройство парка и реставрация с реконструкцией здания бывшего костела в д. Погородно Вороновского района Гродненской области под музей»²⁷; «Районный краеведческий музей в г. Костюковичи Могилевской области»²⁸; «Комплексный капитальный ремонт здания краеведческого музея в г. Мозыре»²⁹; «Реконструкция дома по ул. Ленинской, 96 в г. Несвиже под Краеведческий музей»³⁰.

Отдельную группу документов по истории музеев на территории Беларуси составляют изобразительные материалы (фотографии, эскизные проекты и др.). Наиболее интересными представляются фотографии: «Музей им. В. И. Ленина» (нереализован)³¹, «Государственный художественный музей» (эскизные проекты, перспектива, фасад, интерьеры, залы)³²; «Литературный музей Я. Колоса»³³; «Музей им. Я. Купалы»³⁴; «Музей истории Великой Отечественной войны»³⁵; «Музей истории белорусского кино в здании по ул. Свердлова» (вестибюль, экспозиции, планы и фасады)³⁶; «Музей в колхозе „Рассвет“ им. К. Орловского»³⁷.

Подводя итог, отметим: фонды Белорусского государственного архива научно-технической документации содержат значительный объем документов по истории музеев на

²¹ БГАНТД. Ф. 91. Оп. 1. Д. 546–548.

²² Там же. Д. 583.

²³ Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 172–175.

²⁴ Там же. Д. 176–192.

²⁵ Там же. Д. 820–834.

²⁶ Там же. Д. 820. Л. 5, 17.

²⁷ Там же. Д. 222–227.

²⁸ Там же. Д. 1544–1557.

²⁹ Там же. Д. 1592–1608.

³⁰ Там же. Д. 1705–1738.

³¹ Там же. Ф. 188. Оп. 2. Д. 26.

³² Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1–3; Ф. 188. Оп. 2. Д. 57.

³³ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1, 39.

³⁴ Там же. Ф. 81. Оп. 2. Д. 11.; Ф. 221. Оп. 1. Д. 2.

³⁵ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 46.

³⁶ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 57.

³⁷ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 17, 70.

территории Беларуси. В первую очередь они отражают вопросы проектирования, строительства, реконструкции зданий музеев. Для изучения истории музейного дела интересными представляются также и документы, связанные с нереализованными проектами.

Информация о статье

Автор: Кулинок Святослав Валентинович — кандидат исторических наук, заведующий отделом, Белорусский государственный архив научно-технической документации, Минск, Республика Беларусь, svkulinok@tut.by.

Заглавие: История музеев Беларуси в отражении документов Белорусского государственного архива научно-технической документации.

Абстракт: В статье рассматривается комплекс документов Белорусского государственного архива научно-технической документации, связанных с историей музеев на территории Беларуси. Автор показывает видовое разнообразие научно-технической документации, ее информативный потенциал и значимость для проведения исследований по изучению истории создания и строительства музеев. В статье приводятся материалы как по реализованным, так и по нереализованным проектам постройки музеев. Данный обзор документов будет полезен для исследователей, занимающихся изучением истории музеев и музейного дела, а также для всех интересующихся данной темой.

Ключевые слова: Белорусский государственный архив научно-технической документации, музей, проектная документация, архитектура.

Information on article

Author: Kulinok Svyatoslav Valentinovich — PhD in History, Head of Department, Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation, Minsk, The Republic of Belarus, svkulinok@tut.by.

Title: History of Belarusian museums in reflection of documents of Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation.

Abstract: The article deals with the complex of documents of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation relating to the history of museums on the territory of Belarus. The author shows the diversity of scientific and technical documentation, its informative potential and importance for research into the history and construction of museums. This article covers both realized and unrealized projects of the construction of museums. This review of documents will be useful for researchers who study the history of museums and museum management, as well as for anyone interested in the topic.

Keywords: Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation, museum, design documentation, architecture.

ШКОЛЬНЫЕ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МУЗЕИ

УДК 069(091):002 (06)

О. Б. Вахромеева

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ В СПбГУ КАК ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ О БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ

В 1974 г. архивные фонды Музея истории ЛГУ пополнились необычным собранием — фондом «Высших женских курсов». Основные материалы по истории первого женского университета в дореволюционной России с 1918 г. были сосредоточены в ЦГИА СПб (Фонд Петроградских Высших женских курсов, № 113), поэтому музейный фонд «ВЖК» послужил важным дополнением к имеющемуся государственному архивному собранию; кроме того, он обладал рядом уникальных особенностей: собирался на протяжении нескольких десятилетий руками самих выпускниц Бестужевских курсов (1878–1918) и представлял собой результат их объединенной деятельности по нескольким направлениям (издательскому, архивному, культурно-бытовому).

Накануне 80-летнего юбилея Бестужевских курсов (1878–1958) несколько десятков бывших курсисток (женщин, средний возраст которых составлял около 70 лет), объединенных в общественные организации в Ленинграде и Москве, приступили к кропотливой работе по написанию истории первого женского университета в России. «Сохраняя и изучая историю прошлого, мы пишем историю настоящего», — полагали бестужевки.

Они хотели напомнить современникам о той борьбе, которую вынесли организаторы высшей женской школы во второй половине XIX в., преодолевая различные трудности, связанные с недоброжелательным отношением к учащимся женщинам в обществе, отстаивая молодое учебное заведение перед правительственными комиссиями, поддерживая его в годы финансовых и революционных кризисов. В 1919 г. Бестужевские курсы, просуществовавшие 40 лет, были объединены с Петроградским университетом.

Бывшие бестужевки, благодарные своим учителям, сохраняли в памяти потомков их светлые образы. Они писали о профессорско-преподавательском составе ВЖК (Д. И. Менделеев, И. И. Боргмане, А. С. Фаминцыне, А. А. Иванове, И. В. Мещерском, В. И. Шифф, М. М. Ковалевском, Н. О. Лосском, О. А. Добиаш-Рождественской, А. Я. Ефименко, Н. И. Кареев, С. Ф. Платонове, А. Ф. Кони, И. А. Шляпкине, А. И. Введенском, Н. Я. Пергаменте, И. М. Гревсе, Н. К. Пиксанове, С. А. Венгерове и многих других); с благодарностью вспоминали директоров курсов: К. Н. Бестужева-Рюмина (1878–1882), с именем которого связано неофициальное название женского университета, А. Н. Бекетова (1882–1889), В. П. Кулина (1889–1894), Н. П. Раева (1894–1906), В. А. Фаусека (1906–1910), С. К. Булича (1910–1918) и В. М. Шимкевича (1918–1919). Писали они и о своих товарищах-бестужевках (Е. В. Буш, В. П. Андреевой-Георг, С. М. Домбровской-Варзар, Н. П. Вревской-Ржевской, Е. В. Балобановой, И. Д. Богдановской-Гиеней, И. Д. Борнеман-Старынкевич, В. А. Бриллиант-Лерман,

В. А. Волкович, Н. Н. Гернет, И. В. Гиттис-Берман, Е. Р. Гюббенет, Э. Д. Даниловой-Венус, В. М. Дервиз, Т. А. Константиновой, В. И. Егоровой, К. И. Кейзер-Моисеевой, Э. А. Корольчук, В. А. Лосиевской, Ж. А. Мацулевич-Вирениус, Н. В. Пигулевской-Стебницкой, М. Е. Сергеенко, С. В. Романской-Ворошиловой и многих-многих других), составивших цвет отечественной и мировой науки, а также скромных тружениках на ниве просвещения, статистики, публицистики и т. д.

В 1950–70-е годы бестужевки собрали материал, подготовили к печати и издали пять сборников: 1) Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918) / под ред. С. Н. Валка, Н. Г. Сладкевича, В. И. Смирнова, М. Л. Тронской. Л.: ЛГУ, 1965; 2) его переиздание с исправлениями и дополнениями под той же редакцией (Л.: ЛГУ, 1973); 3) Высшие женские (Бестужевские) курсы: Библиографический указатель / сост. З. А. Евтеева (отв. ред.), О. Н. Кузнецова, Т. А. Мартынова, А. И. Силюнова, Е. Н. Четыркина, Т. С. Юньева. М.: Книга, 1966; 4) Бестужевки в рядах строителей социализма. М.: Мысль, 1969; 5) Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом (издание «Объединения бывших бестужевок за рубежом»). Париж, 1971.

Каждая книга была итогом напряженной работы авторов, составителей и редакторов из числа бестужевок. Готовили их с большим интересом и любовью, с желанием донести до потомков культурно-историческое значение Бестужевских курсов, ту особую роль окончивших и учившихся на них молодых женщин, которая заключалась в «бестужевском коде (морали)», проявлявшемся буквально во всем, в бережном отношении к своей стране, людям, земле, в высокой степени требовательности к себе и своему профессиональному развитию.

Издавать книги было сложно. Пожилые женщины столкнулись с рутинным аппаратом издательств, многочисленными согласованиями и «мнениями» малосведущих редакторов. В результате ни одна из четырех книг, изданных в Советском Союзе, не удовлетворила создателей. Но они были благодарны только потому, что выполнили обещание, данное на первой юбилейной встрече 1959 г., — спасли от забвения родную *Alma mater*, опубликовали часть воспоминаний, возродили бестужевский дух. В большей степени с этой задачей справились зарубежные бестужевки, объединенные в Париже и выпустившие собственный сборник воспоминаний, который во многом отдавал должное выдающимся представителям науки, читавшим лекции, проводившим практические занятия на курсах, память о которых всегда жила в их сердцах¹.

Значительная часть материалов не попала в опубликованное наследие бестужевок. Материалы отлагались в архиве объединения. Там же сосредотачивался вспомогательный, дополнительный материал (списки, картотеки, письма, корректуры, отбракованные статьи).

На встрече 1959 г. была создана общественная объединенная организация бестужевок, состоящая из двух центров — Ленинградского комитета и Московского бюро. Первой возглавила Наталья Павловна Вревская, второй — Софья Иосифовна Стриевская. Несколько лет спустя возникли десятки филиалов: в Мурманске, Архангельске, Таллине, Риге, Вильнюсе, Пскове, Вологде, Калининe, Костроме, Ярославле, Казани, Витебске, Калуге, Воронеже, Чернигове, Кишиневе, Николаеве, Харькове, Одессе, Киеве, Запорожье, Краснодаре, Сочи, Грозном, Тбилиси, Баку, Кисловодске, Астрахани, Саратове,

¹ *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам (объединенная деятельность бестужевок в 50–70-е годы XX века). СПб., 2015. С. 200.

Оренбурге, Уфе, Свердловске, Тюмени, Челябинске, Красноярске, Иркутске, Томске, Новосибирске, Семипалатинске, Хабаровске, Алма-Ате, Ташкенте, Самарканде и других городах Советского Союза.

Члены Ленинградского комитета задавали тон в работе региональных объединений бестужевков, более малочисленных по составу. За 20-летний период деятельности Ленинградского комитета в его активе насчитывалось более 50 человек. К концу 1970-х годов многие местные организации, а также Московское бюро, передали свои документы и картотеки в Ленинград.

Одним из основных пунктов резолюции, вынесенной на организационном собрании бестужевков в Ленинграде в 1959 г., было «собираание материалов для архива курсов». Члены Ленинградского комитета и Московского бюро взялись за это дело с первых же дней своего существования. Были разосланы анкеты с просьбой заполнить их и вернуть с приложенными автобиографиями, воспоминаниями, фотографиями и подлинными документами.

В Москве сбором личных материалов занималась Комиссия воспоминаний (Ю. М. Белова, Л. П. Богословская, А. Б. Велижева, Т. И. Мартынова, И. В. Налётова, Е. В. Поляк, А. И. Силонова, О. Я. Чиркова, О. В. Чулкова и А. Ф. Шумская), руководимая Е. П. Михайловой, в Ленинграде — группа членов (Е. П. Баранова, Д. Г. Рейхсфельд, В. В. Селезнёва, Н. И. Матусевич, Н. В. Синотова, А. И. Вукотич, Ж. А. Мацулевич, Н. И. Бирилова, Л. Н. Павлова-Сильванская, Т. Н. Петухова, М. М. Иванова, Е. П. Шур, О. П. Скрыбина, А. И. Диковская, Е. Р. Измestьева и М. Ф. Щербакова).

К 1970 г. в Москве накопилось такое количество материалов, что встал вопрос о необходимости их отправки в Ленинград, где бестужевки имели постоянное помещение при Музее истории ЛГУ (комнатку на хорах Актового зала Двенадцати коллегий). С 1970 по 1978 г. были подобраны и отправлены документы по 600 бестужевкам, а также 23 больших архива (Т. М. Глаголевой, Е. К. Столицы и др.); последние планировалось передать в профильные архивохранилища. Кроме того, в архив бестужевков пересылали документы, отразившие работу бюро, рукописи статей двух московских изданий, материалы о кинофильме. К 100-летию Бестужевских курсов (1978 г.) в Ленинград было передано 95 % всех собранных в Москве материалов².

В музейном фонде «ВЖК» история деятельности объединения отразилась в двух частях («Ленинградский комитет» и «Московское бюро»), непосредственным образом она отражается в протоколах различных комиссий и юбилейных материалах.

Прежде всего, члены Архивной комиссии Ленинградского комитета взялись за упорядочение анкет и присланных на них материалов. Бывшим бестужевкам были разосланы на протяжении ряда лет три варианта анкет. Первая анкета — пробная, с целью собрать в Ленинграде выпускниц на общую встречу. Вторая анкета, самая обстоятельная, была составлена группой организаторов и распространялась среди участников первой юбилейной встречи по случаю 80-летия основания ВЖК 21 марта 1959 г. Анкета-инструкция на трех листах была создана с целью собрать сведения о различных видах деятельности бестужевков; она походила на бланк, многократно размноженный на пишущей машинке. Третья анкета была признана выпускницами ВЖК самой удачной, поскольку основные вопросы были сгруппированы в лаконичной форме по 19-ти пунктам. Материалы к ней были частично опубликованы в «Библиографическом указателе»

² Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. Альбом казначея А. И. Силоновой. 1988. Л. 1–2.

1966 г.³, а полностью помещены в Приложении к монографии автора «Их дань Бестужевским курсам (объединенная деятельность бестужевок в 50–70-е годы XX века)»⁴.

Первоначально статистической обработкой поступавших анкет занималась бестужевка Л. П. Пушнова, доцент ЛГУ, бывший ассистент профессора статистики на ВЖК А. А. Кауфмана. Н. П. Вревская полагала, что на основании статистического материала следует написать очерк «О жизни и работе бестужевок во время Курсов и по окончании их»⁵. База данных вышла обширной (около 500 фамилий), но не полной. Материалы неоднократно пересматривались сотрудницами Ленинградского комитета и Московского бюро и дошли до нашего времени в машинописной копии на разрозненных листах.

В 1964–65 гг. члены Ленинградского комитета, видя, что вновь прибывающий материал не добавляет четкости в структуру архива, а постоянная работа в неспециализированном помещении Музея истории университета разных лиц с материалами над сборниками по истории курсов приводит к усилению беспорядка, решили учредить особую Архивную комиссию, занимавшуюся исключительно собиранием архива и упорядочением документов, фотографий и книг.

На заседании 5 февраля 1965 г. члены Архивной комиссии постановили обратиться за помощью к администрации Музея истории университета по оформлению архива бестужевок⁶.

19 октября 1965 г. председатель Архивной комиссии А. И. Вукотич докладывала на общем собрании комитета: «Я беседовала с директором Музея истории ЛГУ Надеждой Николаевной Кононовой, которая посоветовала вложить персональные карточки бестужевок в папки, составить персоналию профессоров; дала инструкцию, как делать опись, в том числе к групповым карточкам»⁷. Спустя полгода, в мае 1966 г. А. И. Вукотич съездила в Москву, где познакомилась с принципами работы Архивной комиссии бюро и системой собирания и хранения материалов. Было принято важное решение о полном сосредоточении архива объединения бестужевок в Ленинграде. Москвички пообещали ленинградкам прислать опись своего собрания. Ответственной была назначена М. Ф. Щербакова⁸.

Первыми архивными поступлениями были ответы на анкеты и книги (П. Я. Полубариновой-Кочиной, С. В. Ковалевской)⁹. В декабре 1966 г. комитет получил письмо от бестужевки-киевлянки Е. Я. Рудинской, которая хотела передать а архив объединения свою переписку с профессором И. М. Гревсом (около 85 писем от 1917 по 1941 г.)¹⁰; впоследствии они были получены и переданы в Архив Академии наук.

На заседании 6 декабря 1966 г. прозвучали призывы А. И. Вукотич и председателя К. П. Язевой ко всем членам, способным по состоянию здоровья активно трудиться,

³ Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиографический указатель / сост. З. А. Евтеева, О. Н. Кузнецова, Т. А. Мартынова, А. О. Силонова, Е. Н. Четыркина, Т. С. Юньева. М., 1966. С. 140–169.

⁴ *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам. С. 291–358.

⁵ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. История объединения. Вревская Н. П. Сообщение комитета по составлению сборника о Высших женских курсах 1959–1960 гг. Л. 3.

⁶ Там же. Д. Протоколы заседаний Архивной комиссии Ленинградского комитета от 05.02.1965. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Д. Протоколы заседаний Ленинградского комитета ВЖК. Протокол № 15 за 1965. Л. 37.

⁸ Там же. Протокол № 10 за 1966. Л. 36.

⁹ Там же. Протокол № 12 за 1966. Л. 41.

¹⁰ Там же. Протокол № 19 за 1966. Л. 65 об.

принять участие в работе Архивной комиссии. «Наша основная задача — это архив, пока в архиве только пять человек; надо срочно привлекать новых членов и менять форму работ»¹¹. В течение всего 1967 г. архивная группа комитета постоянно пополнялась. Новые трудности возникали из-за отсутствия места и возможности должным образом хранить материалы. Так, Н. И. Матусевич буквально выбила у администрации вуза один шкаф для архива¹².

22 октября 1968 г. А. И. Вукотич, Н. В. Синотова, Л. Н. Павлова-Сильванская, Д. Г. Рейхсфельд и Ж. А. Мацулевич обсудили инструкцию по хранению и обработке архивного материала, а затем постановили освоить систему оформления, принятую в архиве Музея истории университета¹³.

Фонд «ВЖК» именовался без номера. Описи номеров не получили, но назвались по структурным частям архива («История ВЖК», «Историко-филологический факультет», «Физико-математический факультет», «Юридический факультет», «Ленинградский комитет», «Московское бюро»). Делу присваивался номер или обобщенное наименование (поначалу единицы хранения заносились в особый журнал, который, однако, велся непостоянно, поэтому дела получали названия «Personalia профессоров», «Personalia курсисток», «Установление мемориальной доски», «Традиционные встречи», «Корреспонденция» и другие, в зависимости от их объема и сохранившихся первоначальных номеров). Планировавшаяся полистная нумерация каждого дела также в большинстве случаев не была осуществлена¹⁴.

На собрании Архивной комиссии произошло распределение работы между ее участниками: «1) справочный, библиографический аппарат ВЖК, картотека (Л. Н. Павлова-Сильванская); 2) адресная картотека бестужевков (В. В. Селезнёва); 3) дела комитета и бюро (А. И. Вукотич, Ж. А. Мацулевич); 4) отдел рукописей (М. Ф. Щербакова, консультант Ж. А. Мацулевич); 5) пополнения сведений о ВЖК из других архивов (Н. И. Бирилова, Т. Н. Петухова); 6) Personalia профессоров и курсисток (М. М. Иванова, Н. И. Матусевич, Н. В. Синотова, Е. Р. Измestьева, Е. В. Матвеева, О. П. Скрябина, А. И. Вукотич); 7) библиотека (В. В. Селезнёва, Д. Г. Рейхсфельд); 8) иконография (Е. П. Баранова)»¹⁵.

В январе 1970 г. директор Н. Н. Кононова поставила вопрос об отчете комитета за последнее 5-летие, который необходимо было приложить к общему музейному отчету. Предполагалось осветить все стороны деятельности комитета. Архивная комиссия выпала на долю А. И. Вукотич¹⁶. Последняя докладывала о ее состоянии 10 марта на общем собрании. «Всего 11 человек. Несмотря на эпидемию гриппа и болезни некоторых членов, работа идет. Сейчас мы должны использовать все столы. Основная работа — оформление поступающих документов. К нам поступают авторские материалы и анкеты, которые надо систематизировать. За дела комитета и бюро еще не принимались. В отношении приемки материалов (из Москвы. — О. В.) хотелось бы большей четкости, особенно в отношении писем — мы завалены маленькими документиками. Мы имеем около 2000 персоналий, фотографий обработано до 500, групповая иконография

¹¹ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. Протоколы заседаний Ленинградского комитета ВЖК. Протокол № 19 за 1966. Л. 66 об. — 67.

¹² Там же. Протокол № 3 за 1967. Л. 45.

¹³ Там же. Д. Протоколы заседаний Архивной комиссии Ленинградского комитета от 22.10.1968. Л. 1.

¹⁴ Вахромеева О. Б. Их дань Бестужевским курсам. С. 153.

¹⁵ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. Протоколы заседаний Архивной комиссии Ленинградского комитета от 22.10.1968. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. Протоколы заседаний Ленинградского комитета ВЖК. Протокол №1 за 1970. Л. 43.

без движения, т. к. Баранова не является. По библиотеке ничего нет, т. к. Селезнёва не приходит. То же можно сказать и о картотеках»¹⁷. На следующем заседании комитета председатель Архивной комиссии разъяснила всем членам, что из-за перегрузки архива в него будут приниматься только собственные воспоминания, все прочие будут возвращаться. Тогда же она указала для всех желающих график работы Архивной комиссии — по вторникам и четвергам с 12.00 до 16.30¹⁸.

Несмотря на налаженную работу архивной группы, из нее стали уходить сотрудники. Прежде такого не было ни в одной группе объединения. Председатель Ленинградского комитета К. П. Язева, крайне встревоженная ситуацией, предложила переизбрать председателя комиссии. А. И. Вукотич ушла. На ее место единогласно была избрана Е. Р. Измestьева, старинный сотрудник комитета. Работа Архивной комиссии потекла в привычном товарищеском, «бестужевском» русле.

16 января 1973 г. Е. Р. Измestьева докладывала на заседании Архивной комиссии Ленинградского комитета: «Работа наша заключалась в том, чтобы на каждую бестужевку завести личное дело, в котором были бы: анкета, автобиография, подлинные документы (или заверенные копии), воспоминания, письма и прочее. В каждый конверт мы вкладывали опись материалов, карточку с основными данными, и записывали каждое личное дело в инвентарную книгу. Personaliy профессоров вела М. Ф. Щербакова. Я проделывала эту работу по юридическому факультету (также проверила наличие карточек по юрфаку в картотеке). В книгу инвентарную еще не все смогла занести». Н. И. Матусевич дополнила ее: «У меня дела физмата. Просматриваю личные дела, на карточки заносу заметки об интересных материалах, в каждую папку вкладываю листик с перечнем фамилий. Трудности были с материалами из Москвы, которые приходилось включать позднее. Что касается записей в инвентарной книге, то А. И. Вукотич с меня этого не требовала, а М. М. Иванова предложила, и я сделала на буквы „А–Г“, буду и дальше продолжать. Трудность в последнее время заключалась в том, что наши столы были заняты сотрудниками музея». М. М. Иванова продолжала: «Сегодня я договорилась с хранителем музея А. Л. Ивановой об освобождении двух столиков, которые нам снова будут предоставлены. По историко-филологическому факультету в каждый конверт мы вкладываем опись, карточку и вписываем в инвентарную книгу. Но в инвентарной книге нет системы — так ее завела А. И. Вукотич. Хорошо было бы завести записи по факультетам отдельно. Но переписывать все — слишком большая работа (инвентарная книга так и осталась в черновом варианте и поэтому не пригодна к использованию. — *О. В.*). Сейчас мы пересматриваем личные дела, заменяем рваные конверты на новые, проставляем инвентарные номера». В заключение было решено: «Продолжить работу над личными делами всех факультетов, добиваясь аккуратности и четкости записей, а также чистоты папок. Поставить инвентарные номера не только на личных делах, но и на карточках. Описи личных дел заносить преимущественно на оборотной стороне папки. Продолжить работу по записи дел в инвентарную книгу. По физмату проверить общую картотеку. Все дела профессоров передать Щербаковой. Дела бывших курсисток, после преподавателей ВЖК, оставлять на факультетах. Третий экземпляр вынимать из папок. Щербаковой сделать картотеку по профессорам»¹⁹.

¹⁷ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. Протоколы заседаний Ленинградского комитета ВЖК. Протокол № 3 за 1970. Л. 32–32 об.

¹⁸ Там же. Протокол № 4 за 1970. Л. 28.

¹⁹ Там же. Д. Протоколы заседаний Архивной комиссии Ленинградского комитета от 16.01.1973. Л. 1–4 об.

Архивы Ленинграда и Москвы постоянно пополнялись новыми материалами. Члены объединений собирали сведения о достижениях своих коллег-бестужевков. Так, 30 ноября 1970 г. К. П. Язева и комитет были приглашены на чествование 40-летней непрерывной деятельности главного библиотекаря Государственной Публичной библиотеки, сотрудника Отдела рукописей и редкой книги Татьяны Александровны Быковой — «известного советского специалиста по русской старопечатной, преимущественно петровской книге».

Бестужевка-писательница Т. Д. Руссес из Харькова записала автобиографию своей землячки, тяжело больной Натальи Прокофьевны Ярош, уникального специалиста по классификации каменного угля Донецкого бассейна. Н. П. Ярош выпустила 5 томов специальных исследований. «Пятый том ее трудов об угле самый внушительный; он с рентгеновскими снимками разных видов угля. Ею были обработаны все виды угля Донецкого каменноугольного бассейна. Эта работа привела ее к выводу о том, что все угли относятся к двум основным видам, отличающимся друг от друга разными свойствами. Эта классификация принята теперь в угольной промышленности СССР». «Прожита большая, полезная трудовая жизнь. А сама — в чем душа держится: маленькая, худенькая, с изящными чертами лица. Когда принесла материал, то сказала, что и не думала „хвастаться“, а только хотела показать какое значение имела учеба на Бестужевских курсах».

Напротив, были и такие бывшие слушательницы, кто не спешил раскрывать содержание личных архивов, а, передавая материал, просил не придавать его огласке. Таким образом поступила астроном Н. М. Штауде в 1960-е годы с материалами своей подруги. «Глубокоуважаемая Ксения Петровна! Одновременно с этим письмом направляю в Ваш адрес небольшую посылку. Она содержит письма Нины Михайловны Субботиной, скончавшейся 2 ноября 1961 г. в Доме престарелых ученых. Мы с ней были дружны с 1913 г., но письма сохранились лишь с 1936 г. Они интересны во многих отношениях, и мне жаль их уничтожить. Личность эта совершенно исключительная, по широте своих взглядов и любящего сердца, огромной эрудиции и получению значительных достижений в наблюдениях Солнца и солнечных затмений. Свое астрономическое образование она получила на ВЖК, слушая лекции как вольнослушательница; много содействовала работе Астрономического кружка. И это все тем более удивительно, что была совершенно глухой с 8-летнего возраста и передвигалась только на костылях из-за паралича ног. Может быть в архиве бестужевков нашлось бы место для этих писем? Если же нельзя их хранить, то возьмите на себя труд поместить их в какое-либо хранилище? Я бы только просила Вас запечатать этот пакет до 1980 г. — не раньше, чтобы откровенные высказывания Нины Михайловны о соприкасавшихся с ней людях не могли кого-либо огорчить»²⁰.

Члены Архивных комиссий Москвы и Ленинграда собирали сведения о своих преподавателях. Без преувеличения можно констатировать, что бывшие бестужевки с большим трепетом и уважением относились к последнему оставшемуся в живых профессору Бестужевских курсов Николаю Кирияковичу Пиксанову. Его смерть 10 февраля 1969 г. многие восприняли как личное горе. «С утра Н. К. Пиксанов сел за работу; после глазной операции он сам писал (последнее время он работал над статьей „Единство противоположностей“). Проработал до 12 часов дня. Затем немного отдохнул, пообедал и опять работал. В 5 часов включил телевизор, т. к. начиналась программа торжественного юбилея. Прежде, стоя, он прослушал гимн Советского союза. Затем начался доклад. Он

²⁰ Вахромеева О. Б. Их дань Бестужевским курсам. С. 161–162.

разволновался, т. к. докладчик ничего не сказал о его работе в Ташкентском университете. Николая Кирьяковича это сильно огорчило, он почувствовал себя плохо. Попросил уложить его... а когда жена пришла с лекарством, то пульса уже не было. В данном торжестве (150-летие ЛГУ.— *О. В.*) ему было отказано. А. И. Вукотич принесла ему буклет, чтобы он думал, что приглашен в президиум по случаю торжества. У Николая Кирьяковича осталась огромная библиотека, около 3 тысяч томов. Еще при жизни он завещал ее Пушкинскому Дому». На протяжении всего 1969 г. бестужевки проводили памятные мероприятия по увековечению памяти профессора (готовили к изданию полное собрание его работ; собирались писать монографию о нем, установить мемориальную доску на здании, в котором жил ученый филолог. На год его кончины ленинградки устроили вечер памяти последнего профессора ВЖК²¹.

Бестужевки стремились собрать как можно более полные коллекции материалов о своих известных товарищах. Большая переписка между комитетом и бюро была принята по поводу содержания и оформления объемных личных архивов Т. М. Глаголевой и Е. К. Столицы. Оба архива обрабатывались в Москве М. А. Шильниковой.

Татьяна Матвеевна Берхен (ур. Глаголева) (1885–1962)—литературовед, исследователь неизданных рукописей Антиоха Кантемира, преподаватель ВЖК, принимавшая участие в работе Московского бюро, завещала объединению бестужевок свой архив. «Архив Т. М. Глаголевой-Берхен очень интересен. На таких материалах можно воспитывать молодежь. Сохранилось 13 тетрадей. С ранних лет она собирала и хранила все материалы, которые представляли для нее интерес: школьные табели за все 7 лет учения; летом, изучая историю, делала подробные выписки из прочитанного, многие на французском языке. Татьяна Матвеевна работала над мемуарами Кантемира (материал о нем в пяти папках). Удивляет обилие источников. Там же сохранилась брошюрка с дарственными надписями о Феофане Прокоповиче и Кантемире. Библиография к теме „Декабристы“ и статья о женах декабристов. Она работала над Николаевым и Осиповичем. Большая библиография по русской и иностранной литературе о демонизме. Интересные выписки из стихотворений начала XX в. (в том числе М. Цветаевой). Интересно стихотворение о бестужевках, ее слушательницах. Это только часть архива. Пасынок Берхен должен передать еще два чемодана материалов и портфель фотографий. Весь архив содержится в 26 свертках». Архив Т. М. Глаголевой полностью был передан в Институт русской литературы и искусства (в середине 1960-х годов рукописи по истории русской литературы, в начале 1970-х годов письма)²².

Активистки объединения считали своим долгом писать о своих товарищах по Московскому бюро и Ленинградскому комитету, раскрывая их заслуги не только в профессиональной сфере, но в общественной жизни. Сохранились памятные записки о Е. В. Поссе, О. Н. Кузнецовой, Н. В. Пигулевской, Е. Я. Бухановской, А. И. Эттингер и др. Как правило, их зачитывали на вечерах памяти и общих собраниях бестужевок.

К архиву объединения были допущены ленинградские историки, Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин и их ученики.

Перед Ленинградским комитетом всегда остро стояла проблема размещения материалов архива. Особенно это стало важно, когда московские материалы объединились с ленинградскими. Бывшие бестужевки, 80–90-летние женщины, с большими усилиями, а часто и на последнем дыхании, пытались решить сразу несколько формальных на первый

²¹ Вахромеева О. Б. Их дань Бестужевским курсам. С. 163.

²² Там же. С. 163–164.

взгляд задач. Во-первых, обеспечить архив объединения надлежащими шкафами для хранения, во-вторых, добиться нормальных условий хранения своих материалов в Музее истории ЛГУ, а также иметь к ним доступ, чтобы продолжать работу.

С 1975 по 1979 г. последние протоколы комитета буквально переполнены жалобами бестужевок на невнимательное отношение к их наследию со стороны администрации ЛГУ. «Речь не идет об отдельном помещении (комнатке), которую нам пообещали к лету 1976 г. в связи с перенесением части ЛГУ в Петергоф, а только о нескольких шкафах для наших материалов. Также надеемся на помощь студентов». «В 1976 г. архив по-прежнему не устроен. Шкафы без стекл, поэтому материал не разобран. Сотрудники музея сообщают, что никаких улучшений раньше нового года или позднее не предвидится. В мае обещают передать нам третий шкаф под архив»²³.

28 мая 1974 г. на заседании Ленинградского комитета К. П. Язева, в присутствии члена Московского бюро О. Ф. Лях, передала архив объединения бестужевок в дар на вечное хранение и с целью дальнейшего использования в работе над историей высшего женского образования, вкладом бестужевок в историю русской культуры и социалистического строительства, биографиями выдающихся женщин России сотрудницам Музея истории Ленинградского университета, директору Н. Н. Кононовой и главному хранителю Н. К. Дубовой²⁴. Члены Комитета с согласия директора Н. Н. Кононовой оставили за собой право продолжать работу по приведению в порядок материалов, как вновь поступавших, так и тех, работы над которыми не были завершены.

Был составлен акт, в котором переименовывались разделы передаваемого архива²⁵. Копию акта передали в ректорат, газету «Ленинградский университет» и Московское бюро. В «Ленинградском университете» от 18 сентября 1974 г. была помещена заметка К. П. Язевой «В дар Музею университета». Ксения Петровна писала, что «Музей истории ЛГУ пополнился еще одним ценным собранием документов. Это — архив Комитета бестужевок, который выпускницы ВЖК собирали в течение пятнадцати лет. Архив уникален по своим материалам. Он содержит воспоминания, статьи, автобиографии, списки научных трудов, ценные подлинные документы, персоналии профессоров, богатый иконографический материал и многое другое. Все это представляет большой интерес, характеризуя не только историю высшего женского образования, но и значительный период истории русской культуры»²⁶.

С осени 1974 г. в Ленинград в адрес Музея истории ЛГУ начали поступать материалы в красных папках с пометой «фонды ВЖК». В результате чего произошло слияние архивов Ленинградского комитета и Московского бюро и сформировался единый «Фонд ВЖК».

После 100-летнего юбилея курсов в 1978 г. остатки членов комитета собирались лишь по организационным вопросам в присутствии сотрудников Музея истории и преподавателей исторического факультета ЛГУ. Архивом объединения занималась главный хранитель

²³ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. Протоколы заседаний Ленинградского комитета ВЖК. Протокол № 9 за 1975. Л. 1; Протокол № 3 за 1976. Л. 1 об.; Протокол № 4 за 1976. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. ВЖК (Московское бюро). Д. Протокол собрания московского объединения бестужевок с активом от 22.06.1974. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. История объединения. Акт от 28.05.1974. Л. 1–2.

²⁶ Язев К. П. В дар Музею университета // Ленинградский университет. № 63. 18 сент. 1974. С. 3.

музея А. Л. Иванова. Последние бестужевки работали с материалами архива в начале 1980-х годов. Но описи «Фонда ВЖК» ими так и не было составлено.

«Свыше 1355 бестужевков прислали свои материалы— из них 635 Ленинград, 255 Москва и 465—иногородние. Более 4800 документов числится в персоналии (их личные дела).

Характер материалов чрезвычайно разнообразный по своей специфике, но все их объединяет поставленная цель— собрать все, что касается ВЖК, о жизни курсисток во время их пребывания на курсах, жизни и деятельности по окончании их. Анкеты, биографии, воспоминания и другие документы составляют основной фонд. Не все, конечно, личные архивы одинаково полные, но большинство из них представляют правдивые описания пройденного трудового пути, являясь доказательством беззаветной любви к курсам и глубокой благодарности и признательности к учителям—профессорам. Но есть личные фонды, которые останавливают на себе внимание, таковы, например, материалы Т. М. Глаголевой—автобиографические заметки, материалы к научным трудам, конспекты лекций и другие документы, требующие пристального изучения специалистов.

Имеется личный фонд Т. Д. Руссес, украинской писательницы, ее замечательная автобиография, живые воспоминания о профессорах, яркие портретные записи. Статьи и рецензии о К. И. Чуковском, рассказы для детей и другие материалы и документы.

В архиве С. Ф. Айнберг-Загрядской—воспоминания о ВЖК, профессорах; автобиографические материалы, стихи и прочее.

Личный фонд Л. К. Щитинской наиболее полный, содержит 50 единиц хранения о ее деятельности на курсах и о работе в качестве заслуженной учительницы.

Фонд Н. М. Герзей-Капицы, доцента кафедры методики преподавания литературы, представляет также исключительный интерес. То же можно сказать о воспоминаниях Е. А. Гиляровской о курсах, ее деятельности по окончании и об ее участии в революционном движении.

Среди материалов физико-математического факультета большой архив Н. П. Вревской, представляющий интерес: о ее деятельности в качестве ученого и крупного общественного деятеля.

Имеются материалы Н. М. Штауде, кандидата физико-математических наук,—интереснейший материал для дальнейшего исследования. Также и Ярош, Сакольская и Матусевич.

Среди юристов заслуживает внимание архив Е. А. Верейской, детской писательницы, Е. Р. Измьстевой, С. М. Хлытчевой, Е. А. Лаппы-Старженецкой и других.

Все материалы и документы, находящиеся в фонде ВЖК, представляют глубокий интерес для исследований по целому ряду отдельных тем, как по истории ВЖК, так и о жизни и деятельности бестужевков.

Особое место в фондах занимают разделы рукописей статей, написанные для сборника „Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы“, который был выпущен в 1966 г. (автор записки ошибается, так как первое издание упомянутого сборника вышло в 1965 г.— *О. В.*); 68 статей (в нескольких вариантах редакторских правок) составляют 300 машинописных копий; 17 статей для сборника „Бестужевки—участники соцстроительства“ („Бестужевки в рядах строительства социализма“.— *О. В.*), выпускаемого Московским бюро. Это фонд по своему авторскому составу живых свидетелей истории курсов и участников жизни на них представляет собой огромный вклад в историю ВЖК.

В разделе „Профессора ВЖК“ имеются материалы о Ф. А. Брауне („К 25-летию ученой деятельности профессора Брауна“, чествование юбиляра в университете, фотографии

и газетные вырезки); С. К. Буличе (директоре ВЖК) „30-летний юбилей научной деятельности“; И. М. Гревсе (воспоминания бестужевки о нем, заметки бывшей ученицы Э. Тюбиной, как о талантливом педагоге, чутком незабываемом человеке. Там же помещены стихотворения И. М. Гревса, посвященные молодым друзьям — участникам его семинара, 1916 г.); Ф. Ф. Зелинском (воспоминания Т. А. Быковой об экскурсии в Грецию, в которой участвовали слушательницы ВЖК); И. А. Покровском (воспоминания С. Красинско-Эльязшевой); И. А. Бодуэн-де-Куртенэ (выписка из документов Департамента полиции о профессоре, как о политически неблагонадежном, и решение Судебной палаты по его делу); Н. С. Самойловой-Яхонтовой (статья о выдающейся женщине-астрономе, ее биография, годы занятий на Бестужевских курсах, научная и общественная деятельность); Д. Н. Овсяннико-Куликовском (воспоминания „Д. Н. Овсяннико-Куликовский“. Пг.: Время, 1923 / Предис. М. Субботина; письма его дочери (1966) и его жены; стихи Д. Н. Овсяннико-Куликовского др.); Н. К. Пиксанове (его письма к бестужевкам (1966–1967 гг.); воспоминания Маркшанской о Пиксанове, как о руководителе семинара по русской литературе); С. А. Венгерове (воспоминания М. Ф. Щербаковой, М. А. Шильниковой; речь И. М. Гревса, произнесенная на его похоронах 5 сентября 1910 г. и другие материалы). Документы этого раздела в основном — воспоминания и вырезки из газет и журналы.

В разделе иконографии имеется около 400 фотографий бестужевки времени их пребывания на курсах. 125 портретов профессоров. Свыше 550 групповых фотографий: выпуски слушательниц ВЖК по годам окончания, группы слушательниц с профессорами, работа в семинарах, общественная работа, экскурсии, вечеринки, фотографии отдельных факультетов, групп, лабораторий. Это ценнейшая коллекция, собиравшаяся в течение 10 лет, составляет интересный документальный и изобразительный материал по истории ВЖК.

В разделе „Работа Ленинградского комитета“ имеются материалы: юбилей 80-летия ВЖК (март 1959, ЛГУ); материалы по выпуску первого сборника; документы и переписка об установлении мемориальной доски на здании курсов; переписка и протоколы о работе Московского бюро; переписка Ленинградского комитета с разными городами (Вологодой, Горьким, Киевом, Калугой, Краснодаром, Курском, Николаевым и др.).

Кроме перечисленных материалов в фонде имеется библиотека (242 экземпляра), из них 111 книг по истории ВЖК (1895–1915 гг.), 50 книг, раскрывающих учебную жизнь курсов (программы, учебные планы, литографированные лекции профессоров А. И. Введенского, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, И. И. Лапшина и др.), подаренные бестужевкой В. В. Мухиной; свыше 15 печатных трудов бывших бестужевки (Н. М. Штауде, М. Л. Тронской, О. М. Чеменой, Эвенбах, Н. В. Пигулевской и др.). Также в составе библиотеки имеются произведения писательниц-бестужевки — Прилежаевой-Барской, Руссес, Ползиковой-Рубец, Верейской, и народной артистки Е. И. Тиме.

В фонде имеется ряд справочно-библиографических картотек: картотека, отражающая историю ВЖК в периодических изданиях (статьи и заметки); справочная картотека; топографическая картотека (адреса бестужевки, проживающих в Ленинграде и других городах); картотека научных трудов бестужевки²⁷.

Архивные материалы «Фонда ВЖК» не были описаны бывшими бестужевками. У них не хватило ни времени, ни сил. Это давало право некоторым из них в последние годы извлекать материалы по мере необходимости, порой не возвращая их (особенно это

²⁷ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК (Ленинградский комитет). Д. История объединения. Описание «Фонда ВЖК». [Б. д.]. Л. 1–6.

касалось персоналий, картотек), переключивать документы и фотографии с места на место (тем самым нарушая порядок, заведенный членами архивной комиссии Комитета). Кроме того, директор Н. Н. Кононова, старейшая сотрудница Музея истории ЛГУ, приветствовавшая появление бестужевского архива в стенах музея и курировавшая его, также не успела приступить к его обработке.

Впоследствии материалы объединенного бестужевского архива нередко пополняли другие фонды Музея истории, использовались в многочисленных выставках по истории университета (особенно персональные документы и иконографический материал), что мало способствовало сохранению целостности наследия Комитета бывших бестужевков.

Информация о статье

Автор: Вахромеева Оксана Борисовна — доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.vahromeeva@spbu.ru.

Заглавие: Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах.

Абстракт: Фонд «Высших женских (Бестужевских) курсов» в архиве Музея истории СПбГУ был собран в результате деятельности выпускниц курсов в 1950–70-е годы, в основном живших в Ленинграде и Москве. Его материалы чрезвычайно разнообразны. Фонд всесторонне освещает жизнь курсисток во время их пребывания на курсах, их деятельность по окончании *Alma mater*. Основной фонд составляют анкеты, биографии, воспоминания, отчеты и другие документы; кроме того большой интерес представляют материалы традиционных, юбилейных встреч и материалы объединения. В начале XXI в., бесспорно, Санкт-Петербургский университет является носителем культурно-исторической традиции Бестужевских курсов, но и хранит архив объединения бестужевков.

Ключевые слова: Музей истории университета, Бестужевские курсы, Ленинградский комитет, Московское бюро, история объединения.

Information on article

Author: Vakhromeeva Oxana Borisovna — Doctor in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, o.vahromeeva@spbu.ru.

Title: The University Museum of the St. Petersburg State University as a custodian of the memory of the Bestuzhev Courses.

Abstract: The Fund “Women’s Higher (Bestuzhev) Courses” in the archives of the Museum of history of SPbGU, was assembled as a result of activity of the graduates in 1950–70es, mainly living in Leningrad and Moscow. The material is extremely diverse. The Fund comprehensively covers the life of girl-students during their stay at the courses, their activities upon graduating from their *Alma mater*. The main Fund contains profiles, biographies, memoirs, reports, etc.; also of great interest are the materials of traditional, anniversary meetings. At the beginning of the 21st century it was undoubtedly the St.-Petersburg University that kept cultural and historical traditions of the Bestuzhev Courses, and also housed the archives of the Association of the first students.

Keywords: The University museum, Bestuzhev Courses, Leningrad Committee, Moscow Bureau, history of the association.

УДК 069.02:378.4 (571.16)

С. Е. Григорьева

РИСОВАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ТОМСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Вузовские музеи как научные учреждения создавались и служили лабораториями для проведения исследований в сфере точных, естественных и гуманитарных наук, результатом которых становились крупные научные открытия. Не менее важной была и их учебная функция, ведь создание музеев было прямо подчинено образовательному процессу, который регулировали уставы вузов.

В истории Томского политехнического университета, основанного в 1896 г., большую роль сыграли учебные музеи и кабинеты. Так, первые музеи Томского технологического института императора Николая II (совр. Томский политехнический университет) появились практически вместе с открытием вуза — в 1900 г. Одним из инициаторов их создания был первый директор ТТИ Ефим Лукьянович Зубашев. Он, как и первые профессора, понимал необходимость организации современных лабораторий, мастерских, учебных музеев, кабинетов для ведения преподавательской и научно-исследовательской работы.

Уже в 1901 г. на заседании Совета ТТИ была высказана мысль о необходимости создании первых учебных кабинетов, «обратив их в род музея с отдельными помещениями по специальностям»¹. Изначально было создано шесть кабинетов: палеонтологии, минералогии, горного искусства, ботаники, механики, рисования и скульптуры. Содержать эти кабинеты предполагалось за счет средств, отпускаемых на учебные пособия Советом института².

С открытием инженерно-строительного отделения в 1902 г. в ТТИ руководством вуза было решено организовать кабинет рисования. Уже в первых отчетах о деятельности института есть упоминание об этом кабинете³. В последующем название этого учебного подразделения менялось: музей пособий по рисованию, рисовальный кабинет, рисовальный зал, музей рисования. Но функция кабинета оставалась неизменной — обеспечение необходимыми материалами научно-образовательного процесса в институте.

Первым заведующим кабинетом рисования стал классный художник III ст. З. А. Рокачевский, известный как создатель целой галереи портретов томских ученых. В 1900 г. по представлению директора Томского технологического института Е. Л. Зубашева он был назначен внештатным преподавателем рисования. С целью улучшения преподавания рисования и архитектурного проектирования по заявлению деканов отделений Совет института утвердил Рокачевского в 1906 г. штатным преподавателем. В институте Захарий

¹ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 194. Оп. 1. Д. 1 (Журналы заседаний совета Томского Технологического института. 1900–1901 гг.). Л. 94.

² Сизова И. А. Музеи Томского Технологического института (первая треть XX в.) // Томские музеи. Музеи университетов: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / под ред. С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 266.

³ Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1902 год // Известия Томского технологического института (ТТИ). 1903. Т. 2. С. 32.

Алексеевич проводил занятия по рисованию со студентами 1 курса всех отделений, читал курс лекций для студентов 3 курса инженерно-строительного отделения по теории перспективы, вел архитектурное проектирование. Кроме того, он преподавал рисование в коммерческом училище, в классах рисования и живописи Общества любителей художеств и Сибирских технических курсах в Томске⁴. Кроме того, в летние каникулы З. А. Рокачевский неоднократно выезжал за рубеж для ознакомления с западноевропейским искусством и постановкой преподавания живописи. Во время этих поездок посещал музеи, художественные выставки.

З. А. Рокачевский приложил немало усилий для оборудования рисовального кабинета необходимыми скульптурными моделями и художественными картинами, что давало возможность именовать кабинет рисовальным музеем. Согласно отчетам о деятельности и протоколам заседаний хозяйственного комитета ТТИ, уже в 1902 г. преподаватель выписал для рисовального музея из Москвы от художественного магазина Ю. Брокмана 73 гипсовые модели, 20 багетных рам для вывешивания лучших работ студентов по рисованию, орнаменты, 4 шкафа для хранения гипсовых моделей⁵.

Заказы для пополнения рисовального кабинета З. А. Рокачевский делал регулярно. Как правило, выписывались мебель и оборудование для ведения занятий по черчению, рисованию, лепке — столики для рисования акварелью, штативы, шкафы для хранения студенческих работ, доски для лепки и т. д. Кроме того, за время работы Рокачевского рисовальный музей комплектовался необходимым учебным материалом: гипсовыми фигурами, деревянными архитектурными моделями, картонными моделями геометрических тел, проволочными моделями геометрических фигур, бюстами и т. д.⁶ Что же касается стоимости этих предметов, то в год из бюджета института выделялось в среднем 500 руб. Для сравнения, для минералогического кабинета выделялось около 1500–2000 руб.⁷

Стоит отметить, что предметы для кабинета рисования выписывались из Москвы из специализированных художественных магазинов — «Берлинский художественный магазин», «Ю. Брокман»; из художественных училищ и Императорской Академии художеств⁸. Некоторые предметы заказывались непосредственно у авторов. Так, согласно протоколом заседания Совета ТТИ, для музея были заказаны бюсты Венеры, Леонардо да Винчи, Л. Н. Толстого у скульптора Г. Гайера⁹.

⁴ Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник. Т. 2 / сост. и отв. ред. Г. П. Сергеевых. Томск: Изд-во НТЛ, 2001. С. 135.

⁵ Отчет по Томскому технологическому институту императора Николая II за 1902 г. Томск: Акцид. типогр. В. М. Перельмана, 1903. С. 19; ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 11 (Главная книга. 1902 г.). Л. 52.

⁶ Отчет о деятельности и состоянии Томского Технологического Института Императора Николая II за 1903 год // Известия ТТИ. 1904. Т. 3. С. 42; Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1907 год // Известия ТТИ. 1908. Т. 12. С. 77; Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1908 год // Известия ТТИ. 1909. Т. 15. С. 52; Отчет Томского Технологического Института Императора Николая II за 1909 год // Известия ТТИ. 1910. Т. 16. С. 54; Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1910 год // Известия ТТИ. 1911. Т. 17. С. 53; Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1911 год // Известия ТТИ. 1912. Т. 18. С. 32.

⁷ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 37 (Расписания о доходах и расходах специальных средств института и переписка с попечителями Западно-сибирского округа по этому вопросу. 1904–1913 гг.). 176 л.

⁸ Там же. Д. 27 (Протоколы заседаний хозяйственного комитета. 1903 г.). Л. 123; Д. 86 (Протоколы заседаний хозяйственного комитета. 1908 г.). Л. 18 об., 111 об.

⁹ Там же. Д. 58 (Протоколы заседаний Совета. 1906 г.). Л. 162 об.; Д. 114 (Протоколы заседаний Совета. 1914 г.). Л. 12 об.

Таким образом, можно сказать, что формирование музейных коллекций кабинета рисования носило научный характер, что выражалось в концепции и методах комплектования. Коллекции рисовального кабинета использовались в качестве учебных пособий для наглядной демонстрации в образовательном процессе, а инструменты и оборудование использовались для привития студентам профессиональных навыков и умений. Методами комплектования кабинета были, как правило, покупки и дары.

Профессора ТТИ стремились расширить методический инструментарий в преподавании своих дисциплин, искали различные возможности использования рисовального музея. Так, в нем были организованы рисовальные классы. Занятия в них проводил Константин Константинович Лыгин, основатель архитектурного образования Сибири¹⁰. В фондах Комплекса музеев ТПУ есть фотография кабинета начала XX в. На ней представлена группа студентов на занятиях, в качестве наглядных пособий—множество скульптурных образцов, на стенах развешаны лучшие работы студентов. Стоит отметить, что в конце 1920-х годов рисунки Николая Васильевича Никитина, будущего архитектора, украшали кабинет рисования, экспонировались на студенческих выставках. В это время он обучался на архитектурном отделении строительного факультета, где обязательной и едва ли не основной считалась дисциплина рисунка и композиции, и ему пришлось овладевать секретами изобразительного искусства.

Посетителями рисовального музея, как правило, были только преподаватели и студенты института. Но иногда его посещали и чиновники самого высшего ранга. Так, например, осенью 1910 г. в связи с рабочей поездкой по Сибири председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин прибыли в Томск. По сообщению «Сибирской жизни», П. А. Столыпин посетил технологический институт, закрытый в тот день для студентов, зайдя в аудитории, большую чертежную и рисовальный зал¹¹.

В 1923 г. З. А. Рокачевский по семейным обстоятельствам переехал в Петроград. Новым заведующим рисовальным музеем стал Георгий Владимирович Ульянинский, который в 1921 г. был избран профессором кафедры «Мосты» инженерно-строительного факультета Сибирского технологического института. С 1925 по 1930 г. он был деканом факультета. Г. В. Ульяновский придавал огромное значение развитию инженерно-строительного факультета как главного источника практической помощи развернувшемуся строительству в Сибири. В связи с этим он особое внимание уделял деятельности вспомогательных учреждений, в том числе и рисовальному музею. Г. В. Ульянинский считал, что качество подготовки инженера-строителя определяется не только общеобразовательным уровнем, но и навыками, приобретенными в лабораториях, мастерских и учебных музеях¹².

В 1930-е годы в связи с началом индустриализации в условиях широкого промышленного и гражданского строительства по всей стране чрезвычайно выросла потребность регионов в инженерно-технических кадрах. В Сибирском технологическом институте были созданы условия для открытия на базе отдельных факультетов и кафедр самостоятельных технических вузов. Центр по подготовке инженеров-строителей переместился в Новосибирск. Первым высшим техническим учебным заведением строительного профиля в регионе стал Сибирский строительный институт (Сибстрин), созданный на базе

¹⁰ Гений места // Красное знамя. 2014. 21 мая.

¹¹ Сибирская жизнь. 1910. 2 сентября.

¹² Профессора Томского политехнического университета. Т. 2. С. 163.

инженерно-строительного факультета СТИ в 1930 г. В Сибстрин перешел коллектив из 20 преподавателей Сибирского технологического института¹³. Кроме того, все учебные модели рисовального музея были также перевезены в Новосибирск. К сожалению, судьба их неизвестна.

Таким образом, создание рисовального музея в Томском технологическом институте в начале XX в. было следствием личной инициативы сотрудников вуза. Формирование фондов и использование их в учебных и научно-исследовательских целях также являлись инициативой профессоров ТТИ. Но в связи с их переездом в другие города деятельность рисовального музея прекратилась, он перестал существовать.

Информация о статье

Автор: Григорьева Светлана Евгеньевна — кандидат исторических наук, специалист экспозиционной и выставочной работы, Комплекс музеев Национального исследовательского Томского политехнического университета; старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, grigorevase@tpu.ru.

Заглавие: Рисовальный музей Томского технологического института.

Абстракт: В статье раскрывается малоизученный вопрос об истории создания и деятельности рисовального музея Томского технологического института императора Николая II, выявляются обстоятельства подготовки и организации работы. Обосновывается ведущая роль Захария Алексеевича Рокачевского в создании рисовального музея, раскрывается вклад в формирование учебных коллекций музея.

Ключевые слова: музейное дело, университетские музеи, Томский технологический институт.

Information on article

Author: Grigorieva Svetlana Evgenievna — PhD in History, Specialist in exposition and exhibition work, the Museum of National Research Tomsk Polytechnic University; Senior lecturer, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, grigorevase@tpu.ru.

Title: The drawing museum of the Tomsk institute of technology.

Abstract: The article is devoted to the little known aspect of the history and activities of the Drawing museum of Tomsk technological Institute of Emperor Nicholas II, it reveals the circumstances of the preparation and organization of the work. The author focuses on the leading role of Zechariah A. Rogachevskiy in creating the Drawing museum, reveals his contribution to the formation of the study collections of the museum.

Keywords: museology, university museums, Tomsk Technological Institute.

¹³ Николаева Н. В. К вопросу о формировании высшей архитектурно-строительной школы в Сибири (на примере Томска и Новосибирска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 3 (36). С. 219–240.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК: 001.81; 069.1

С. В. Березницкий

РОЛЬ Ф. ПЛЕНИСНЕРА В ФОРМИРОВАНИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ В XVIII веке

Биография Фридриха Плениснера освещена в работах А. И. Андреева, Л. С. Берга, М. О. Косвена, А. С. Зуева и других исследователей¹. Он был известен как Фридрих, Фредерик, Федор Христианович, Федор Христофорович Плениснер, Пленцнер, Пленстнер (так называл его М. В. Ломоносов). Родился он в Курляндии в семье немецкого музыканта, предположительно в начале 1700-х годов. Умер Ф. Плениснер в Санкт-Петербурге в 1778 г. Проходил службу в разных рангах, званиях и должностях: в Конной гвардии, в Вятском и Якутском полках, Анадырском остроге (1761–64), в Охотско-Камчатском крае (1764–72). В 1764 г., в связи с началом упразднения Анадырского острога, Плениснер был назначен главным начальником всего Охотско-Камчатского края. В 1774 г. он вышел в отставку. О семейной жизни Плениснера, о его жене Аграфене пока известно немного. Плениснер забрал свою семью при возвращении с Дальнего Востока в Санкт-Петербург в середине 1770-х годов.

С научной точки зрения наиболее важными этапами жизни Ф. Плениснера являются его участие в качестве живописца и топографа во Второй Камчатской экспедиции в 1733–1742 гг., когда он на пакетботе Витуса Беринга «Св. Петр» посетил берега Северной Америки в 1741 г., занимался составлением географических карт, зарисовками аборигенов и животного мира, подружился с Г. В. Стеллером (1709–1746), а также деятельность Плениснера по организации научных изысканий на Чукотке и Камчатке в 1760–1772 гг. Эта работа во многом осуществлялась по инициативе сибирского губернатора Ф. И. Соймонова.

Ф. Плениснер известен как автор нескольких научных трудов, связанных с анализом и обобщением этнографических, географических и исторических сведений о северо-востоке России XVIII столетия, например, «Карта Чукотской земли, составленная Плениснером

¹ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII веке. Обзор источников и литературы // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред. и вступит. ст. А. И. Андреева. М., 1948. С. 56–60; Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935. С. 117–118; Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII веке // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 6. ТИЭ. Т. 102. М., 1974. С. 15–17, 41; Зуев А. С. Ф. Х. Плениснер как исследователь Северо-востока Азии // «Aus Sibirien — 2005»: научно-информац. сб. / ред. А. П. Ярков / Материалы II международ. научно-практ. конф. «Стеллеровские чтения», посвящ. памяти выдающегося российского и немецкого ученого Г. В. Стеллера. Тюмень, 2005. С. 42–44.

в 1763 г.»², «Река Анадырь по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г.»³. В архивах и библиотеках страны хранятся рукописи Ф. Плениснера, в частности, очерки о Камчатке, о реке Анадыре и Анадырском крае, географические карты северо-востока, письма к Г. Миллеру за 1760–70-е годы.

Важной частью научно-организационной работы Ф. Плениснера стала организация сбора айных этнографических коллекций на Курилах в 1766–1769 гг.

Известно, что первые достоверные сведения о Курильских островах доставили экспедиции 1711–1713 гг. И. Козыревского и Д. Анциферова, 1720-х годов — геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина, 1738–1739 гг. — М. П. Шпанберга и, в начале 1740-х годов, Г. В. Стеллера — участников Второй Камчатской экспедиции. С. П. Крашенинников (1711–1755), проводивший исследования на Камчатке в 1737–1741 гг., стал одним из первых русских ученых, собравших сведения о культуре и языке японцев, и отсылал он их Г. Ф. Миллеру. При отправлении на Курилы сборщика ясака С. Плишкина, Крашенинников поручил ему приобрести у жителей островов образцы японской письменности для последующей пересылки в Кунсткамеру⁴.

А. С. Сгибнев описал историю начала торговых отношений России с Японией и с коренными жителями Курильских остров в XVIII в.⁵ Тойон Сторожев в 1750–1753 гг. по указанию Большерецкой канцелярии посетил первые от Камчатки 16 островов Курильской гряды, чтобы вернуть уехавших на дальние острова айнов, спасавшихся от грабежей сборщиков ясака для российской казны. Сторожеву удалось собрать некоторый объем этнографических материалов об айнах⁶.

Однако все известные сведения, а также сообщения японцев о Курилах не удовлетворили исследовательский интерес сибирского губернатора (1757–1763) Ф. И. Соимонова (1692–1780), узнавшего о том, что острова независимы от Японии. Поэтому он в начале 1761 г. дал указание и инструкцию командиру Анадырского острога подполковнику Фридриху Плениснеру организовать комплексное обследование Курильских островов⁷. Необходимо было, прежде всего, выяснить глубину проливов между островами, численность населения на островах, в том числе ясачного, занятия жителей и возможность приведения их в российское подданство.

Этот период с разной степенью фактологической наполненности освещен в трудах А. С. Полонского, Н. Н. Зубова, Д. М. Лебедева, Г. С. Горшкова, А. И. Алексева, М. В. Хартанович и других ученых, в «Летописи Кунсткамеры»⁸. Благодаря грандиозной собирательской

² [Плениснер Ф. Х.] Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г. / вступит. ст. А. Соколова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, издаваемые с высочайшего разрешения. СПб., 1852. Т. 10. С. 120–123.

³ Соколов А. Река Анадырь по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. // Записки Гидрографического департамента... Т. 10. С. 163–166.

⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. С. 564, 566, 604; Костанов А. И. Документальная история Сибири XVII — середина XIX вв. (Историко-архивоведческое исследование). Владивосток, 2007. С. 112.

⁵ Сгибнев А. С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII в. и в начале XIX столетия // Морской сборник. 1869. Т. 100. № 1. С. 37–72.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Полонский А. С. Курилы / подгот. к печати В. О. Шубина, Н. Ф. Грызуновой; вступит. ст. и примеч. В. О. Шубина // Краеведческий бюллетень. 1994. Вып. 3. С. 51–54.

⁸ Полонский А. С. Курилы // Записки ИРГО по отделению этнографии / Издано под ред. действ. члена А. И. Савельева. СПб., 1871. Т. IV. С. 367–576; Полонский А. С. Курилы / подгот. к печати

деятельности А. С. Полонского журнал сотника И. Черного⁹ был введен в научный оборот: «Журнал или записка, учиненная казацким сотником Иваном Черным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова путешествию и усмотренных на оных примечаниях в расстоянии тех островов и живущих на оном народов и о прочем»¹⁰. И. Черный собирал данные о Маканруши, Онекотане, Шиащкотане, Матуа, Расшуа, Кетое, Симушире, Урупе, Итурупе и других островах, привел в подданство часть населения островов Уруп и Итуруп. По данным Г. С. Горшкова, материалы экспедиции сотника И. Черного в 1766–1769 гг. были основными научными данными о Курилах вплоть до конца XIX в. М. В. Хартанович обобщила архивные и опубликованные сведения о процессе сбора этнографических коллекций для Кунсткамеры в XVIII в. на Тихоокеанских островах, в том числе и на Курилах, кратко показала деятельность И. Черного и, самое главное, привела описание собранной им коллекции: предметы оружия, утвари, одежды, украшений и т. п.

Выполнение задания Ф. И. Соймонова совпало для Ф. Плениснера со сложнейшими мероприятиями по закрытию Анадырского острога. Этот острог, основанный на р. Анадырь участниками похода С. И. Дежнева в 1649 г., в течение ста лет играл важную роль в закреплении за Россией Чукотки, в неудавшемся процессе включения чукчей в российское подданство в XVIII в., посредством Анадырской секретной экспедиции, ряда военных походов и других мероприятий¹¹. В 1760 г. главным командиром Анадырского острога Сенат утвердил подполковника Ф. Плениснера, который на основе кропотливого анализа финансовых затрат, опроса казаков, чукчей сделал вывод о военной нецелесообразности и экономической невыгодности Анадырского острога и в 1764 г. предложил его ликвидировать. В результате был издан указ, утвержденный в 1766 г.

В. О. Шубина, Н. Ф. Грызуновой. С. 3–86; *Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954. С. 429; *Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957. С. 175–176; *Горшков Г. С.* Вулканизм Курильской гряды. М., 1967. С. 8–10; *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982. С. 67–68; *Хартанович М. В.* К истории приобретения коллекций по этнографии народов островов Тихого океана для Кунсткамеры Академии наук во второй половине XVIII в. // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5. С. 147–149; *Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович; отв. ред. Н. П. Копанева, Ю. К. Чистов.* СПб., 2014. С. 635–637.

⁹ У этого сотника был двоюродный брат — однофамилец, погибший на Камчатке при извержении вулкана в 1778 г. (*Горшков Г. С.* Вулканизм Курильской гряды. С. 9).

¹⁰ [*Черный И.*]. Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Черным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествию и усмотренным на оных примечаниях в расстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем. 1769 г. не ранее сентября 25 // Полонский А. С. Курилы // Зап. ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1871. Т. IV. С. 56–72.

¹¹ *Костанов А. И.* Документальная история Сибири XVII — середина XIX вв. (Историко-архивоведческое исследование). Владивосток, 2007. С. 147–149; *Алексеев А. И.* Береговая черта. Магадан, 1987. С. 44; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии: сб. документов. М., 1951. С. 399; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 82; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. С. 457; *Зуев А. С.* Приказчики камчатских островов в 1700–1731 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 2003. Т. 4. С. 71; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. VII. Ст. 5051; *Зуев А. С.* К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30–70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 1995. Т. 2. С. 231–237; *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 70–74; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М., 1965. С. 134–136; *Майдель Г. Л.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах. СПб., 1894. Т. I. С. 179; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759–1772 г. // Морской сборник. 1869. № 6. С. 41–42; *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 76, 80.

Екатериной II, об упразднении Анадырской крепости. Ф. Плениснер занимался организацией перевода гарнизона, перевозки различного имущества в Гижигинскую крепость, Охотский порт.

В этот же сложный период Плениснер несколько раз пытался направить тойонов Шумшу и Парамушира для обследования Курильских островов¹². В частности, в соответствии с инструкцией Соймонова, он в 1764 г. на Камчатке поручил это дело камчатскому тойону Я. Бутину, который согласился сделать айнов подданными Российской империи, но в следующем году Бутин умер. В 1765 г. Плениснер поручил исполнение инструкции Соймонова камчатскому командиру капитан-лейтенанту И. С. Извекову. Для приведения айнов в подданство был послан тойон Н. Чикин, получивший в январе 1766 г. инструкцию Большерецкой канцелярии, но также внезапно умерший в том же году. Таким образом, задание Соймонова—Плениснера выполнял сотник Иван Черный в 1766–1769 гг.

Попытки привести айнов в российское подданство и установить торговые отношения с Японией были продолжены действиями иркутского губернатора А. И. Бриля¹³, который выслал в ноябре 1772 г. инструкцию об организации экспедиции очередному командиру Камчатки премьер-майору М. К. Бему¹⁴.

В целом, мотивация сбора этнографической коллекции была связана не только с научными целями, но с выяснением условий возможной торговли с жителями Курильских островов, с японцами, как это следует из инструкции Большерецкой канцелярии для сотника И. Черного: собирать не только сведения о географии, гидрологии и гидрографии, фауне и флоре островов, но и данные о материальной и духовной культуре, быте и хозяйстве жителей¹⁵.

Можно предположить, что часть коллекции представляет собой отдельные предметы, полученные сотником И. Черным в качестве своеобразного ясака айнов (особенно меч, отделанный драгоценным металлом), которыми Черный (как и своим дневником) хотел хоть как-то задобрить следственные органы, разбиравшие впоследствии его крайне жестокое отношение к коренным жителям Курил. Однако суд не состоялся, так как сотник И. Черный умер от оспы по прибытии в Иркутск в 1771 г.

Следует еще раз подчеркнуть роль Ф. Плениснера в процессе доставки айнской коллекции в Кунсткамеру в 1774 г. В документах Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 46–48), в работе А. И. Андреева 1948 г., в «Летописи Кунсткамеры» имеются важные сведения об этом. Иркутский губернатор А. И. Бриль общал директору Академии наук В. Г. Орлову¹⁶ о том, что еще в 1770 г. он получил от Ф. Плениснера айнскую коллекцию, собранную на Курилах сотником Большерецкого острога И. Черным. Затем она, при этом же письме, была переслана в Академию наук

¹² Полонский А. С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. Вып. 3. С. 54–57; Сгибнев А. С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией... С. 46; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 67–68.

¹³ Адам Иванович Бриль (1719–1786), генерал-поручик, второй иркутский губернатор (1767–1776).

¹⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов. М., 1989. С. 142–143.

¹⁵ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 67; Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957. С. 175–176.

¹⁶ Граф Владимир Григорьевич Орлов (1743–1831), генерал-поручик (1775), директор Петербургской Академии наук при президенте К. Г. Разумовском (1728–1803), возглавлявшем ее более пятидесяти лет с 1746 по 1798 г.

В. Г. Орлову 28 февраля 1774 г., а копия журнала сотника была отправлена в Правительствующий Сенат¹⁷.

Таким образом, Ф. И. Соймонов, Ф. Х. Плениснер, И. Черный каждый на своем посту приложили все возможные усилия для того, чтобы коллекция айнских предметов появилась в Кунсткамере в последней четверти XVIII в.

Информация о статье

Автор: Березницкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, svbereznitsky@yandex.ru.

Заглавие: Роль Ф. Плениснера в процессе сбора музейных коллекций Кунсткамеры в XVIII веке.

Абстракт: В статье рассмотрены основные этапы научно-организационной деятельности в XVIII в. прибалтийского немца Фридриха Плениснера. Он служил на различных должностях в Конной гвардии, Вятском и Якутском полках, руководил Анадырским острогом, Охотским портом и Камчаткой. Плениснер был членом Второй Камчатской экспедиции, совершил плавание на пакетботе Витуса Беринга к берегам Северной Америки, участвовал в создании географических карт. Он организовывал исследования Чукотки, Курильских островов, в результате которых были собраны ценные этнографические исторические, географические материалы о чукчах, айнах и других коренных народах северо-востока и тихоокеанского побережья. Фридрих Плениснер сотрудничал с сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым, дружил с Г. В. Стеллером, был корреспондентом Г. Ф. Миллера.

Ключевые слова: Фридрих Плениснер, XVIII век, Курилы, айны, этнографические коллекции, Кунсткамера.

Information on article

Author: Bereznitsky Sergey Vasilyevich — Doctor in History, Professor, Senior researcher, The Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, svbereznitsky@yandex.ru.

Title: The role of F. Plenisner in the process of collecting Museum collections of the Kunstkamera in the 18th century.

Abstract: The article considers the main stages of scientific-organizational activities of Baltic German Friedrich Plenisner in the 18th century. He served in various positions in the Horse guards, the Vyatka and the Yakut shelves, ran the prison Anadyr, the port of Okhotsk and Kamchatka. Plenisner was a member of the Second Kamchatka expedition, sailed on the ships of Vitus Bering to the shores of North America, participated in the creation of geographical maps. He conducted surveys of Chukotka, the Kuril Islands, which collected valuable ethnographic, historical, geographical materials about the Chukchi, Ainu and other indigenous peoples of the northeast and the Pacific coast. Friedrich Plenisner collaborated with the Siberian Governor Ivan F. Soimonov, was a friend of G. W. Steller and a correspondent of G. F. Miller.

Keywords: Friedrich Plenisner, the 18th century, the Kuril Islands, the Ainu, an ethnographical collection, Kunstkamera.

¹⁷ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII веке. Обзор источников и литературы // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / под ред. и вступит. ст. А. И. Андреева. М., 1948. С. 60; Летопись Кунсткамеры. С. 337–338.

УДК: 069.4

*Д. О. Васильева***ИРАНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПЕТРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧАРКОВСКОГО
В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

Коллекция Петра Владимировича Чарковского представляет собой одно из наиболее крупных частных собраний предметов иранского искусства, привезенных в Санкт-Петербург в конце XIX в. История ее формирования, равно как и детали биографии ее первого владельца, долгое время оставались малоизученными. В последние годы была выявлена и опубликована лишь сравнительно небольшая часть предметов этой коллекции, находящаяся в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа, однако исследования, позволяющие полностью систематизировать собрание, в музее не предпринимались. В настоящем сообщении представлены результаты архивной и музейной работы, в ходе которой впервые была предпринята попытка частично восстановить собрание и выяснить некоторые ранее неизвестные подробности, связанные с обстоятельствами его создания и последующей отправки в Санкт-Петербург¹. На данном этапе исследования оказалось возможным проследить судьбу большей части предметов, когда-то входивших в его состав, разделить их на группы в соответствии с материалами, из которых они были изготовлены, выделить основные типы изделий, подсчитать количественные характеристики, а для ряда групп материалов и отдельных предметов — уточнить или пересмотреть имеющиеся датировки и данные о месте их изготовления.

Коллекция П. В. Чарковского была оценена в 40 000 руб. и приобретена музеем Центрального училища технического рисования А. Л. Штиглица в числе первых крупных закупок в июне — июле 1886 г.² В общей сложности собрание насчитывало 767 номеров (№ 5784–6550 по инвентарю музея Штиглица³). Оно включало изделия из фаянса, фарфора, металла, стекла, камня (последние в основном были представлены резными печатями и амулетами), слоновой кости, резного и инкрустированного дерева, а также предметы текстиля, ковры, рукописи, миниатюры, произведения лаковой и станковой живописи.

В архивных материалах упомянуты следующие названия, под которыми собрание фигурировало при поступлении в музей: «Коллекция <...>, состоящая из персидских и кавказских вещей»⁴, а также «Коллекция персидских старинных вещей»⁵. В действительности эти

¹ *Васильева Д. О.* Памятники иранского искусства в России: предметы текстиля из коллекции П. В. Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа // Россия — Иран. Диалог культур. Международная научная конференция, 8 апреля 2016 года. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Сборник материалов. СПб., 2017. С. 152–159.

² Архив Государственного Эрмитажа (далее — Архив ГЭ). Ф. 1. Оп. 9. Д. 8. Л. 6 об., 57; Д. 9. Л. 84; Отдел Западноевропейского прикладного искусства Государственного Эрмитажа (далее — ОЗЕПИ ГЭ). Инвентарная книга вещей, принадлежащих музею Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Т. 1. Л. 241, 292.

³ ОЗЕПИ ГЭ. Инвентарная книга вещей, принадлежащих музею Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Т. 1. Л. 240 об. — 292, № 5784–6550.

⁴ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 8. Л. 6 об.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 84.

названия далеко не в полной мере могли отразить характер собрания, судя по сохранившимся сведениям, достаточно разнообразного по своему составу, и, по-видимому, были призваны означать лишь то, что в него вошли вещи, купленные на территории Ирана и Кавказа.

Сейчас мы располагаем некоторыми данными об основных этапах жизненного пути первого владельца этой коллекции, в большей степени, как ни странно, оказавшегося известным благодаря своей военной карьере, нежели собирательской деятельности⁶. Петр Владимирович Чарковский родился 15 апреля 1845 г., окончил Павловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального Штаба по 1-му разряду. Он вступил в службу 29 сентября 1861 г., участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в чине капитана, 22 марта 1878 г. получил звание подполковника, а с 30 августа 1878 г. находился в звании полковника. В 1879–1882 гг. Чарковский состоял на службе секретарем при российском консульстве в Трапезунде, при этом являясь, как показывает В. А. Гоков, негласным военным агентом⁷.

С 4 октября 1882 г. по 14 февраля 1885 г., в соответствии с трехлетним контрактом, заключенным с шахским правительством, П. В. Чарковский находился в Тегеране и заведовал обучением персидской кавалерии, командуя Персидской казачьей бригадой, состоявшей из трех конных полков и конной батареи. Чарковский сменил на этой должности полковника А. И. Домантовича⁸, сформировавшего бригаду по настоянию Насир ад-Дин шаха и ставшего ее первым заведующим.

В помощь заведующему назначались российские инструкторы в количестве трех офицеров и пяти урядников. Обмундирование и вооружение было дано полкам по образцу кубанских казаков. Вооружение включало кинжалы, шашки и винтовки системы Бердана № 2. Последние, в количестве нескольких сот штук, были присланы в дар вместе с комплектом патронов императором Александром II. Для нужд бригады были отведены казармы, конюшни, амбары для фуража, цейхгаузы, кухни, лазарет и прочие помещения. Учения проводились на плацу Мейдан-е Машк, располагавшемся в Тегеране по соседству с казармами бригады.

При Чарковском в состав бригады, ранее насчитывавшей два полка, вошел третий полк *мухаджиров*, и ее общая численность была доведена до 900 человек⁹. В 1884 г.

⁶ Краткие биографические сведения о П. В. Чарковском и описание прохождения им военной службы см. в: *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба: списки почетных президентов, почетных членов, лиц, принадлежавших к административной и учебной части и всех офицеров, кончивших курс Императорской военной академии и Николаевской академии Генерального штаба с 1832 по 1882 год. СПб., 1882. С. 174; *Гоков О. А.* Персидская казачья бригада в 1882–1885 гг. // *Восток (Oriens)*. М., 2014. № 4. С. 49–59; Список генералам по старшинству: составлен по 1-е января 1898 года. СПб., 1898. С. 602; Список полковникам по старшинству: исправлено по 1-е ноября [1882 г.]. СПб., 1882. С. 637.

⁷ *Гоков О. А.* Персидская казачья бригада... С. 50.

⁸ Подробнее о событиях, предвалявших формирование Персидской казачьей бригады: *Домантович (Домантович) А. И.* Воспоминание о пребывании первой Русской военной миссии в Персии // *Русская старина*. СПб., 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 331–340; Вып. 3. С. 575–583; Т. 134. Вып. 4. С. 211–216. — Подробнее об истории Персидской казачьей бригады: *Гоков О. А.* Персидская казачья бригада... С. 48–60; *Косаговский (Косооговский) В. А.* Очерк развития персидской казачьей бригады // *Новый Восток*. М., 1923. № 4. С. 390–402; *Красняк О. А.* Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России // III Научные чтения памяти профессора В. И. Бовыкина. Исторический факультет МГУ, 31 января 2007 г. Тексты выступлений // URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf (дата обращения: 01.12.2016); *Мысль-Русстем*. Персия при Наср-Эдин-шахе с 1882 по 1888 г. СПб., 1897. С. 140–151.

⁹ *Косаговский (Косооговский) В. А.* Очерк развития персидской казачьей бригады... С. 392.

к бригаде добавилась легкая батарея из четырех стальных орудий образца 1877 г. с клиновым затвором работы Обуховского завода, подаренных шаху императором Александром III в 1883 г. вместе с четырьмя передками, восемью зарядными ящиками и боевым комплектом снарядов и зарядов.

Во время нахождения Чарковского на должности заведующего обучением персидской кавалерии в бригаде появились и другие нововведения: был организован военный оркестр («хор музыки»), гвардейский полуэскадрон преобразован в эскадрон, а для ветеранов создан отдельный эскадрон. Для солдат артбатареи Чарковский составил «Руководство по обучению казачьей конной артиллерии», перевод которого вышел в Тегеране в 1885 г.¹⁰

Чарковский предпринимал ряд попыток наладить быт вверенной ему бригады и поднять ее дисциплину. Среди прочего, им была устроена дежурная комната по европейскому образцу¹¹. Кроме того, на казарменной кухне было организовано питание, что позволило Чарковскому отойти от практики выдачи на руки кормовых (порционных) денег, таким образом, более эффективно контролируя расходование выделяемых средств, однако впоследствии из-за недовольства, возникшего в рядах бригады, он был вынужден отказаться от этого решения¹². Выплаты на содержание бригады, выдававшиеся шахским правительством, поступали нерегулярно, вследствие чего Чарковскому пришлось столкнуться с финансовыми затруднениями и необходимостью серьезной экономии средств, что не могло не сказаться на качестве подготовки личного состава бригады.

Вернувшись из Ирана в июне 1885 г., Чарковский продолжил службу: до 1 июля следующего года занимал должность начальника штаба 21-й пехотной дивизии, затем был назначен начальником войскового штаба Кавказской кавалерийской дивизии, с 3 июля 1888 г. по 1 марта 1893 г. служил начальником войскового штаба Кубанского казачьего войска. 30 августа 1890 г. Чарковский получил чин генерал-майора. С 1 марта 1893 г. он состоял командиром 1-й бригады 2-й Кавказской казачьей дивизии по Кубанскому казачьему войску, 12 сентября 1897 г. был назначен командующим 4-й кавалерийской дивизией. За годы службы Чарковский был пожалован рядом военных наград: орденом Св. Станислава 3 степени (1870 г.); орденом Св. Анны 3 степени (1873 г.), орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом (1877 г.), орденом Св. Станислава 2 степени с мечами (1877 г.), орденом Св. Анны 2 степени с мечами (1877 г.) золотым оружием (1879 г.), орденом Св. Владимира 3 степени (1887 г.), кроме того, имел две иностранные награды: иранский орден Льва и Солнца 1 степени (1886 г.) и черногорский орден Князя Даниила I 2 степени (1886 г.)¹³.

Очевидно, именно в период прохождения службы в Тегеране с 1882 по 1885 г. Петром Владимировичем была приобретена основная часть коллекции, поступившей в музей Штиглица уже на следующий год после его возвращения из Ирана. Русскоязычные пометы, нанесенные карандашом на оборотную сторону иранских фаянсовых изразцов, некогда принадлежавших его собранию: «2 Ноября 84 г.» (инв. № Ир-1284) и «3 Мая 85 г. 1 тумань» (инв. № ВГ-1412), возможно, сделанные рукой самого Чарковского, подкрепляют предположение о времени и обстоятельствах формирования коллекции.

¹⁰ Крaснaк О. А. Русская военная миссия в Иране... С. 3 // URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

¹¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-шахе... С. 143.

¹² Там же. С. 145.

¹³ Список генералам по старшинству... С. 602.

Трудно установить, какими именно предпочтениями руководствовался Чарковский при отборе предметов, был ли его выбор целенаправленным, полагался ли он только на свой художественный вкус или следовал советам местных антикваров и любителей старины. Подробное знакомство с коллекцией подсказывает, что в сферу интересов этого собирателя попали самые разнообразные произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Состав коллекции неравномерен и, вероятно, отражает не только личные интересы и пристрастия ее владельца, в большей степени ориентированного на приобретение фаянсовых и фарфоровых изделий, но и возможности художественного рынка, существовавшего в то время в Иране.

Сохранились свидетельства, подтверждающие то, что коллекция была обнаружена на Кавказе¹⁴ и заинтересовала Александра Александровича Половцова, посчитавшего необходимым приобрести ее для музея Штиглица. 16 февраля 1886 г. А. А. Половцов оставляет в своем дневнике следующую запись: «Ген. Чарковский и его коллекция, найденные на Кавказе Бобринскими. Уговариваемся выставить его коллекцию в нашем музее с тем, чтобы договориться впоследствии о подробностях покупки»¹⁵.

После закрытия музея Штиглица его фонды, среди которых находилась и коллекция Чарковского, перешли в ведение Первого Филиала Эрмитажа, а впоследствии были переданы по принадлежности в соответствующие научные отделы музея. В ходе изучения музейной документации нами была выделена значительная группа предметов из собрания Чарковского, переданная в Отдел Востока в период 1924–1932 гг. Установлено, что в эти годы в Отдел Востока поступило не менее 510 номеров, ранее находившихся в бывшей коллекции Чарковского, шесть из которых в 1930–1950-е годы оказались выданы в другие музеи СССР. Идентифицировать еще 43 номера, отмеченные в актах поступлений как принятые в Отдел Востока, пока не представляется возможным. Таким образом, на сегодняшний день в хранении отдела насчитывается 461 номер из коллекции Чарковского. В Эрмитаже им были присвоены новые инвентарные номера, при этом был введен иной подсчет количества предметов, в результате чего количество старых номеров перестало соответствовать нынешнему количеству инвентарных номеров (580) и предметов (581). Помимо вещей собственно иранского производства, составлявших основную часть собрания, в нем можно выделить небольшую группу изделий, изготовленных на Кавказе, а также предметы индийского и турецкого декоративно-прикладного искусства. Включение в собрание ряда предметов, изготовленных и приобретенных на Кавказе (на что, в частности, прямо указывают записи инвентаря музея Штиглица № 6175–6176, соответствующие нынешним инв. № VC-681–682), подтверждает, что круг поисков Чарковского при формировании коллекции действительно не был ограничен исключительно Ираном.

Выяснить судьбу остальных 257 номеров этой коллекции пока не удастся. Старые инвентарные описания свидетельствуют о том, что в собрание были включены многочисленные образцы китайского и японского фарфора, отдельные предметы, относящиеся

¹⁴ Рукописный отдел Научного архива Института материальной культуры Российской академии наук (далее — ИИМК РАН). Ф. 1. 1896 г. Д. 140. Л. 1; *Стеганцева В. Я., Рысин М. Б.* Императорская Археологическая Комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / научный ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 712.

¹⁵ *Адамова А. Т.* Персидские миниатюры и рисунки // Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций: каталог выставки «Государственный Эрмитаж». СПб., 2004. С. 68; Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова / под ред. П. А. Зайончковского. Т. 1: 1883–1886. М., 1966. С. 391.

к западно-европейской работе, а кроме того — предметы иранского оружия и представительный нумизматический раздел, состоявший не только из восточных, в том числе Сасанидских, но также из греческих, римских и византийских монет.

Известно, что в 1889 г. нумизматическая часть коллекции Чарковского привлекла внимание Императорской археологической комиссии¹⁶, и 3 марта 1890 г. она была осмотрена в музее Штиглица бароном В.Г. Тизенгаузеном и консерватором Минцкабинета Императорского Эрмитажа А.К. Марковым. После посещения музея и работы с коллекцией ими был подготовлен список из десяти монет — трех золотых и семи серебряных, — шесть из которых были отчеканены в правление династии Сасанидов при Хосрове I, Ормузде IV и Хосрове II, а еще четыре относились к исламскому времени. Вскоре граф А.А. Бобринский обратился к директору Центрального училища технического рисования А.Л. Штиглица М.Е. Месмахеру с просьбой «уступить» монеты Археологической Комиссии для Императорского Эрмитажа с целью восполнения пробелов в нумизматической коллекции последнего. На свой запрос Бобринский получил от директора училища вежливый, но твердый отказ. Основанием для отказа стал пункт из статьи Высочайше утвержденного Положения, согласно которому «поступившие в музей Училища предметы, составляя неприкосновенную собственность Училища, ни в каком случае не могут быть отчуждаемы»¹⁷.

Согласно пометам, оставленным в инвентаре музея Штиглица, и актам передачи, обнаруженным в Архиве Государственного Эрмитажа, в 1920-е годы 39 образцов иранского оружия (№ 6186–6194, 6199–6211, 6214–6226, 6228–6232) были выданы в Арсенал¹⁸, а монеты в количестве 121 штуки (№ 6427–6547) оказались в Отделе нумизматики¹⁹, однако выявление этих предметов в фондах соответствующих отделов требует дополнительных изысканий. Еще один предмет коллекции, бархатная попона, шитая шелком, золотой и серебряной нитью (№ 6312), была выдана по акту № 7 от 19 мая 1925 г. в бывший Конюшенный музей, в то время — Второй Филиал Эрмитажа²⁰, однако сведения о ее нынешнем местонахождении не обнаружены.

Среди архивной документации сохранились опись передаваемых вещей, в которой предметы были систематизированы по материалам²¹, и небольшое дополнение к ней²², по всей вероятности, составленные при получении собрания в ходе его первичной обработки, предварявшей инвентаризацию. При сопоставлении трехзначных номеров, нанесенных чернилами на подкладочную ткань двух салфеток и внутреннюю часть патронташа, принадлежащих коллекции Чарковского, с черновой описью, удалось установить, что они соответствуют нумерации, приведенной в ней (№ 549, инв. № VT-1262; № 550, инв. № VT-1258; № 596, инв. № VT-293).

С достаточной степенью уверенности мы можем предположить, что музейные инвентарные описания делались в соответствии с перечнем передаваемых предметов, по всей видимости, составленным не без участия самого Чарковского. Сведения относительно принимаемых вещей, внесенные в инвентарь музея Штиглица, зачастую совпадают

¹⁶ Рукописный отдел Научного Архива ИИМК РАН. Ф. 1. 1889 г. Д. 3. Л. 24–29 об.

¹⁷ Там же. Л. 29 об.

¹⁸ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 54. Л. 9–11.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Д. 9. Л. 85–96.

²² Там же. Л. 97.

с записями, отмеченными в перечне. Иногда текст описаний воспроизводился полностью, тогда как в ряде случаев при переносе опускались некоторые детали, казавшиеся составителю не столь существенными, или же инвентарное описание, напротив, расширялось. В опись также включен развернутый комментарий, не вошедший в основной инвентарь. Он касался одного из разделов, объединивших группу предметов из стекла: «Весь отдел стекла представляет еще задачу для решения: делалось ли это стекло в Персии, или оно гонуэзское, существуют убеждения, что гонуэзцы около XVII века научили персов лить стекло таких образцов, которое представлено в этом отделе»²³. Кроме того, в конце описи имеется следующая помета, в которой перечислена упаковочная тара для ряда предметов оружия коллекции: «Не в счете номеров: кусок синей материи вроде парчи и семь кожаных отдельных футляров для укладки шлемов, нарукавников, кирасы и щита»²⁴.

Есть основания считать, что Чарковский имел некоторое, пусть не всегда полное, представление о функциональном назначении собираемых им вещей. Об этом свидетельствуют подробные записи в черновом перечне и в инвентаре музея Штиглица, в отдельных случаях содержащие персидские наименования — иногда искаженные — тех или иных предметов и комментарии, касающиеся особенностей их применения. Так, в описаниях предметов этой коллекции в инвентаре музея Штиглица встречаются следующие персидские слова и названия: *аб табэ* («*афтабе*», кувшин), *леген* («*лаган*», таз), *гуль-аб-паиш* («*гулабпаиш*», ароматник, бутылка для розовой воды), *черад* (искаж. «*чераг*», светильник), *сина-банд* («*синибанд*», нагрудник), *даст-банд* («*дастбанд*», наручь), *калемдум* (искаж. «*каламдан*», пенал для письменных принадлежностей), *тагче-пуш* («*тагчепуш*», салфетка, покрывающая стенную нишу), *нахи* («*накиш*», «*накше*», вышивки для женских шаровар), *нескх* («*наскх*», почерковый стиль *наск*).

Составитель описаний демонстрирует осведомленность относительно предназначения некоторых предметов и особенностей их использования и в нескольких случаях, когда на самом предмете имеется дата его изготовления, приводит датировки по лунной хиджре (инв. № VT-262, инв. № ИР-2068).

Для некоторых предметов в инвентаре музея Штиглица прямо указаны места их приобретения или находки, изредка — имя мастера или бывшего владельца. Тем не менее, в ряде случаев описания, изобилующие историческими деталями, оказываются спорными. Определенные сомнения в достоверности вызывают как часть общих датировок, так и замечания, касающиеся места изготовления предметов, вероятно, приводимые Чарковским со слов местных жителей.

В частности, под номером 6053 в коллекции значился «Изразец фаянсовый, с рельефной фигурой всадника, в персидском костюме, с соколом, сидящим на руке, и с цветами и листьями, оставленными белыми на голубом фоне. Из развалин Ферабада, дворцовой бани Шаха Аббаса, разрушенной Авганцами в 1721 г., в окрестностях Испагани», датировемый XVII в. и локализуемый Исфаганом²⁵. Хотя данный изразец (инв. № VI-1643) изображает всадника в костюме сефевидского времени, по своим стилистическим особенностям и технике изготовления он может быть отнесен к XVIII–XIX вв. и вряд ли имеет прямое отношение к предшествующей эпохе Каджаров сефевидской художественной традиции, достигшей наиболее яркого выражения в правление шаха Аббаса I.

²³ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 9. Л. 89 об.

²⁴ Там же. Л. 96.

²⁵ ОЗЕПИ ГЭ. Инвентарная книга вещей, принадлежащих музею Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Т. 1. Л. 265 об. — 266, № 6053.

Неверную атрибуцию получил и другой фаянсовый изразец (инв. № Аз-46) как поступивший из мечети в г. Кум в Иране. Как позднее установила В. А. Крачковская, этот изразец происходит из мавзолея Пир Хусейн в Азербайджане²⁶.

Два глиняных блюда (инв. № VG-1560–1561) со штампованным орнаментом, покрытые марганцево-медной поливой, записанные в инвентарь музея Штиглица как предметы русской работы, должны быть отнесены к испикской керамике, произведенной на территории Дагестана²⁷.

Таким образом, инвентарные записи, равно как и предварившая их составление краткая перечневая опись, не могут рассматриваться как однозначно надежный и достоверный источник и, безусловно, нуждаются в серьезном критическом анализе.

По своему составу коллекция Чарковского, в том виде, в котором в настоящее время ее оказалось возможным выделить в фондах Отдела Востока Эрмитажа, во многом перекликается с аналогичными крупными европейскими собраниями иранского искусства, сложившимися во второй половине XIX в., хотя по ряду направлений подчас уступает им в разнообразии.

Самым ранним предметом коллекции, обнаруженным в фондах Отдела Востока Эрмитажа, можно считать сасанидскую яшмовую печать VI—первой половины VII в. (инв. № Гл-447), в то время как позднейшие предметы в составе коллекции уверенно датируются серединой—второй половиной XIX в.

Наиболее внушительную часть собрания составляют предметы керамического производства (224 номера по инвентарю музея Штиглица) и изделия из металла (79 номеров по инвентарю музея Штиглица), большинство из которых относится к работе иранских мастеров. В составе фаянсовых изделий выделяется небольшая группа люстровых и кобальтовых изразцов XIII–XIV вв. Группа поздних фаянсов, в основном относящаяся к концу XVI—XVIII в., включает блюда, тарелки, подносы, разнообразные сосуды—кувшины, бутылки, вазы, чашки, кружки, плевательницы, тулова кальянов и др.

Металлические изделия преимущественно состоят из предметов домашней утвари: кувшинов, чаш, котелков, ведерок, тазов, а также подсвечников, оснований светильников и др. Среди изделий из металла присутствуют вещи, изготовленные не только на территории Ирана, но и в других регионах исламского мира. В числе образцов наиболее ранних исламских бронзовых изделий находятся хорасанский котелок второй половины XII в. (инв. № ИР-1489), группа кувшинов, один из которых (инв. № ЕГ-1339) произведен в Ираке в конце XII—первой половине XIII в., сирийская пиксида с крышкой XIII в. (инв. № ИР-1490), иранское ведерко (инв. № ИР-1484), датированное 1332–1333 гг., изготовленное мастером Мухаммад-Шахом аш-Ширази, благодаря нисбе мастера связываемое А. А. Ивановым с металлическим производством в Фарсе, и ряд других изделий.

Среди остальных предметов этой коллекции можно особо отметить группу иранских и индийских миниатюр XVII–XIX вв., а также образцы иранской лаковой живописи (пеналы-каламданы, футляры для зеркал, коробки, игральные карты, крышки переплета, подставка для чтения книг—*рахле*), сосуды из стекла (бутылки, ароматники, кувшинчики) и предметы текстиля, преимущественно иранского производства (тканые и шитые салфетки, покрывала, наволочки на подушки, молитвенные коврики, кисеты, вышивки для женских шаровар и др.), относящиеся к XVIII–XIX вв.

²⁶ Крачковская В. А. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946. С. 33, 149; таб. XXVI, 1.

²⁷ Подробнее об испикской керамике: Дагестанские этнографические экспедиции Е. М. Шиллинга [1944–1946]. М., 2013. С. 79, рис. 30; С. 80.

После продажи коллекции музею Штиглица интерес ее бывшего владельца к собирательской деятельности не исчез, но, напротив, получил неожиданное продолжение в 1896 г., когда, обратившись в Императорскую археологическую комиссию, он получил открытый лист и на собственные средства провел раскопки 22 погребений Тазакендского могильника, находящегося в 12 км от Еревана²⁸. Погребения, раскопанные Чарковским, относились к эпохам средней и поздней бронзы. Материал, найденный при раскопках, вскоре был передан в Государственный музей Грузии (ныне Музей Грузии им. Симона Джанашия, входящий в Грузинский национальный музей). Он включал 73 номера, в числе которых находились глиняные сосуды, медные ножи, иглы, пуговицы, кольца, браслеты, сердоликовые бусы и прочий инвентарь. Позднее для этого же музея была приобретена другая часть археологических находок, в свое время оставшаяся у Чарковского²⁹. А. А. Бобринский, получив в июле 1896 г. обращение Чарковского, испрашивавшего разрешение на раскопки, переслал письмо Чарковского В. Г. Тизенгаузену, сопровождая его следующими комментариями: «<...> Это умный и энергичный человек; не знаю, какова его научная подготовка; но это тот самый, которого коллекция, через мое посредство, приобретена из Темихан шурь³⁰ для музея Штиглица. Путем официальной переписки, думаю, можно бы в нем иметь полезного сотрудника, но надо послать ему наши условия совершенно категорично, с точками на „и“»³¹. Так выяснилась последняя деталь, связанная с приобретением коллекции: на момент покупки, совершенной при участии А. А. Бобринского, она находилась в городе Темир-хан Шура в Дагестане, откуда, очевидно, впоследствии и была вывезена в Санкт-Петербург.

Информация о статье

Автор: Васильева Дарья Олеговна — заведующая сектором Византии и Ближнего Востока Отдела Востока, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия, daria_vasia@mail.ru.

Заглавие: Иранская коллекция Петра Владимировича Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа.

²⁸ Белова Н. А. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела научного архива Института истории материальной культуры РАН // Императорская Археологическая Комиссия... Приложение. С. 54; Длужневская Г. В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2014. С. 22–23, 196; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1: Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941. С. 6; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 48; Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 144; Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949. С. 43; Рукописный отдел Научного Архива ИИМК РАН. Ф. 1. 1896 г. Д. 140; Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская археологическая комиссия... С. 712–713; Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея. Т. V: Археология. Тифлис, 1902. С. 119–123; Фотоотдел Научного Архива ИИМК РАН. П 26020–26022, П 7028–7029 (К 1896 г. состоявший в чине генерал-майора, в документах Императорской Археологической Комиссии и переписке его членов Чарковский ошибочно назван полковником).

²⁹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки... С. 174, примеч. 31; Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская Археологическая Комиссия... С. 713.

³⁰ Темир-хан Шура, совр. Буйнакск.

³¹ Рукописный отдел Научного Архива ИИМК РАН. Ф. 1. 1896 г. Д. 140. Л. 1. — Цитата в урезанном и искаженном виде приведена в: Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская Археологическая Комиссия... С. 712.

Абстракт: Статья посвящена исследованию истории коллекции, некогда принадлежавшей П. В. Чарковскому. В 1882–1885 гг. Чарковский находился в Иране, где заведовал обучением персидской кавалерии, командуя Персидской казачьей бригадой. Им было сформировано уникальное по своему объему и составу собрание, приобретенное музеем Центрального училища технического рисования А. Л. Штиглица в 1886 г. в числе первых крупных закупок и после закрытия музея оказавшееся в Эрмитаже. В ходе работы с архивными и музейными материалами в фондах Отдела Востока Эрмитажа удалось выявить 461 из 767 старых номеров этой коллекции, соответствующих нынешним 580 инвентарным номерам и 581 музейному предмету. Среди них изделия из фаянса, фарфора, металла, стекла, резного камня и слоновой кости, резного и инкрустированного дерева, предметы текстиля, ковры, рукописи и миниатюры, лаковая и станковая живопись.

Ключевые слова: Иран, П. В. Чарковский, музей Центрального училища технического рисования А. Л. Штиглица, Эрмитаж.

Information on article

Author: Vasilyeva Daria Olegovna—Head of the Byzantine and the Near East Section of the Oriental Department, The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia, daria_vasia@mail.ru.

Title: Iranian collection of Pyotr Charkovsky in the State Hermitage Museum.

Abstract: The present paper focuses on the history of the former collection of Pyotr Charkovsky. In 1882–1885 Charkovsky stayed in Iran, where he held the position of the Head instructor of the Persian cavalry and was in command of the Persian Cossack brigade. There he formed the bulk of his collection, unique in terms of number and diversity, which was acquired in 1886 by the Museum of A. Stieglitz Central School for Technical Drawing as one of its first major purchases. After the closure of the museum the collection was transferred to the Hermitage. So far, due to the study of museum and archival materials, we have been able to trace 461 out of 767 old inventory numbers of his collection, equivalent to 580 current inventory numbers and 581 museum objects, now stored in the Oriental Department of the Hermitage Museum. They include faience ware, porcelain, metalwork, glassware, carved stone and ivory, carved and inlaid wood, textiles, carpets, drawings, manuscripts and miniatures, lacquerware and paintings.

Keywords: Iran, Pyotr Charkovsky, Museum of A. Stieglitz Central School for Technical Drawing, the Hermitage.

УДК 069.5

М. П. Трусова

ГЛИНЯНЫЕ КИСЕЛЬНИЦЫ СЕЛА БОГОРОДСКОГО
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX века В СОБРАНИИ
НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее — НГИАМЗ) находится большая коллекция глиняной посуды. Она отражает развитие крупных гончарных центров Нижегородского края за длительный период времени. В процессе изучения этой коллекции для каждого центра определяются особенности способов производства, используемые материалы, характерные виды и формы предметов. Такая систематизация необходима для дальнейшей успешной работы по атрибуции предметов, пополняющих собрание музея-заповедника и находящихся на хранении в музеях Нижегородской области.

Научное описание керамики предполагает определение точного наименования предмета, материала и техники его изготовления, а также назначения. В совокупности эта информация может указывать на место и время производства. Приступая к научному описанию групп однородных предметов из глины — крынок, кувшинов и т. п., — особенно важно и сложно сгруппировать их в соответствии с центрами производства. Рассмотрим один из способов решения этой задачи на примере изучения кисельниц из собрания НГИАМЗ.

В коллекции музея-заповедника находится 25 кисельниц. Само название предмета не единственное, кроме него встречаются и другие: форма для заливного, студеница. Но обратимся к определителю памятников материальной культуры «Хозяйство и быт русских крестьян», составленному сотрудниками Государственного исторического музея и Центрального этнографического музея: «В зажиточных хозяйствах пользовались также кисельницей — посудой для киселя: в центральных губерниях — глиняной с поливой (муравленой). В Пермской губернии кисельницы делались чугунного каслинского литья, на Севере пользовались деревянной кисельницей точеной (иногда окрашенной с росписью)»¹. Действительно, для Нижегородской губернии как одной из центральных характерны кисельницы из красной или белой глины с поливой разных оттенков. Горячий кисель заливался в кисельницу для застывания, и в итоге имеющийся на дне кисельницы орнамент отпечатывался на готовом кушанье. Кисельницы могли использоваться и для приготовления холодного (холодца, студня, заливного), но не наоборот. Дело в том, что кисель — это русское традиционное блюдо, широко распространенное в первую очередь в крестьянской среде, его готовили повсеместно и ежедневно в отличие от мясного холодного, которое крестьяне могли себе позволить лишь в дни, свободные от постов, и в праздники. Остановимся на истории киселя чуть более подробно, так как значение

¹ Бежкович А. С., Жегалова С. А. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель. М.: Советская Россия, 1959. С. 189.

этого кушанья в жизни наших предков обуславливает и появление специальной посуды для его приготовления.

Согласно словарю В. Даля, кисель— это «(кислый) мучнистый студень»². Тут же автор перечисляет виды киселя, существовавшие на Руси: «овсяный, ржаной, пшеничный кисель, ставится на опаре и закваске; гороховый, пресный»³. Выделение горохового киселя связано с тем, что его при приготовлении никогда не заквашивали.

Что касается способа приготовления, то он чаще всего был таким: «Растворив в воде ржаную муку с отрубями, подбавляли закваски и давали ей „укинуть“. Потом, процедив раствор и откинув отруби, добавляли еще воды; когда вся эта масса „устоится“, на дне оседает гуща; заваривали ее кипятком и продолжали варить размешивая, а затем разливали в миски или тарелки и давали остыть»⁴.

Кисель был ритуальным блюдом на поминках наряду с кутьей и другими: «Дмитриевская суббота, одна из важнейших поминальных. В это время поминающие готовят угощение, — кутья, кисель с сытою и молоком, пироги, блины, коржи, кныши, резки или лепешки, пиво и водка, суть неперменные принадлежности при поминании»⁵. Кисель не обходили вниманием, готовя и свадебный стол: «Для застолья во второй свадебный день готовили те же блюда, что были на столе и накануне. Сразу к завтраку, кроме стряпни, выставляли горячие щи или суп, несколько тарелок разных каш с маслом и медом, овсяный и гороховый кисели»⁶. И при всем при этом кисель оставался неотъемлемой частью повседневного стола: «Кисели— овсяный, гороховый и гречневый... в крестьянской семье подавали за завтраком в горячем виде, в обед— в холодном, разрезая его на куски и обливая растительным маслом»⁷. Гороховый кисель покупали и ели в основном на базарах, дома его не готовили, так как «горох, хотя и высевался почти в каждом крестьянском хозяйстве, съедался еще зеленым— он составлял лакомство для детей»⁸.

Как видно из вышесказанного, кисель был постоянным блюдом на столе наших предков и имел ритуальное значение, поэтому его можно считать первостепенным по отношению к холодному, и для обозначения специальной посуды следует остановиться на термине «кисельница». Но стоит отметить, что значение этого термина неоднозначно. Дело в том, что от слова «кисель» произошло название профессии— кисельник (по аналогии со сбитенщиком). Это слово употреблялось и в женском роде, то есть под кисельницей может подразумеваться и женщина, которая готовила и продавала на базаре кисель⁹. Подобную вариативность значений важно учитывать при исследованиях.

После решения вопроса с терминологией необходимо перейти к работе над другой проблемой— определению места производства предметов и группировке их по данному критерию. Сведения из книг поступления оказались довольно скудными, так как многие кисельницы были приобретены у частных лиц, которые не предоставили исчерпывающей

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И–О. М.: А.О. Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 275.

³ Там же.

⁴ *Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 149.

⁵ *Тереженко А.* Быт русского народа. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1848. С. 129.

⁶ *Березин П. А.* Свадьба в Заветлужье. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981. С. 166.

⁷ *Материалы и исследования по этнографии...* С. 206.

⁸ Там же. С. 159.

⁹ *Ефремова Т. В.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А–О М.: Русский язык, 2000. С. 668.

информации о предметах. Но один из предметов имеет штамп, на котором указаны место производства и имя мастера. Этот предмет стал точкой отсчета в исследовании, именно его тщательное изучение позволило идентифицировать группу кисельниц, произведенных в селе Богородском в конце XIX—начале XX в., в составе коллекции глиняной посуды НГИАМЗ и затем выделить их характерные особенности.

Итак, на дне кисельницы (НГИАМЗ, ГОМ 20388-2) расположен штамп с надписью: «Горшечное заведение. Почетный отзыв. Нижегородская выставка 1885 г. В. Л. Стешовъ въ с. Богородскомъ» (илл. 1, 2). Проанализируем данную надпись. Село Богородское Горбатовского уезда (современный город Богородск Нижегородской области) было важнейшим центром гончарного производства Нижегородской губернии. Предположительно родоначальниками этого ремесла стали первые жители села—выходцы из Великого Новгорода, высланные в 1570 г. из города Иваном Грозным. Быстрому становлению и развитию гончарства способствовало наличие в Горбатовском уезде высококачественной красной глины в деревне Высоково и широкие возможности сбывать товар, отправляя его по Волге до Астрахани¹⁰. Ассортимент изготавливаемой посуды был очень широк, помимо традиционных были и изделия, отличавшие богородских мастеров: «большие трудоемкие лотки для жарения рыбы, „картовники“—плоские для картошки, огромные „варенные“ тазы для варенья»¹¹. К таким характерным вещам можно отнести и богородские кисельницы. Причем стоит отметить, что в с. Богородское сам кисель называли выгонщиком, то есть он был последним блюдом на праздничном столе, и, подав его, гостям намекали, что «пора и честь знать». А если вдруг гости были незваными или нежеланными, то хозяйка и вовсе могла выставить кисель первым на стол¹². Из-за возникновения специфического местного названия можно предположить, что здесь кисель был в первую очередь праздничным кушаньем, и нарядная кисельница с орнаментом была в каждом доме, так как «мастерам приходилось учитывать... бытующие в каждой местности локальные или национальные традиции»¹³. Кроме этого «большим спросом пользовалась посуда поливная, то есть покрытая легкоплавкими глазурями»¹⁴. Для приготовления поливы обычно использовались окись свинца, марганец, окись меди, сурик, что придавало ей разные цвета (соответственно желтый, коричнево-фиолетовый, зеленый, красновато-коричневый)¹⁵. Среди изделий богородских мастеров чаще всего встречаются покрытые красновато-коричневой поливой.

Масштабы гончарного производства в Богородском были велики, мастера занимали отдельную часть поселения: «гончары жили в самом отдаленном конце поселения, носящем название Вадского, а местные жители в насмешку называли это место Адским концом, намекая на сосредоточенные там печи горшечников»¹⁶. Там в конце XIX—начале XX в.

¹⁰ Русское гончарное искусство XIX—начала XX века. Каталог выставки из собрания Загорского музея. М.: Советский художник, 1976. С. 44.

¹¹ Там же.

¹² Записано М. П. Трусовой от Марины Алексеевны Смирновой, директора Богородского исторического музея, 31 мая 2014 г.

¹³ Гусарова Т., Шмелев Е. Гончарные промыслы Нижегородчины // URL: www.opentextnn.ru. С. 4. (дата обращения: 08.07.2014).

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Карпов А. Промыслы села Богородского и его окрестностей, Горбатовского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб.: типография В. Киршбаума, 1883. Вып. IX. С. 2432.

Илл. 1

Илл. 2

размещалось «до сорока мастерских-заводов, в которых работали целыми семьями до четырехсот горшечников. До пятнадцати наемных мастеров числилось на пяти-шести наиболее крупных заводах»¹⁷. Одним из самых известных родов потомственных гончаров являлся род Шешовых. Он даже вошел в местные поговорки: «у нас все хороши — и Шешы, и Колешы», «в Адском конце кого не ищи — всюду Колешы и Шешы»¹⁸. Большой род Шешовых разделялся на четыре семьи: Шешовы-Черепочковы, Шешовы-Барбосовы, Шешовы-Калинкины и Шешовы-Санкины. Сама же фамилия предположительно образовалась от словосочетания «с Шешы», что обозначает происхождение семьи с берегов реки, являющейся правым притоком Оки. Гончары Шешовы проживали в Богородском в районе современной улицы Кирова. Там, видимо, находилась и мастерская, где была изготовлена наша кисельница со штампом. Мастерская принадлежала Василию Леонтьевичу Шешову и была известна своими изделиями, раз качество продукции отмечено почетным отзывом на Нижегородской кустарно-промышленной и сельскохозяйственной выставке 1885 г. Из указателя экспонентов выставки можно получить следующую информацию о мастерской: «Шешов Василий Леонтьевич, крестьянин с. Богородского, Горбатовского уезда. Горшечное производство. Заведение находится в с. Богородском, в нем имеется 6 кругов и 2 горна. Рабочих 3 чел. Ежегодное производство до 50 т. шт. разных сортов на сумму 970 р. Материалы: глина берется из гор при дер. Высоково, Горбатовского уезда, а сурик покупается в гор. Ярославле. Изделия сбываются в с. Богородском и в низовьях Волги»¹⁹. Также мастер упоминается и в книге П. А. Орлова «Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского» в разделе «Гончарное и изразцовое производство»: «Шешев Василий Леонтьевич, с. Богородское, 1860, производство в тыс. рублей — 2 тысячи, рабочих — 2 человека»²⁰. Итак, можно заключить, что мастерская В. Л. Шешова была средней по размеру и типичной для Богородского, и, следовательно, с помощью изготовленной в ней кисельницы возможно путем сравнения материалов, форм, орнаментов идентифицировать другие предметы.

¹⁷ Русское гончарное искусство... С. 44.

¹⁸ Записано М. П. Трусовой от Марины Алексеевны Смирновой, директора Богородского исторического музея, 31 мая 2014 г.

¹⁹ Нижегородская кустарно-промышленная и сельскохозяйственная выставка. Алфавит гг. экспонентов. Нижний Новгород, 1885. С. 64.

²⁰ Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887.

Рассмотрим вторую кисельницу (НГИАМЗ, ГОМ 21132-5). На ней расположены штампы с растительным орнаментом, идентичные штампам на кисельнице В.Л. Стешова: на дне — букет из цветка типа ромашки и трех листьев, на бортах — орнаментальная полоса из стилизованных цветов (илл. 3). Учитывая также сходство материалов, можно заключить, что данный предмет также изготовлен в Богородске, возможно даже в мастерской В.Л. Стешова. Если сравнить его с третьей кисельницей (НГИАМЗ, ГОМ 19331), то заметно, что использованы те же штампы, что и на второй — рябинообразные листья и стилизованные цветы, но работа чуть более грубая, не подходящая под стандарт мастерской Стешова, отмеченной наградой Нижегородской выставки 1885 г., однако это уже, несомненно, работа мастеров из Богородского (илл. 4). Четвертая кисельница (НГИАМЗ, ГОМ 20388-3) по стилю вдавленного орнамента сходна с первой и второй из Богородска (илл. 5). Также близкий по форме и орнаменту богородский предмет представлен в каталоге выставки из собрания Загорского музея «Русское гончарное искусство XIX — начала XX века» под № 121 — «Форма для заливного „студеница“, 1926, Исполнил Зобнин Николай Васильевич»²¹.

Илл. 3

Илл. 4

Еще две кисельницы из коллекции НГИАМЗ можно отнести к этой группе. Это удалось установить уже после знакомства с предметами из коллекций Богородского исторического музея и Музея керамики в Богородском центре гончарного искусства.

Сравним пятую кисельницу из собрания НГИАМЗ (ГОМ 23114-12, илл. 6) с двумя кисельницами из богородских музеев (илл. 7, 8). Появляется другая форма — в основании кисельница овальная, а борта теперь проработаны ребрами. Что касается орнамента, то некоторые элементы нам уже знакомы — это букеты и орнаментальные полосы из стилизованных цветов. Но появляется и новый элемент — инициалы из двух или трех букв. Путем сравнения букв «К» и характерных крупных точек можно определить, что использовались подобные штампы. Довольно сложно сказать, кому именно могли принадлежать инициалы на кисельницах — конкретному мастеру, владельцу мастерской или даже, возможно, заказчику.

Шестая кисельница из собрания НГИАМЗ (ГОМ 21132-6, илл. 9) также может войти в богородскую группу, орнаментацией она близка к нескольким кисельницам из Музея керамики (илл. 10, 11).

²¹ Русское гончарное искусство... С. 22, 78.

Илл. 5

Илл. 6

Илл. 7

Илл. 8

Илл. 9

Илл. 10

Вообще в музеях Богородска хранится большое количество кисельниц, изготовленных местными мастерами, на них встречаются штампы с именем мастера В. Л. Стешова

и уже знакомые нам варианты стилизованных растительных орнаментов в новых комбинациях. Это позволяет подтвердить правильность первоначальных выводов о происхождении данной группы кисельниц в собрании НГИАМЗ и в итоге обобщить сведения о богородских кисельницах.

Илл. 11

Итак, богородская кисельница конца XIX—начала XX в. изготовлена из красной с коричневым оттенком глины, покрыта красно-коричневой поливой с люстром, в основании она может быть круглой, овальной, прямоугольной с закругленными углами, борта могут быть гладкими, проработаны ребрами или орнаментированы, на дне всегда расположен вдавленный орнамент. С уверенностью можно сказать, что для создания орнаментов, безусловно, существовал набор штампов, характерных именно для богородского производства. Предпочтение отдавалось стилизованным растительным орнаментам—примитивным цветам различных форм и рябинообразным листьям, реже встречаются

простые геометрические рисунки—наборы линий, точек, крестиков, фигур, разделенных на сегменты, также можно увидеть на кисельницах инициалы.

В наше время в Богородском районе гончарное ремесло продолжает свое развитие. Там насчитывается более 20 гончаров, и работает Центр развития гончарного искусства. Мастера Центра воспроизводят традиционные штампы и используют их для украшения своих изделий²².

Итак, на данном этапе изучения кисельниц из коллекции глиняной посуды НГИАМЗ по критериям материала, формы и орнаментации была выделена группа предметов, изготовленных мастерами в с. Богородском в конце XIX—начале XX в. Косвенно их связь подтверждает и то, что они были приобретены музеем в разное время, но у одного и того же лица, однако основным доказательством эта информация служить не может. Село Богородское было не единственным центром гончарного производства Нижегородской губернии, и далее предстоит серьезная работа по изучению остальных кисельниц и определению места их происхождения.

Информация о статье

Автор: Трусова Мария Петровна—методист, Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Нижний Новгород, Россия, trusovamariya@yandex.ru.

Заглавие: Глиняные кисельницы села Богородского конца XIX—начала XX века в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Абстракт: Статья посвящена изучению тематического комплекса «кисельницы» в собрании гончарной керамики Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Эти обрядовые предметы созданы мастерами села Богородское Нижегородской губернии в конце XIX—начале XX в. Уникальность обозначенной группы предметов связана с особенностями технологий производства, форм предметов и их

²² Народные художественные промыслы Нижегородской области. Драгоценное наследие Нижегородского края. Гончарное искусство и керамика: каталог. Нижний Новгород: ИД «Красивые люди», «ДЕКОМ», 2011. С. 2.

декорирования. Редкой отличительной чертой некоторых предметов стали штампы с именем мастера. Сравнительный анализ помог установить идентичность остальных предметов в коллекции и определить их как продукцию местных гончарных промыслов.

Ключевые слова: глиняная посуда, центры гончарного производства, кисельница, Богородское, коллекция, орнамент, Нижегородский музей-заповедник.

Information on article

Author: Trusova Maria Petrovna—Methodist, Nizhny Novgorod State History and Architecture Museum-Reserve, Nizhny Novgorod, Russia, trusovamariya@yandex.ru.

Title: Clay “kiselny” of Bogorodskoe village of the late 19th and early 20th century in the collection of the Nizhny Novgorod State History and Architecture Museum-Reserve.

Abstract: The article is devoted to the thematic complex “kiselny” in the collection of pottery ceramics of the Nizhny Novgorod State History and Architecture Museum-Reserve. These ritual objects were created by craftsmen of Bogorodskoe village of Nizegorodsky district in the late 19th—early 20th century. The uniqueness of the designated group of subjects is connected with the features of production technologies, forms of objects and their decoration. Rare hallmark of some items are stamps with the name of the master. Comparative analysis helps to establish the identity of the remaining items in the collection and define them as products of the local pottery crafts.

Keywords: pottery, pottery production centers, kiselny, Bogorodskoe, collection, ornament, Nizhny Novgorod Museum-reserve.

УДК 069.4

С. Л. Воробьева

СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ
(ВТОРИЧНОГО УЧЕТА) АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Национальный музей Республики Башкортостан (далее—РБ), расположенный в городе Уфе, считается одним из старейших музейных собраний на Южном Урале: основан в 1864 г., открыт для широкого круга посетителей в 1886 г.¹ Музей изначально замысливался своими создателями как краеведческое учреждение широкого профиля, а археологическая экспозиция планировалась здесь с первых дней, в связи с чем этому направлению работы уделялось приоритетное внимание.

Работа по комплектованию и учету археологических коллекций претерпела все коллизии истории (далеко не всегда позитивные), вместе со всем музеем и со всей страной. Тем не менее, она не прекращалась никогда. Даже в самые трудные годы (период гражданской войны, сталинских гонений и репрессий, годы Великой Отечественной войны) основы фондов были сохранены. Конечно же, периоды затишья чередовались с периодами активной работы, но археологические фонды пополнялись регулярно.

Первые археологические экспонаты поступили в музей во второй половине XIX в.² На данный момент археологическое собрание Национального музея РБ составляет примерно треть всех фондов — 96 653 предмета (72 031 предмет основного фонда, 24 622 предмета научно-вспомогательного фонда). Ежегодно фонды пополняются материалами исследований, полученными в ходе раскопок на территории как республики, так и близлежащих регионов Южного Урала. Только за последние четыре года в музей было передано около 35 000 предметов. Коллекции передают сотрудники Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Башкирского государственного университета, Академии ВЭГУ, Научно-исследовательского центра «Наследие» и др. В 2015 г. в фонды поступили материалы археологических исследований, проводимых ГБУК «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия РБ» при Министерстве культуры РБ в 1980–2000-е годы, которые составляют более 100 000 предметов, находящихся в данный момент на стадии первичного учета.

Важность сохранения археологических предметов в музее подчеркивается различными нормативными документами, в том числе и акцентируется внимание на необходимости

¹ См.: *Валуллин Г. Ф.* Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития. Уфа: Китап, 2009. 152 с.

² Национальный музей РБ. Фонд археологии. ОФ 187/1–12 (Клад бронзовых вещей: зеркала, культовые принадлежности (пластинки типа шаманского изображения), чаша, наконечники копья. Найден близ с. Покров на р. Куганак, в 1869 г.).

музеефикации археологических коллекций³. В подавляющем большинстве случаев археологические предметы поступают в музей в результате целенаправленных исследований, осуществляемых специалистами-археологами. Археологами проводится изучение предметов, фактически осуществляется работа, в чем-то аналогичная собственно музейной, а в ряде аспектов превосходящая ее.

Однако поступающие в фонды археологические коллекции часто оказываются материалом, который в основной своей массе не используется в музейной деятельности, за исключением случаев включения единичных предметов в постоянную экспозицию и размещения на временных выставках, возможного изучения части музейной коллекции археологами и составления каталогов, в которые попадают лишь уникальные экспонаты. Зачастую археологические предметы остаются невостребованными, особенно это характерно для коллекций, основную часть которых составляют массовые фрагменты сосудов и каменный инвентарь, следовательно, говорить об их привлекательности для посетителей, за исключением редких экспонатов, не приходится.

Если этап первичной обработки археологических коллекций строго регламентирован и не очень сильно отличается от обработки коллекций из других фондовых собраний⁴, то вторичный этап, сопровождающийся детальным научным описанием, в силу специфики предметов, требует корректировки. Как правило, вторичный учет предметов в каждом конкретном музее регламентирован в зависимости от специфики музейных коллекций. В данный момент в Национальном музее ведется разработка единых инвентарных карточек вторичного учета.

Учет археологических коллекций закреплён законодательно в следующих документах:

- Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».
- Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации“».
- Закон Республики Башкортостан от 29 мая 1998 г. № 161-З «О Музейном фонде Республики Башкортостан и музеях в Республике Башкортостан».
- Учет археологических материалов в государственных музеях РСФСР (Методические рекомендации).
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации (утверждено Постановлением Отделения историко-филологических наук РАН № 85 от 27 ноября 2013 г.).
- Федеральный Закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
- Федеральный Закон № 315 от 22.10.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон „Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации (утверждено Постановлением Отделения историко-филологических наук РАН № 85 от 27 ноября 2013 г.). М., 2013. П. 1.9. С. 5.

⁴ См.: *Воробьева С. Л.* Методические рекомендации по описанию археологических коллекций. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, 2015. 23 с.

- Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».
- Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 № 290 «Об утверждении инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР».
- Приказ Минкультуры РФ от 22.11.2007 № 1321 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральным агентством по культуре и кинематографии государственной функции по принятию решений об управлении музейными предметами и музейными коллекциями, находящимися в федеральной собственности».
- Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок (М., 1998).

Проблема учета археологических коллекций в целом и вторичного учета в частности рассматривалась в работах Н.П. Макарова⁵, О.В. Яшниной⁶, Н.Е. Бердниковой⁷ и автора настоящей статьи⁸. На основе анализа работы О.В. Яшниной и Н.Е. Бердниковой, учитывая собственный опыт работы, нами выделены следующие проблемы, которые возникают в музеях при хранении археологических коллекций:

- Ограниченные площади для хранения коллекций, в результате чего новые поступления не принимаются⁹. Так, площадь фондового помещения в Национальном музее РБ составляем 60 м² для хранения учтенных коллекций и 35 м² для коллекций, находящихся на стадии первичного учета. Несмотря на это, в фонды музея принимаются все коллекции, поступающие от профессиональных археологов.
- Временной разрыв между поступлением коллекции, ее регистрацией и постановкой на учет, который ведет к утрате «научного потенциала», то есть происходит утрата полевой документации, полевых шифров, отдельных предметов¹⁰. Данная проблема, на наш взгляд, становится актуальной только при смене ответственного научного сотрудника, который отвечает за первичный учет археологических коллекций. Также стоит отметить, что начиная с 2013 г. в Национальном музее РБ появился план по приему фондовых коллекций, утверждаемый ежегодно Министерством культуры РБ. Ответность по этому плану представляется в табличной форме № 8-НК. За последние три года в Национальном музее РБ план по приему новых поступлений составлял от 7000 до 8400 предметов в год для всех коллекций как музея, так и его филиалов. Согласно административному регулированию этих показателей, превышение отчетных показателей за предыдущий

⁵ См.: Макаров Н.П. К вопросу о комплектовании, обработке и описании археологических коллекций музеев // Научно-фондовая работа в музее: методическое пособие // Труды красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск, 2002. Вып. 1. С. 19–28.

⁶ См.: Яшнина О.В. К закону об археологическом наследии России // Радловский сборник: научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 99–102.

⁷ См.: Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.

⁸ См.: Воробьева С.Л. Научная обработка археологических коллекций в музеях: проблемы комплектования и описания // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2016. С. 50–59.

⁹ Бердникова Н. Археологические объекты... С. 101.

¹⁰ См: Там же; Яшнина О.В. К закону об археологическом наследии России. С. 101.

период приведет к увеличению плана в следующем году. Все это привело к тому, что коллекции «ждут своей очереди» для записи в учетные книги. Данную деятельность, на наш взгляд, невозможно планировать, так как объем новых поступлений зависит от внешних факторов: наличие финансирования на археологические экспедиции в самом музее, проведение таких экспедиций сторонними учреждениями.

- При организации хранения идет разрушение целостности археологической коллекции, поскольку сортировка предметов производится не с точки зрения целостности археологического объекта, а исходя из внутренней музейной потребности. Археологические материалы систематизируются, разделяются, то есть целостная археологическая коллекция может быть поделена на основной и научно-вспомогательный фонды: ценные артефакты, которые определяются в соответствии с нормативами как музейный предмет, могут находиться в основном фонде¹¹. Эта проблема не столь актуальна на данный момент с учетом того, что коллекции с разными музейными шифрами (основного или научно-вспомогательного фонда) как правило хранятся вместе, что обеспечивает неделимость археологической коллекции. Данный принцип сохраняется как в Национальном музее РБ, так и в Научных фондах Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН¹². Отдельное хранение, как правило, обеспечивается только для предметов, требующих специального ухода (фрагменты кожи¹³, коррозированные предметы вооружения¹⁴, антропологический материал¹⁵, предметы, требующие реставрации¹⁶).

- Большой проблемой сохранности археологических коллекций является минимизация консервационно-реставрационных работ¹⁷, в том числе и отсутствие в штате музея реставратора. Но в последнее время она частично решается и за счет того, что в музей зачастую поступают коллекции, которые подверглись реставрации¹⁸.

- Большой проблемой при музейном фондовом хранении археологических коллекций является ограниченный доступ исследователей к ним¹⁹. В Национальном музее РБ эта проблема не актуальна, так как налажена постоянная совместная работа с археологами, которые не просто исследуют те или иные коллекции для своих научных работ, но и помогают хранителю в их интерпретации, составлении более подробных описаний, совместной публикации материалов²⁰. Такая практика—скорее исключение, чем правило.

¹¹ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 101.

¹² См.: Памятники эпохи камня, бронзы и раннего железа: каталог археологических коллекций МАЭ. Вып. 1 / сост. Н. Г. Рутго. Уфа, 1994. 130 с.; Памятники эпохи средневековья: каталог археологических коллекций МАЭ. Вып. 2 / сост. Н. Г. Рутго. Уфа, 1997. 79 с.; Каталог археологических фондов Института этнологических исследований УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии) / отв. ред. и сост. Н. С. Савельев. Вып. 1. Уфа, 2009. 96 с.

¹³ Национальный музей РБ. Фонд археологии. НВФ 24538 /1-44.

¹⁴ Там же. ОФ 264/8, ОФ 4564, ОФ 4570, ОФ 4572/59, ОФ 5322, ОФ 6142, ОФ 6436, ОФ 6666, ОФ 7371, ОФ 18864/54, ОФ 18941/20,24, ОФ 20574, ОФ 21063, ОФ 22323/10 и т. д.

¹⁵ Там же. НВФ 25094-25096, НВФ 22885/1-5, НВФ 22888/1-17 и т. д.

¹⁶ Мухаметшина М. У. О научных фондах Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность. С. 141.

¹⁷ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 102.

¹⁸ Национальный музей РБ. Фонд археологии. ОФ 30078/1-184; ОФ 30827/1-33.

¹⁹ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 102.

²⁰ См.: Гарустович Г. Н., Воробьева С. Л. Загадочная личина языческих времен // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 10–14.

- Проблемой является практическая невозможность проведения дополнительной аналитики, основанной на новых методах предметного материала: проведение радиоуглеродного датирования (прежде всего прямого), генетических анализов. С точки зрения музейной практики это ведет к нарушению целостности предметов или к выводу того или иного предмета из состава музейной коллекции, хотя при современных методах для анализа требуются минимальные фрагменты предметов.

- Отсутствие каталогов, современных информационно-поисковых систем для археологических коллекций, в том числе и в открытом доступе²¹. В 2017 г. в Национальном музее РБ запланировано издание трех тематических каталогов из археологического собрания музея. Показательным положительным опытом в республике могут служить каталоги, издаваемые Институтом этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (Музей археологии и этнографии)²².

- Презентация археологического материала в большинстве музеев в виде экспозиций и выставок формируется не на основе понимания значимости археологического наследия в культурном процессе, а на основе популистской привлекательности тех или иных предметов²³. С этим утверждением автор статьи не согласен, так как научный уровень археологических выставок и экспозиций — фактор исключительно субъективный и напрямую зависит от уровня образованности сотрудников.

- Невозможность приобретения (в том числе и на безвозмездной основе) археологических коллекций у частных лиц, так как 1 сентября 2016 г. истек срок, когда можно было включить находки из частных коллекций в состав негосударственной части Музейного фонда России. Все это приводит к тому, что люди боятся приносить предметы, найденные случайно, и такие коллекции остаются «вне закона».

- Невключение археологических коллекций в состав Музейного фонда РФ. Данная проблем выделена нами в связи с тем, что только в одном музее РБ (Национальном музее РБ) заключен договор с Министерством культуры РФ о передаче в безвозмездное пользование или пользование на определенный срок музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда РФ и находящихся в федеральной собственности. Это связано с тем, что для включения музейных предметов и музейных коллекций, поступивших в музей после принятия Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ, и закрепления их на праве оперативного управления за федеральными государственными учреждениями необходимо представить в Министерство культуры РФ следующие документы:

- а) письмо-заявление о включении музейных предметов и музейных коллекций в государственную часть Музейного фонда РФ и закреплении их на праве оперативного управления за музеем с указанием количества предметов и наличии в музее необходимых условий для хранения и экспонирования предметов;

- б) список музейных предметов и музейных коллекций, подписанный руководителем музея и главным хранителем, скрепленный печатью музея по форме (на бумажном и электронном носителях):

²¹ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 102.

²² См.: Памятники эпохи камня, бронзы и раннего железа. Вып. 1; Памятники эпохи средневековья. Вып. 2; Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / отв. ред. А. Б. Юнусова. Уфа, 2007. 220 с. Каталог археологических фондов Института этнологических исследований... Вып. 1.

²³ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 102.

Таблица 1

№№ п/п	Автор, наименование, ключевое слово	Время создания	Размер, материал, техника	Краткое описание, сохранность	№ и дата протокола ЭФЗК; учетные номера
Количество предметов в списке должно соответствовать количеству порядковых номеров, листы списка должны быть пронумерованы;					

в) экспертное заключение на бланке музея с указанием даты и номера, подписанное заместителем директора по научной работе (или главным хранителем), автором экспертного заключения; необходимо аргументированно обосновать историко-культурное, художественное (научное, мемориальное и т. д.) значение предметов, подлежащих включению в состав Музейного фонда РФ;

г) протокол ЭФЗК (экспертной фондово-закупочной комиссии) музея о целесообразности включения музейных предметов (указать общее количество), внесенных в основную учетную документацию музея после вступления в силу Федерального закона № 54-ФЗ²⁴, в государственную часть Музейного фонда РФ. В протоколе отражается вывод о необходимости включения данных предметов в Музейный фонд РФ в связи с их историко-культурной ценностью; также указывается, что предметы поступили в музей в установленном порядке: составлены договоры дарения, договоры купли-продажи, акты на постоянное хранение, и предметы включены в основную учетную документацию на основании решения ЭФЗК;

д) копии документов (на электронном носителе), на основании которых предметы подступили в музей (договоры дарения/купи-продажи, акты приема на постоянное хранение);

д) изображения предметов на электронном носителе.

Фактически процедура включения археологических коллекций в состав Музейного фонда РФ предполагает полное описание каждого предмета с его фотографированием, что также является и уровнем вторичного учета или научной инвентаризации.

Таким образом, основные проблемы, возникающие при учете, хранении и научной инвентаризации археологических коллекций, включенных в состав музейных коллекций, связаны как с административными факторами — путаницей в самом законодательстве и недостаточным финансированием на реставрационные работы, расширение фондовых помещений и издание каталогов, так и с субъективным фактором — уровень научных описаний коллекций и их дальнейшее использование в экспозиционно-выставочной деятельности зависит от уровня образованности конкретных научных сотрудников музеев.

С одной стороны, система сохранения музейных предметов является детальной и хорошо разработанной. Но, с другой стороны, ее действий не всегда достаточно в отношении археологических коллекций. Главной проблемой здесь является направленность хранения на музейный предмет. А в отношении археологии главным является археологическая коллекция как новая информационная система, идентичная археологическому объекту, что обусловлено содержанием понятия «археологический объект»²⁵.

Под *археологическими предметами* понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их

²⁴ Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

²⁵ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 100.

обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок²⁶.

Археологические материалы попадают в музей разными путями. Наиболее распространенный способ поступления — находки во время разведок или стационарных раскопок. В состав коллекций, полученных в результате археологических исследований (далее — археологические коллекции), входят: 1) артефакты из камня, кости, керамики, металла, изделия из органических материалов; 2) разные манупорты — минеральные природные образования без видимых следов обработки, принесенные человеком; 3) палеонтологические остатки — фауна, растения; 4) антропологический материал — человеческие останки; 5) конструкции; 6) различные следы человеческой деятельности²⁷. В таких коллекциях мы знаем название памятника (или экспедиции, ведущей работы на памятнике), номер раскопывавшегося участка, детальные сведения о месте находки (место на плане, указанные глубины), дата находки и фамилия человека, зарегистрировавшего ее.

Другой способ пополнения фонда — передача в музей предметов из случайных находок частными лицами и государственными учреждениями, не имеющими отношения к археологической деятельности. В отдельных случаях раньше производилась закупка вещей у частных лиц. Сейчас этот способ фактически невозможен ввиду истекшего срока «амнистии» на археологические коллекции, хранящиеся у частных лиц.

Специалистами выделяются следующие виды археологических памятников: городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, клады, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического, культурного слоя древних населенных пунктов.

Археологические находки различаются еще и по другому принципу, в зависимости от встречаемости: есть находки *индивидуальные* и *массовые*. К *массовым находкам* относят обломки бытовой глиняной посуды на поселениях, кости животных, птиц и рыб, а в средневековых городах еще и обрывки кожи. *Индивидуальные находки* определяются скорее методом исключения: например, все то, что не керамика, кости и обрывки кожи, в городской славяно-русской археологии считают индивидуальными находками; на памятниках иных эпох и территорий все это может быть отнесено и относится к числу индивидуальных находок.

Значение находок оценивается в зависимости от того, насколько они часто встречаются, насколько высоко качество изготовления, насколько важны события, в них запечатленные; к одним находкам часто возвращаются и посвящают им особые издания, другие, напротив, исследуют и описывают совместно с подобными или идентичными вещами. Что касается истинного значения находок для изучения прошлого, то оно иногда прямо пропорционально их количеству, а иногда такой зависимости нет. Реальное значение археологических находок, и частных и редких, определяет характер поставленных задач.

Для учета и хранения археологических предметов необходимо учитывать несколько *основных моментов, отраженных в Российском законодательстве*:

1. Даже для профессиональных археологов самостоятельные раскопки запрещены.

²⁶ См.: Федеральный закон № 315 от 22.10.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон „Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁷ Бердникова Н. Е. Археологические объекты... С. 97–98.

2. Объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности²⁸.

3. Исполнитель археологических полевых работ — физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда РФ²⁹. При этом целесообразно включение в коллекцию максимально широкого набора вещей, в том числе фрагментированных предметов и предметов неясного назначения. Поступающие в коллекцию материалы должны быть внесены в полевую опись и снабжены этикетками с указанием года исследования и точного места происхождения каждого предмета или фрагмента (памятник, раскоп, участок, пласт или слой, квадрат, яма (№), погребение (№), землянка (№), находка (№), ее нивелировочная отметка или иные условия обнаружения). Держатель разрешения (открытого листа) должен обеспечить правильную упаковку, транспортировку и хранение коллекций до их передачи в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации. Человеческие останки должны быть определены антропологами, после чего они могут быть включены в состав коллекции или перезахоронены. Отбор остеологических материалов для постоянного музейного хранения должен производиться по рекомендации специалиста-палеозоолога³⁰.

4. Музеи и аналогичные учреждения не должны приобретать объекты археологического наследия, в отношении которых существует подозрение, что они получены в результате неконтролируемых находок, незаконных раскопок или незаконных действий в ходе официальных раскопок³¹. 1 сентября 2016 г. истек срок, когда можно было включить археологические находки в состав негосударственной части Музейного фонда РФ.

Уже на стадии раскопок и последующего поступления в музей археологических коллекций начинается анализ музейной и научной значимости предмета и определение его хранения в основном или вспомогательном фонде. Если это коллекции из раскопок, то в основной фонд музейного собрания включаются все предметы из погребальных и других закрытых, одноактно помещенных комплексов (жилищ, колодцев, ям, кладов). Обязательно передаются в фонды все целые выразительные предметы (или склеивающиеся в таковые по кускам), нумизматические и эпиграфические находки, изделия, имеющие художественное значение, а также артефакты, определяющие культурную принадлежность памятника и его датировку.

²⁸ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

²⁹ Там же.

³⁰ Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации (утверждено Постановлением Отделения историко-филологических наук РАН № 85 от 27 ноября 2013 г.). М., 2013. ПП. 4.29–4.31.

³¹ Европейская конвенция об охране археологического наследия, Валлета, 16 января 1992 г., ETS № 143 // URL: <http://www.convention.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/143.htm> (дата обращения: 15.07.2014).

При этом обнаруженные при раскопках материалы должны быть внесены в полевую опись, промаркированы полевым шифром и этикетками, указывающими на точное местонахождение предмета. Дополнительная информация о проведенных раскопках и полученных материалах может быть взята из научного отчета, который, как и полевая опись, передается в музей.

Второсортный массовый материал—неорнаментированные фрагменты глиняной посуды, отходы производства при изготовлении каменных орудий в виде невыразительных сколов и отщепов, серийные бытовые предметы—определяется чаще всего в научно-вспомогательный фонд. Если же эти материалы получены в ходе археологических разведок новых, не известных до этого времени объектов, то их следует также включать в основной фонд.

Таким образом, при определении предметов в тот или иной фонд необходимо учитывать не только значимость отдельного предмета, но и историко-культурную ценность самого археологического памятника. Например, в фондах Национального музея РБ имеется богатая коллекция из раскопок разных лет объекта археологического наследия «Пещера Шульган-Таш»³², находящегося на стадии включения в список памятников культурного наследия, охраняемых ЮНЕСКО. В данном случае большинство находок должно быть включено в основной фонд.

После записи археологического материала в книги поступлений на постоянное хранение на коллекционных описях основного и научно-вспомогательного фондов проставляются учетные номера соответствующего фонда, и коллекция вместе со вторыми экземплярами полевых описей передается на ответственное хранение. Полевая опись передается вместе с коллекцией в отдел хранения фондов, и на ее основе в последующем составляется коллекционная опись.

После приема новых поступлений на ответственное хранение начинается второй этап государственного учета—*научная инвентаризация*. Ее особенность для археологических коллекций выражается в неделимости комплекса предметов с единой датировкой и происходящих из одного объекта археологического наследия.

Все это затрудняет организацию классической формы второй ступени учета—запись в инвентарные книги по видам материалов или назначению предметов. В отличие от других видов памятников, археологические материалы подвергаются научной обработке уже в процессе составления полевой/коллекционной описи. Коллекционная опись получает свой порядковый номер. Этот порядковый номер проставляется в Акте приема на постоянное хранение в графе «Примечание». Например: КО 660/1-1263 для 1263 предметов.

Именно на первой ступени учета проводится систематизация и классификация поступлений. Фактически обе стадии государственного учета при работе с предметами археологии проходят одновременно и тесно связаны друг с другом.

Проанализировав опыт других музеев России, в частности: Алтайского края³³, Красноярского краевого краеведческого музея³⁴, опыт работы музеев РБ (Национальный музей РБ,

³² Национальный музей РБ. Фонд археологии. ОФ 32723, ОФ 32829, ОФ 32763, ОФ 32921, ОФ 32962, ОФ 32830.

³³ См.: *Нестеров Е. А.* Учет и хранение археологических материалов в краеведческих и исторических музеях Алтайского края в 1990–2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 34–40.

³⁴ См.: *Макаров Н. П.* К вопросу о комплектовании...

Научные фонды Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН), нами принято *целесообразным считать коллекционную опись юридическим документом второй стадии государственного учета*. При этом *инвентарные книги лишь повторяют саму коллекционную опись*. Коллекционная опись составляется на пронумерованных листах, подписывается составителем, прошнуровывается или сброшюровывается, должна быть заверена подписью директора и учтена в «Каталоге коллекционных описей» фонда «Археологии», которая всегда имеет шифр «А». Порядковый номер по этой книге является инвентарным номером данной археологической коллекции. Первый экземпляр описи хранится в отделе (секторе) учета, второй — вместе с коллекцией у ответственного хранителя.

Для учета по коллекционной описи номер предмета из коллекции должен представлять собой дробь со стоящим перед нею шифром археологического фонда. В числителе дроби — номер коллекционной описи, в знаменателе — порядковый номер предмета по описи. Например: А 418/1.

Номер вторичного учета предмета, кроме инвентарного номера, должен включать в себя шифр музея и номер коллекции по книге поступлений. Он должен выглядеть следующим образом: $\frac{\text{НМРБ—ОФ298/1}}{\text{А—КО418/1}}$,

если коллекция записана в «Книгу поступлений основного фонда» под номером ОФ 298 (Запись в книге поступлений: Сосудов глиняных обломки: венчиков 69, стенок 2. Гордище. Нижний Курмантау, Подъемный материал Касьянова, 1928–1929 гг.).

Полный учетный номер проставляется на всех крупных предметах и целых сосудах, хранящихся индивидуально. На мелких предметах проставляется лишь номер ОФ, а инвентарный номер вместе с полным адресом и наименованием коллекции пишется на коробке (лотке, конверте), в котором хранятся предметы. Там же указывается номер описи и порядковые номера предметов, хранящихся в данной коробке или в лотке (например: $\frac{\text{НМРБ—ОФ298/1}}{\text{А—КО418/1}}$).

Научную инвентаризацию одиночных поступлений из случайных находок также необходимо записывать поколлекционно. Например: $\frac{\text{НМРБ—ОФ298/1—4}}{\text{А—КО418/1—4}}$ (Случайные находки, Минусинский уезд Енисейской губернии).

Отметим, что раньше в музее уже предпринимались попытки ведения инвентарных книг. Так, для $\frac{\text{НМРБ—ОФ298/1}}{\text{А—КО418/1}}$ номер был А 360/1 (инвентарный номер соответствовал номеру коллекционной описи).

В процессе вторичного учета для археологических коллекций предложена переработка (дополнение) первичной полевой описи, на основе которой составляется коллекционная опись.

Так как в данный момент в музее разрабатывается единая инвентарная карточка для вторичного учета, графы коллекционной описи так или иначе войдут в состав разработанной карточки на отдельные предметы, входящие в коллекцию.

Итоговым документом такого описания является коллекционная опись. Рассмотрим пример составления такой описи.

Преамбула к коллекционной описи должна содержать следующие основные пункты (табл. 2):

Таблица 2

Пример преамбулы коллекционной описи

Коллекционная опись № А-600	
Акт приема на постоянное хранение	№ 63 от 18.06.2012 г.
Акт приема на ответственное хранение	№ 109 от 24.08.2012 г.
Протокол ФЗК №	120 от 18.08.2012 г.
Дата регистрации в книге поступлений	24.08.2012
Книга поступлений №	43
Инв. № коллекции по КП	ОФ 27577/1-4
Наименование коллекции по КП	Материалы разведочных работ на селище Бакита-1
Название памятника	Бакита-1, селище
Дата составления описи	август 2012 г.
Количество предметов в коллекции	4 единицы хранения
Время и место нахождения, сбора или приобретения коллекции с указанием лиц, собравших и определивших ее	2010 г., Мелеузовский р-н Республики Башкортостан
Автор раскопок	Румянцев М. М.
Источник поступления коллекции	передана на хранение автором раскопок
Эпоха	XIX — начало XX в.
Культурная принадлежность	не определена
Датировка	XIX — начало XX в.
Музейная коллекция	ОФ «Археология»
Протокол ФЗК №, дата	№ 4 от 22.06.12 г.

Основанием датировки и определения культурной принадлежности археологических предметов служит либо определение их датировки автором раскопок или автором публикации материалов, либо определение их сотрудником музея. Если у сотрудника имеются какие-либо сомнения в культурной принадлежности или датировке, то необходимо писать «культурная принадлежность не определена».

Сама коллекционная опись составляется в виде таблицы в двух экземплярах и содержит следующие пункты:

- №
- Описание
- Кол-во единиц хранения
- Материал
- Размеры
- Сохранность
- Местонахождение (шурф/горизонт, погребение, квадрат)
- Место хранения (ящик, коробка)
- Примечание

Рассмотрим основные из них.

№, количество единиц хранения

Например: НМРБ—ОФ298/1
А—КО418/1

Археологические предметы лучше всего нумеровать с оборотной стороны, которая не видна при экспонировании предмета. Если сотрудник музея дает новую нумерацию предметам, старые номера не затираются. Кроме того, в коллекционную опись необходимо ввести пункт «старый №».

Одни предмет—один номер!!!

Если предмет разбит на части, которые можно склеить (развал сосуда, фрагменты ножа и т. д.), то он описывается под одним номером.

Исключения: низка бусин—здесь описывается каждая бусина в отдельности. Также при описании несклеиваемых фрагментов сосудов каждый фрагмент описывается отдельно.

Название коллекции

Название дается по книге поступлений. Например:

«1. Материалы разведочных работ на селище Караган-4. Работы проводились под руководством Савельева Н. С. в 2010 г. Иглинский район Республики Башкортостан. Эпоха раннего средневековья, имендьяшевский тип.

2. Материалы раскопок пещеры Шульган-Таш. Разведка проводилась Котовым В. Г. в 2008 г. (ИИЯЛ УНЦ РАН). Бурзянский район Республики Башкортостан».

*Время и место нахождения, сбора или приобретения коллекции
с указанием лиц, собравших и определивших ее*

Здесь указывается год раскопок/разведок, место проведения. Например:

«2010 г., Мелеузовский р-н Республики Башкортостан».

Если коллекция поступила без описания, необходимо постараться ее идентифицировать по различным археологическим публикациям, научным отчетам археологов. В данном случае научные отчеты археологических экспедиций являются первоисточником. Все отчеты археологов поступают на постоянное хранение в Институт археологии РАН. Специфика нашего региона в том, что археологи-полевики сдавали один экземпляр отчета на хранение по месту своей работы. На сегодняшний день отчеты археологических экспедиций имеются в следующих учреждениях г. Уфы:

1. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук;
2. Научный архив Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН;
3. Национальный музей Республики Башкортостан (Фонд Археологии и Документальный фонд);
4. Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия РБ при Министерстве культуры и национальной политики РБ, ГУК;
5. Археологическая лаборатория ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»;
6. Археолого-антропологическая лаборатория ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

Работая с отчетами, необходимо учитывать специфику их содержания: в них имеются как фотографии находок, так и их прорисовки с подробным описанием места находок.

Для коллекций, поступающих в настоящее время, необходимо брать копии научных отчетов у археологов-исследователей, сдающих эти коллекции. Такой архив отчетов позволит более подробно описать предметы.

При описании предметов из случайных находок ставится место их нахождения.

Автор

Автор раскопок или лицо, передавшее случайные находки, например:

1. Автор разведки Румянцев М. М.
2. Переданы Сайфуллиным Х. Х.».

Источник поступления коллекции

Пример:

1. Передана на хранение автором раскопок.
2. Переданы жителем г. Учалы Сайфуллиным Х. Х.».

Эпоха, культурная принадлежность, датировка

Основанием датировки и культурной принадлежности для археологических предметов служит либо определение их датировки автором раскопок или автором публикации материалов, либо определение их сотрудником музея. Если у сотрудника имеются какие-либо сомнения в культурной принадлежности или датировке, то необходимо писать «культурная принадлежность не определена».

Описание

В этом пункте дается общая характеристика и краткое описание предмета, внешних признаков и индивидуальных особенностей, указывается автор предмета, место и время его создания.

Названия предметов следует начинать с предметного слова. Например, «сосуд, браслет, наконечник, топор и т. д.».

Если предмет имеет собственное название (авторское, функциональное, местное—бытовое), то оно приводится после видового признака. (Например: «Топор проушной»; «Топор-кельт»; «Сосуд лепной»; «Бусина глазчатая» и т. д.).

Название предмета по возможности должно отвечать его прямому назначению (стрела, сосуд, браслет, бусина). Но в некоторых случаях археологические предметы имеют свои специфические названия, которые необходимо учитывать («копоушки», «портупеи» и т. д.).

Сначала указываются общие признаки предмета—его внешний вид, форма и цвет. Само описание должно быть развернутым, конкретным, точным. Парные предметы (стрелена, удила) описываются вместе, как один предмет. При этом в графе «Количество» указывается «1 ед. пр.».

Если предмет имеет специальное оформление (вместилище)—рамку, отверстия и пр., то при описании это оговаривается.

Именно в этом пункте необходимо учитывать описание материала в первичном источнике—археологических отчетах и полевой описи.

Материал, техника изготовления

В этом пункте дается общая характеристика основы, из которой изготовлен предмет и характерные признаки техники его изготовления. (Например: «керамика—лепная», «бронза—штамповка»). Для металлов и сплавов, в случае невозможности их точного определения, можно ограничиться обозначением «металл», «белый металл», «желтый металл».

Размеры

Согласно сложившемуся порядку, размеры указываются в линейных мерах (в сантиметрах, мелкие предметы—в миллиметрах), причем сначала измеряется высота (h), затем ширина (l) и глубина; у двухмерных, плоских (если предмет имеет незначительную

толщину, которая не имеет принципиального значения, например, гвоздь) — высота и ширина; у трехмерных объемных предметов измеряется высота и размеры основания предмета; у круглых предметов — диаметр с проставлением впереди обозначения «дм»; у овальных, плоских предметов измеряется сначала больший, затем меньший диаметр, если предмет объемный — следует указать третье измерение.

Для сосудов, а также для цилиндрических предметов проставляются два размера — высота и наибольший диаметр. Размеры съемных (отдельных) частей предметов указываются после общих размеров.

Сохранность

Сохранность предмета отмечается при его поступлении в музей, что имеет важное значение для контроля за состоянием предмета. Фиксируются все имеющиеся дефекты: коррозия на металлических предметах, фрагментированность предметов (для отдельных фрагментов сосудов, украшений, оружия и т. д.), обращается внимание на целостность предмета. Не допустимы такие определения, как «удовлетворительная, хорошая сохранность». При отсутствии повреждений так и указывается — «видимых повреждений нет».

Местонахождение (шурф/горизонт, погребение, квадрат)

В этой графе указывается место, где найден предмет на археологическом памятнике. Как правило, информация содержится в полевых описях или на самих предметах (полевой шифр). Она имеет первостепенное значение для дальнейшей научной интерпретации археологического материала.

Место хранения (ящик, коробка)

Дается номер ящика и коробки, в которых хранится тот или иной предмет. Предметы с одной коллекции необходимо по возможности хранить вместе. Материалы раскопок могильника хранятся так, чтобы предметы с одного погребения лежали вместе. Распределение предметов по типам (только оружие или только бусы) для одной, а тем более для нескольких коллекций не приветствуется, так как при перемещении возможна утрата.

Примечание

Указываются дополнительные сведения о музейных предметах и фиксация всех происходящих с ними изменений: делаются карандашные записи о временном изъятии предметов из состава коллекции для использования на выставке, экспозиции, при передаче на реставрацию, для изготовления копий и т. п. При этом указывается, кому, когда и с какой целью передан музейный предмет. Если он передается на постоянное хранение в государственный музей или архив, то в этой графе уже ручкой указывается учреждение, куда передан памятник, а также дата и номер акта передачи.

Библиография

Например:

«Овсянников В. В. Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 // Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Овсянников В. В., Савельев Н. С., Акбулатов И. М., Васильев В. Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. С. 215–231.

Воробьева С. Л. Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2012. С. 26–30».

* * *

Таким образом, учитывая проблемы, которые возникают при хранении и научной инвентаризации археологических коллекций, входящих в состав музейного собрания, возможно предложить следующие рекомендации:

1. Описанием предметов должны заниматься специалисты, имеющие опыт работы с археологическим материалом. Для научного описания коллекций необходимо привлекать специалистов в конкретной области археологии (востоковедов, медиевистов, палиологов и т. д.).

2. При отсутствии веских оснований, связанных с ее сохранностью, археологическая коллекция не должна разделяться— все предметы из одной коллекции необходимо хранить в одном месте.

3. Коллекции, находящиеся на стадии первичного учета, необходимо хранить в отдельном помещении, сопровождая их подробным описанием.

4. При организации выставок и экспозиции необходимо, прежде всего, соблюдать принцип «научной достоверности и обоснованности».

5. Юридическим документом второй стадии государственного учета необходимо считать коллекционную опись. Инвентарные книги лишь повторяют саму коллекционную опись. Для вторичного учета инвентарный номер предмета из коллекции должен представлять собой дробь со стоящим перед нею шифром археологического фонда. В числителе дроби— номер коллекционной описи, в знаменателе— порядковый номер предмета по описи. Процесс научной обработки предполагает выявление и оценку всего комплекса информации о музейном предмете, которую он несет как источник знания о конкретном явлении, событии или факте, о жизни и деятельности исторического или современного лица. Выявление такой информации предполагает изучение и среды бытования предмета, определение его музейного значения и описание результатов изучения в соответствующих учетных документах.

Инвентаризацию необходимо рассматривать и как научно-исследовательскую работу, в результате которой может появиться не только учетная документация и научно-справочный материал, но и разработка научной темы, подготовка статьи, монографии, диссертации, научного печатного каталога. Поэтому музейная работа с археологическими коллекциями должна быть включена в более широкую систему изучения, учета и охраны археологического наследия. Возможность для детального изучения и максимального использования информации, заключенной в археологических коллекциях, открывается через рационализацию учетно-хранительской работы.

Информация о статье

Автор: Воробьёва Светлана Леонидовна— кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела фондов, хранитель фондовой коллекции «Археология», Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия, sveta_legion@mail.ru.

Заглавие: Специфика научной инвентаризации (вторичного учета) археологических коллекций (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан).

Абстракт: В статье раскрывается проблема учета и научной инвентаризации археологических коллекций на основе опыта работы Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа), анализа музейного законодательства и законодательства в сфере сохранения объектов культурного наследия. Основные проблемы, возникающие при учете, хранении и научной инвентаризации археологических коллекций, связаны как с административными

факторами — путаницей в самом законодательстве и недостаточным финансированием на реставрационные работы, расширение фондовых помещений и издание каталогов, так и с субъективным фактором — уровень научных описаний коллекций и их дальнейшее использование в экспозиционно-выставочной деятельности зависит от уровня образованности конкретных научных сотрудников музеев. Принимая это во внимание, при вторичном учете или научной инвентаризации археологических коллекций, входящих в состав музейного собрания, необходимо привлекать специалистов в конкретной области археологии. Автором разработана методика описания коллекций, необходимая для вторичного учета в музеях археологических предметов.

Ключевые слова: археологическая коллекция, Национальный музей Республики Башкортостан, вторичный учет, научная инвентаризация, музейная коллекция.

Information on article

Author: Vorobyeva Svetlana Leonidovna — PhD in History, National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, sveta_legion@mail.ru.

Title: The specificity of scientific inventory (secondary registration) of archaeological collections (on the example of the work of the National Museum of Bashkortostan).

Abstract: The article focuses on the problems of registration and scientific description of archaeological collections based on the experience of the National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa), analysis of museum legislation and the legislation in the sphere of preservation of cultural heritage. The main problems encountered during the registration, storage and scientific description of archaeological collections are associated with the confusion in the law itself, underfunded restoration work and publication of catalogs. Another reason is the low level of scientific descriptions of the collections and scientific staff of museums. For a secondary registration or a scientific description of the archaeological collections it is necessary to involve experts in the particular field of archaeology. In this work, the developed method of description of the collections required for secondary registration in museums of archaeological objects is suggested.

Keywords: archaeological collection, the National Museum of Bashkortostan, secondary registration, scientific inventory, museum collection.

УДК 379.824

О. С. Кириллова

**«ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ» И СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ:
ПЕРСПЕКТИВА КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Мы уже «привыкли» к тому, что помимо узкоспециализированных индивидуальных интересов люди стремились сохранить тексты, материальные артефакты, военные и культурные трофеи, дающие возможность зафиксировать представление о культурном ареале или исторической эпохе. Была создана некая почти универсальная модель музейного пространства, которая строилась на спектре ключевых культурных ценностей материального и духовного порядка. Однако современная культура стала слишком многогранна и динамична. Что же происходит сейчас, когда универсальные ценности теряют прежний культурный легитимный статус, смыслы «рассеиваются», все вокруг неустойчиво и негарантировано, когда даже фундаментальная оппозиция между сакральным и профанным в регламентации культурного пространства начинает стираться? Перефразируя классика постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара, современная культура зачастую не способна выдать некий «универсальный набор», если можно так выразиться, *метаколлекций*, нет больше единого режима коллекционирования. Музейное дело — по-прежнему важнейшая составляющая культурологического анализа, но ряд акцентов современного подхода к феномену коллекционирования может быть частично смещен в область анализа конструирования коллекций в *частной* практике как овеществленного воплощения актуальных символических ценностных ориентаций.

В качестве базовой сверхзадачи необходимо обнаружить и описать стратегии конструктивного взаимодействия модели современного музея и любительского «тривиального» частного коллекционирования (то есть не ставящего перед собой цели собрания действительно уникальной, аутентичной, научной коллекции, а скорее куда более скромного, часто поверхностно туристического, дилетантского, обывательского, ординарного набора «безделушек»). (Строго говоря, термин «тривиальное» может быть употреблен весьма условно даже к такого рода явлению, как и к любому виду сугубо человеческой деятельности, поскольку в культуре нет ничего случайного и простого.)

Не станем останавливаться на оценке современного состояния концепта «коллекционирование» с точки зрения положительной или отрицательной динамики, важно взглянуть на саму актуализацию темы любительского коллекционирования как на культурную тенденцию эпохи. Тем более что *микроколлекции* продолжают выполнять роль конструирования идей, создавать мир нашей повседневности, задаваться нашими локальными ценностями и микронарративными установками. В нашем фрагментарном и неустойчивом мире собрание коллекции даже в «индивидуальном масштабе» — это попытка «нащупать» некий стержень, смысл, выстроить хотя бы свой «личный порядок», свою «полноту бытия», в тех границах, на которые данная личность способна, которые она сочтет приемлемыми для себя. Г. Зиммель в своей работе «Понятие и трагедия культуры»¹ писал,

¹ См.: *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры // URL: http://lib.ru/FILOSOF/ZIMMEL/445_74.txt (дата обращения: 01.02.2016).

что «объективной культуры», объективных культурных артефактов в современном социальном пространстве становится слишком много, индивид пребывает в замешательстве, его одолевает чувство беспомощности, поскольку он оказывается не в состоянии ассимилировать все культурные ценности объективного духа. В этом контексте синдром любительского коллекционирования (даже, на первый взгляд, в самом тривиальном варианте) — попытка очертить границы интереса к миру материальных ценностей и пребывать в рамках этих границ как полноправный уверенный субъект.

Словом, речь пойдет о неуклонно возрастающем интересе к миниатюризации и индивидуализации коллекционирования всевозможных артефактов.

Какие же факторы современной культуры способствуют такому положению дел? Начнем с того, что представитель современной западной цивилизации в большей степени подвержен жажде обладания вещами (а это одна из ключевых характеристик частного коллекционера), поскольку живет в обществе, ориентированном на потребление. «Современные общества, в первую очередь западные, давно характеризуются социологами как общества потребления. Их основой является практика потребления перманентно обновляющихся и все новых товаров на индустриальной высокотехничной базе. Если развитый индустриализм создал широчайшую материальную базу для современного коллекционирования, то те реальные социокультурные изменения, которые позволяют говорить о том, что идея постиндустриального общества небеспопознаваема, придали мощный импульс развитию самого коллекционерства. С одной стороны, коллекции собираются уже не годами, передаваясь из поколения в поколение, а формируются коллекционером, располагающим средствами, за достаточно короткий период. С другой стороны, идея коллекции твердо обосновалась в сфере самого производства, рассчитанного на элиту общества. Коллекции одежды, обуви, аксессуаров, часов, шоколадных конфет и т. д. предлагаются к продаже не в антикварных лавках, а в элитных магазинах»².

Если исходить из запросов и установок «культуры „пост“», предметом современной коллекции должно быть нечто транспарентное, пограничное, ускользающее, замещаемое, симулятивное, неустойчивое, де- и реконструируемое, имитативное, принципиально незавершаемое, обладание которым может вызывать специфическое эстетическое наслаждение. Особенность культурной традиции постмодерна в том, что она продуцирует расплывчатые, схватывающиеся скорее интуитивно объекты для коллекции. Кроме того, если прежде коллекционирование «ровнялось» на прошлое и на традиции, теперь вектор направлен на будущее, на новое, уникальное, не существовавшее ранее.

Квинтэссенцией, идеальным воплощением постмодернистской коллекции можно считать запах, а более точно, — парфюм. Современные мыслители не зря пишут о том, что мы живем «в тени Парфюмера» — «идеального постмодернистского коллекционера» (речь идет о романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»). Заложенные в книге Патрика Зюскинда повествовательные уровни и сюжетные инстанции в различных модификациях регулярно воспроизводятся в постмодернистской традиции и имеют в ней успех, поскольку под эту модель коллекционирования можно подвести целый ряд актуальных культурных тенденций. Правда, благодаря П. Зюскинду (а до этого Дж. Фаулзу с его романом «Коллекционер») образ коллекционера существенно демонизировался, иногда излишне гротескно.

Еще один вариант — и в рамках современного информационного общества весьма актуальный (особенно для молодежи) способ социокультурной идентичности — это

² *Малинкин А.* Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. С. 50.

«коллекционирование друзей» в социальных сетях или «лайки» (одобряющие значки «Мне нравится») под фотографиями или «постами» на своих виртуальных страницах в социальных сетях.

Наравне с символическими коллекциями, объектами коллекционирования становятся технические «гаджеты», потому что они представляют собой важную ценностную составляющую современного представителя западной цивилизации. Технические гаджеты активно внедряются и в музейное пространство и в качестве «помощников», и в качестве экспонатов.

Что касается России, то «поколения россиян, родившихся после Второй мировой войны и воспитывавшиеся в условиях социалистической экономики с характерными для нее проблемами в производстве и распределении материальных благ, так сказать, с молоком матери впитывали склонность к бережливости и накопительству. На этом фоне и при увеличении свободного времени у населения в период брежневского „развитого социализма“ страсть к собирательству всякого рода коллекций была довольно распространена в СССР. Марки, значки, этикетки от спичечных коробков, минералы и т. д. собирали почти все, от мала до велика»³. Эта тенденция сохранилась в менталитете россиян в той или иной степени до сегодняшних дней, даже «пережив» времена нескольких финансовых кризисов.

Можно отнести такие наблюдения исключительно к одержимости, нездоровой тяге к приобретению, к фетишизму, но отрицать тот факт, что данные сюжеты имели место в огромном масштабе нельзя, и, следовательно, оставлять без внимания тоже. Кстати, все эти тривиальные предметы могут музеефицироваться и становиться открытыми для публичного доступа, известны и музеи марок, и музеи монет, и музеи минералов, и музеи парфюма. Некоторые варианты, правда, представляют открытый музейный симулякр — квазимузеи, нет там ни фонда, ни истории, ни хранителя, зато есть проектная инициатива и оперативный менеджмент, они вообще полностью ориентированы на «сувениризацию», вроде Музея мыши в Мышкине. Но о сувенирах — чуть позже.

Современные тенденции в практике любительского коллекционирования можно проиллюстрировать двумя явлениями, характерными сейчас и для зарубежных стран, и для России.

Явление первое. В последнее десятилетие масштабный характер приобрела практика «партворков» (название происходит от англ. слов *part* — «часть» и *work* — «работа»), то есть дословно «работа по частям», а если более точно — некая цельность по частям). Партворки — это долгосрочные (обычно выходят на протяжении года-двух-трех) периодические (каждую неделю-две) тематические журнальные издания по принципу «собери коллекцию». Обычно к каждому выпуску журнала прилагается деталь для сборки (и только собрав все выпуски «партворка», вы сможете объединить все детали в единую модель), либо целостный предмет (монета, миниатюрная фигурка, минеральный камень), каждый из которых интересен сам по себе, но по большому счету представляет ценность лишь в целостной коллекции подобных себе, то есть изначальная задача, вложенная в него, — стать частью коллекции. Большая часть партворков ориентирована на детей и подростков, потому что именно детский и подростковый возраст, по наблюдениям психологов, — пик «собирательной активности». Либо к этому возрасту апеллируют — люди начинают собирать то, что коллекционировали в детстве и что напоминает им о детстве

³ Малинкин А. Коллекционер. С. 75.

(оловянные солдатики, фигурки куколок, монеты, марки и т. д.). За коммерческим проектом «партворков» стоит достаточно сложный и имманентно присущий культуре феномен, культурная тенденция времени: нам предлагается огромное множество вариантов коллекций, и мы вправе выбрать интересующую, исходя из личных предпочтений. Тут же «работает» и принцип принципиальной незавершенности коллекции. Издательства, выпускающие «партворки», с этой психокультурной особенностью знакомы и используют ее в коммерческих целях — существует дополнительный сервис заказа недостающих выпусков, если заинтересованный покупатель не успел или забыл купить их вовремя.

Технология «партворков» является порождением массовой культуры. Здесь легко угадать ее черты — общедоступность, занимательность, серийность и установку на коммерческий успех. Речь не идет о собирании уникальной коллекции (даже если акцент делается на росписи фигурок-миниатюр вручную или неповторимость каждого экземпляра природного минерала), но это личная коллекция, маленькая, систематизированная часть личного бытия, доступная практически каждому среднестатистическому обывателю.

Обязательно нужно упомянуть о просветительской функции части «партворк»-проектов, ведь многие из них дают красочно оформленную и концентрированную информацию о важнейших страницах социальной памяти («Великие художники», «Великие музеи мира», «Дворцы и усадьбы», «Великие композиторы», «Великие писатели», «Шедевры русской живописи» и т. п.).

Явление второе. Гораздо более распространенное. И еще более спорное.

Что же чаще всего коллекционирует современный обыватель? Ответ обнаруживается быстро — это сувениры: набор неких небольших вещиц на память о поездках. Современный человек имеет возможность достаточно активно путешествовать, он зачастую буквально одержим путешествиями и перемещениями. Кстати, именно индустрия туризма в значительной части ориентирована на музеи, а музеи ориентированы на туриста. Но, если в традиционном обществе странствия выполняли преимущественно функцию религиозного паломничества, то сейчас отношение к путешествиям даже «по святым местам» упрощено, пространство десакрализуется, а привезенный из поездки пусть и коммерческий продукт станет «доказательством» совершенного вояжа и талисманом. Чаще всего сувениры незамысловаты и неоригинальны — тиражированные магниты на холодильник, колокольчики, фигурки и статуэтки. Как правило, к сожалению, подобные сувениры отчасти представляют собой тривиальный «симулякр»: магнитик, купленный в Риме или Париже, на самом деле произведен в Китае. Однако, привезенный действительно из Италии или Франции, он приобретает иной статус, начиная играть роль «свидетельства» и «туристического трофея». На «погружение в чужую культуру» такой сувенир не претендует, в лучшем случае изображены и подписаны ключевые достопримечательности, эмблемы места — страны или города, это просто поверхностный «фрейм». И все-таки через тривиальные коллекции демонстрируются перспективы реальной межкультурной коммуникации. Коллекции сувениров — не самоцель, а маркер траектории регионов взаимодействия, где действительно осуществляется «диалог культур» через порой и поверхностное, но, тем не менее, самое непосредственное культурное взаимоузнавание и взаимовлияние.

Надо отметить, что сувенир как маркетинговый ход давно взят на вооружение музеями. «Музейный сувенир (сувенир, приобретенный в музее) актуализирует воспоминания о посещении музея, которые, в свою очередь, могут являться частью более обширного переживания, например, если речь идет о посещении музея как части туристической

программы. В современной музейной практике сувенир занимает особое место как для музея, так и для посетителя. Для музея сувенир выполняет несколько функций: создание музейного бренда, получение прибыли при продаже, адаптация музейных смыслов к языку массовой культуры. Для посетителя сувенир служит маркером памяти о пережитых им событиях и чувствах во время туристической поездки или отдельного посещения музея⁴. Одно из качеств человеческого сознания — способность к забыванию. Именно поэтому стоит отметить особую важность тех факторов (пусть на первый взгляд они выполняют функцию тривиальной покупки), которые не позволяют нам бесследно потерять образ того или иного события. Сувенир — один из факторов, который дает нам возможность вспомнить, реконструировать в сознании событие — посещение того или иного места (например, музея), исходя из наглядных представлений и ассоциаций. Любой предмет коллекции является носителем информации, знаком.

Проведены подробные исследования музейного сувенира⁵. Однако, одновременно, есть мнение о том, что изготовление и продажа сувениров в музеях — лишь дань массовой культуре и к формированию хорошего вкуса и культуры посетителя музея отношения не имеет.

На наш взгляд, необходимо без лишнего снобизма и привычного «бросания камня» в сторону так называемой массовой культуры выработать конструктивные стратегии в работе с ней. «Музей — для избранных» — позиция неверная ни с точки зрения менеджмента, ни с точки зрения маркетинга, но — самое главное — неверная с точки зрения самой культуры. Многие ли музейные предметы изначально изготавливались для музейной экспозиции? Отнюдь. Как часто бытовой обыденный предмет со временем трансформируется в предмет музейный.

Встает и еще один часто обсуждаемый в музейной практике вопрос — об оригинале и копии. «Одновременно со стремлением владеть подлинными артефактами прошлого возникает практика копирования этих предметов (копия-учебная, копия-бутафория, копия-подделка, реплика-товар, копия-замена). Следовательно, важны при формировании коллекций не те ценностные и информационные параметры предмета прошлого, но сам факт обладания им. Мотивы и формы владения таким предметом в дальнейшем влияли на формирование музейности, расширяя спектр предметного поля от природных уникалов до произведений художественного творчества. Уже в древности, в Римскую эпоху, прослеживается приоритет идеального носителя. Копия как знак памятника полностью заменяла его и осмыслялась как идентичная. Она осознавалась не как самоценная, а как излучающая „полную“ информацию о подлиннике и в то же время имела дополнительную информацию, становилась знаком, маркером существования аутентичного предмета»⁶. В современном мире соотношение «копия — оригинал» усложнилось многократно. Мы живем в обществе, где очень ценится аутентичность вещи, однако копирование,

⁴ Антитов Д. А., Костылев И. О. Музейный сувенир: эволюция музея // URL: http://enotabene.ru/ca/article_17712.html (дата обращения: 01.02.2016).

⁵ См. например: Зеленцова Е., Мельвиль Е., Гладких Н. Аналитический доклад «Музейный сувенир и музейный магазин в России» // URL: <http://amcult.ru/index.php/ru/knowledge/articles/657-muzejnij-suvener-i-> (дата обращения: 01.02.2016); Балаш А. Н. Музейный предмет и музейный сувенир: аутентичность и ее трансформация в современной музейной практике // Вопросы музеологии. 2014. №2 (10). С. 22–27 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzejnyy-predmet-i-muzejnyy-suvener-autentichnost-i-ee-transformatsiya-v-sovremennoy-muzejnoy-praktike> (дата обращения: 01.02.2016).

⁶ Философия музея: учебное пособие / под ред. М. Б. Пиотровского. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 69.

серийность, симулятивность стала нормой нашей жизни и иногда копия становится «интереснее и понятнее оригинала».

Любительское коллекционирование, безусловно, стоит на порядок ниже традиционного музейного, но в культуре выполняет важную и оправданную функцию «первичной сборки» ценностного и символического предметного пространства. И вполне возможно, что в основе обоих видов коллекционирования лежит один и тот же культурный инстинкт. В случае с феноменом коллекционирования мы сталкиваемся с явлением «обратного времени» — культурное время имеет возможность двигаться назад, создавая через временной срез из серийности и тривиальности уникальные и раритетные коллекции. Тривиальная любительская коллекция с течением времени может превратиться в антиквариат, а затем, возможно, стать музейным экспонатом.

Информация о статье

Автор: Кириллова Ольга Сергеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, oskirillova@mail.ru.

Заглавие: «Любительское коллекционирование» и современный музей: перспективы конструктивного взаимодействия.

Абстракт: Современное состояние культуры провоцирует повышенный интерес к индивидуальному микроколлекционированию. Коллекционирование даже весьма тривиальных вещей и ординарных сувениров — это попытка выстроить в нашем непостоянном культурном пространстве хотя бы свой личный порядок в тех границах, которые каждый обыватель найдет приемлемыми для себя. Современный музей вынужден принимать во внимание эту тенденцию, например, открывая музейные сувенирные лавки или музеефицируя со временем варианты прежде любительских коллекций.

Ключевые слова: частное коллекционирование, музей, туризм, сувенир, постмодернизм, массовая культура, микроколлекции, любитель (дилетант).

Information on article

Author: Kirillova Olga Sergeevna — PhD in Philosophy, Institute of philosophy and socio-political sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, oskirillova@mail.ru.

Title: “Amateur collecting” and modern museum: the prospects of constructive interaction.

Abstract: The current state of culture provokes keen interest in individual microcollecting. The collecting even of very trivial things and ordinary souvenirs is an attempt to build in our changeable cultural space at least the personal order in those borders which each inhabitant will find acceptable for themselves. The modern museum is forced to take this tendency into account, for example, opening museum souvenir shops or adding to the category of museum objects options before of trivial collections over time.

Keywords: private collecting, museum, tourism, souvenir, postmodernism, mass culture, microcollections, dilettante.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 069 (929)

Л. В. Стромилюк

АЛЕКСАНДР РАДЧЕНКО: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ МУЗЕЯ*

Сегодня ученые в своих исследованиях все больше стараются определить роль личности в тех или иных общественных явлениях и процессах. Речь идет не только о политической истории, но и об истории музейного дела. Немало научных изысканий посвящено людям конца XIX—начала XX в., благодаря которым образовывались и развивались музеи на территории украинских земель, входящих в состав сначала Австрийско-Венгерской и Российской империй, а потом—Советского Союза. Отдельная трагическая страница в истории—это интеллигенция 1930-х годов, деятели науки и культуры, те, кто сделал все возможное для сохранения выдающихся памятников истории и искусства, развития музейного дела Украины.

Послевоенное время почему-то меньше заинтересовало отечественных исследователей. Однако именно в это время формируются нормативно-правовая база, музейная сеть, которая, с небольшими изменениями, существует и сейчас; музеи организуют методическую и экскурсионную деятельность, приобщаются к научно-исследовательской работе. Конечно, за всем этим стояло новое, послевоенное поколение музейщиков.

Наша работа посвящена одному из сотрудников Национального заповедника «София Киевская», тогда—Государственный историко-архитектурный заповедник «Софийский музей». Человеку, который на протяжении 30 лет (1946–1975) возглавлял культурно-массовый отдел музея, был основоположником экскурсионной и научно-методической работы в заповеднике, автором первых путеводителей по Софийскому музею, научно-популярных публикаций в прессе. Именно так кратко и в то же время многогранно можно характеризовать Александра Дмитриевича Радченко. Он имел прямое отношение к созданию новых экспозиций музея и его популяризации, способствовал выявлению, фиксации, сохранению и популяризации выдающегося памятника XI–XIX столетий—Софийского собора.

Александр Дмитриевич Радченко родился 25 декабря 1914 г. в городе Киеве в крестьянско-рабочей семье. Образование получил неполное высшее, ученой степени не имел. В 1922–1931 и 1934 гг. успешно окончил учебу в 4 Трудовой школе г. Киева на Киевском машиностроительном рабочем факультете. Учился на физико-математическом факультете (1934–1935 гг., окончил только 1-й курс) в Киевском государственном университете (сегодня—Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) и на

* Благодарим за сотрудничество и предоставленные материалы работников Государственной научной архитектурно-строительной библиотеки им. В. Г. Заболотного и ее директора Г. А. Войцеховскую, а также Н. Ю. Евчук, И. С. Мирошниченко, И. И. Мовчана.

архитектурном факультете (1935–1939 гг., закончил три курса) в Киевском инженерно-строительном институте (сегодня Киевский национальный университет строительства и архитектуры). Копия справки с Архитектурного факультета Киевского инженерно-строительного института от 22 мая 1939 г. находится в личном деле, которое хранится в архиве отдела кадров Национального заповедника «София Киевская» (далее—НЗСК). В ней говорится, что Радченко А.Д. «...за время пребывания студ[ентом] I–III курсов... сдал полный курс теоретических занятий», и в числе других дисциплин сдал «Диалектический и исторический материализм» с оценкой «отлично»¹.

В 1939–1941 гг. А. Радченко учился на заочном отделении Московского института истории, философии и литературы имени М.Г. Чернышевского (существовал в Москве с 1931 по 1941 г., выделен из Московского государственного университета) на историческом факультете, закончил только четыре курса.

Начало Великой Отечественной войны помешало закончить учебу в вузе, а после ее окончания А.Д. Радченко продолжил учебу уже заочно в Киевском государственном университете. В 1948–1949 гг., как свидетельствует характеристика из личного дела, готовился к защите дипломной работы². Однако свидетельства о получении полного высшего образования мы, к сожалению, не нашли. Вероятнее всего, Александр Дмитриевич по разным причинам его так и не получил.

В «Личном листе» Александр Радченко, в графе «Какую (узкую) специальность получил в результате окончания высшего или специального среднего учебного заведения» отмечал, что получил специальность искусствоведа³, именно это он считал своей основной профессией.

В военные годы А. Радченко идет в армию, при этом отмечает, что «в старой армии и в Красной гвардии не служил»⁴. Во время Великой Отечественной войны в партизанском движении не участвовал и в подпольной работе участия также не принимал⁵.

По воспоминаниям тех, кому посчастливилось работать с Александром Дмитриевичем, этот человек обладал прекрасным чувством юмора. Впрочем об это говорит и заполненный им «Личный лист». Так, А.Д. Радченко отмечает, что в августе 1944—сентябре 1945 г. он пребывал за границей (Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия), цель пребывания: «разгром немецких оккупантов»⁶.

В июле—октябре 1941 г. А. Радченко—«командир орудия 758» в противотанковом артиллерийском полку Резерва Главного Командования. В октябре 1941 г.—сентябре 1942 г. назначен командиром топовычислительного взвода 972 артиллерийского полка 113 стрелковой дивизии. В сентябре 1942 г.—августе 1944 г. он—старший топограф штаба артиллерии «...113 „стр[елковой]“ Нижне-Днестровской Краснознаменной Дивизии»⁷. В августе 1944 г.—феврале 1945 г. старший топограф оперативного отдела Штаба артиллерии 57 армии. В феврале—ноябре 1945 г.—старший топограф Штаба артиллерии 64 Стрелкового Дунайского корпуса⁸.

¹ Национальный заповедник «София Киевская» (далее—НЗСК). Архив отдела кадров. Личное дело Радченко А.Д. Л. 5.

² Там же. Л. 8–9.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же.

За боевые заслуги А. Д. Радченко был награжден медалями «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта». Кавалер ордена Красной Звезды.

Сразу после демобилизации А. Д. Радченко пришел работать в Софийский музей. 16 февраля 1946 г. в приказе № 11 по Государственному историко-архитектурному заповеднику «Софийский музей» Академии архитектуры Украинской Советской Социалистической Республики с подписью директора заповедника Георгия Говденко отмечено, что товарищ А. Д. Радченко принят на должность заведующего культмассового отдела музея с месячным испытательным сроком с оплатой согласно штатному расписанию⁹. Правда, в характеристике (черновой вариант, датируемый октябрём 1948 г., также находится в личном деле), подшитой в личное дело с подписью временно исполняющего обязанности директора Софийского музея того же Г. Говденко отмечено, что А. Д. Радченко работает в заповеднике с января 1946 г.¹⁰ Однако текст чистового варианта характеристики, датированной 2 октября 1948 г., более сдержан: начало работы в заповеднике — 15 февраля 1946 г.

В автобиографии А. Радченко отмечал, что кроме русского и украинского языков, не очень хорошо владеет немецким¹¹.

В декабре 1949 г. Академия архитектуры УССР проводила аттестацию кадрового состава заповедника. Аттестационный лист А. Радченка почти дословно повторяет характеристики, которые находятся в личном деле¹². Руководитель Бюро Отдела Академии архитектуры УССР, действительный член Академии архитектуры СССР Николай Павлович Северов от руки дописал: «С характеристикой согласен»¹³.

29 ноября 1956 г., согласно постановлению Совета Министров УССР № 1423 «Вопрос об организации Академии строительства и архитектуры Украинской ССР», Государственным комитетом УССР по делам строительства были утверждены новая структура и штат. Должность заведующего культурно-массового отдела продолжил занимать А. Д. Радченко. Соответствующая выписка из приказа № 41 от 15 февраля 1957 г. по Государственному историко-архитектурному заповеднику «Софийский музей» была приобщена к личному делу Александра Дмитриевича¹⁴.

Примечательно, что хотя А. Д. Радченко и занимал руководящую должность, он оставался беспартийным. В характеристике отмечено, что Александр Дмитриевич — член профсоюза заповедника, в каких-либо партиях не состоял, и «в антипартийных группировках не участвовал»¹⁵, в революционном движении также не участвовал¹⁶. В центральных, республиканских, краевых, областных, городских, районных партийных советских и других избирательных органах он не участвовал¹⁷.

В характеристике отмечено, что товарищ А. Д. Радченко «...всесторонне развит, систематически повышает свой деловой и политический уровень...»¹⁸; «...знания в области искусствоведческой деятельности и настойчивая систематическая работа над изучением

⁹ НЗСК. Архив отдела кадров. Личное дело Радченко А. Д. Л. 1 об., 7.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 10–10 об.

¹³ Там же. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2, 9.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 10.

памятников архитектуры Софийского заповедника и литературы о культуре Древней Руси и другим вопросам, его любовь к памятникам старины и высокий уровень общего культурного развития, позволяют ему успешно руководить работой культмассового отдела заповедника»¹⁹. Составитель характеристики добавил, что Александр Дмитриевич «...дал письменное обязательство окончить свое образование в 1950 году при заочном отделении Киевского университета им. Т. Г. Шевченко (исторический факультет)»²⁰.

К личному делу приобщено именно то «письменное обязательство», о котором речь шла в аттестационном листе²¹. Документ написан А. Радченко от руки на имя директора заповедника. Радченко отмечал: «Тяжелое семейное положение (болезнь отца и его смерть, а также закрытие МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и искусства. — Л. С.) задержали мое оформление диплома»²². Однако Александр Дмитриевич обязывался перед директором заповедника и руководством Академии архитектуры УССР в 1950 г. при «...заочном отделении Киевского университета (исторический факультет)... заканчивать свое высшее образование, а также одновременно стремиться к сдаче кандидатской степени»²³.

В характеристике подчеркнуто, что товарищ Радченко много и усердно работает над изучением литературы о Софийском соборе, культуре Киевской Руси. Результатом его усердного труда стал объемный конспект экскурсовода по Софии Киевской, одобренный ученым советом и президией Академии архитектуры УССР²⁴. К сожалению, нам не удалось разыскать текст в архиве. Кроме того, в характеристике не названы фамилии рецензентов, членов ученого совета и членов президии Академии архитектуры. Вероятнее всего, конспект не сохранился. Однако именно Александра Радченко можно увидеть на многочисленных фотографиях, которые запечатлели проведение учебных экскурсий и экскурсий для правительственных делегаций.

В тексте характеристики отмечено, что Радченко занимался тематической работой: подготовил путеводитель по Софии Киевской. Он инициативный работник, хороший организатор. Подчеркнуто, что «...прилежание и настойчивость в работе, умение работать над литературой с несомненностью свидетельствуют о том, что в недалеком будущем из него выработается полезный работник науки»²⁵.

Об этой «пользе для науки», а именно для исследования Софийского собора и популяризации памятника, свидетельствует «Список научных трудов и изобретений», распространенный к личному делу²⁶. В течение 1948–1949 гг. Радченко занимался научно-исследовательской работой, пропагандировал памятники музея в периодических изданиях. Кроме того, был составлен «Методический конспект проведения экскурсий по Софийскому музею» (рукопись, 2 печатных листа, вероятно, не сохранилась); подготовлен путеводитель «Государственный историко-архитектурный заповедник „Софийский музей“». Путеводитель. Вып. 1. Софийский собор» (в примечании отмечено, что путеводитель (2,5 печатных листа) передан в издательство Академии архитектуры УССР в 1949 г.; составил историческую справку «Государственный историко-архитектурный заповедник

¹⁹ НЗСК. Архив отдела кадров. Личное дело Радченко А. Д. Л. 10 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 11.

²² Там же. Л. 11.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 6.

„Софийский музей“» (1949 г., 3 печатных листа, текст нами не найден); принимал участие в «составлении» экспозиции Софийского музея. Кроме того, Александр Дмитриевич подготовил научно-популярные статьи, которые «развенчивали антинаучные концепции на архитектуру, живопись и происхождение Софии Киевской»: «Подлинные создатели Софии Киевской» (заметка опубликована в газете «Правда Украины» от 22 августа 1948 г.)²⁷; «Реконструкция физического облика Ярослава Мудрого» (опубликована в газете «Советское искусство» от 28 июля 1948 г. под названием «Бюст Ярослава Мудрого») ²⁸; «Выдающийся памятник отечественной архитектуры»²⁹, «Фрески башен Софии Киевской — древнейший памятник бытовой росписи Киевской Руси» (рукопись была отдана в редакцию газеты «Правда Украины» в 1949 г., но заметку не опубликовали)³⁰.

А. Д. Радченко работал над научной темой «Фресковая роспись башен Софии Киевской». В научном архиве Национального заповедника «София Киевская» сохранились сделанные Александром Дмитриевичем зарисовки фресковых композиций двух башен собора³¹. Нами было обнаружено только несколько отчетов по теме³².

С результатами своих научных исследований Александр Радченко выступил на юбилейной конференции, посвященной 930-летию (согласно принятой тогда дате основания Софии Киевской — 1038 г.) Софийского собора, которая проходила 14 июня 1968 г. В научном архиве заповедника сохранилась стенограмма конференции с кратким докладом Александра Дмитриевича на тему «К вопросу исследования фрески „Ипподром“ в башне Софии Киевской»³³. Текст очень лаконичен и, безусловно, не отображает результатов исследований.

Со временем А. Радченко опубликовал, наверное, единственную статью по научной теме. Работа появилась на страницах сборника «София Киевская: Материалы исследований» в 1973 г. Именно здесь ученым была опубликована известная всем исследователям Софийского собора реконструкция фрески «Ипподром», которая находится в юго-западной башне³⁴. Эту реконструкцию позже использовали в своей публикации известные исследователи Софии Киевской, которые начинали свой научный путь и состоялись как ученые благодаря Александру Радченко, заведующему культурно-массовым отделом — Ирма Фантимовна Тоцкая и Сергей Александрович Высоцкий³⁵. Кстати, в 1989 г. при написании монографии «Светские фрески Софийского собора в Киеве» учеными частично были использованы результаты исследований уже покойного Александра Дмитриевича Радченко.

²⁷ Радченко А. Подлинные создатели Софии Киевской // Правда Украины. 1948. № 199. 22 августа.

²⁸ Радченко А. Бюст Ярослава Мудрого // Радянське мистецтво. 1948. 25 липня.

²⁹ Радченко А. Видатний пам'ятник вітчизняної архітектури // Радянське мистецтво. 1949. № 29. 20 липня.

³⁰ НЗСК. Архив отдела кадров НЗСК. Личное дело Радченко А. Д. Л. 6.

³¹ Там же. Научный архив. НАДР—932. Материалы и исследования фресковой живописи. А. Д. Радченко.

³² Исследование и реставрация памятников архитектуры и монументального искусства УССР. Раздел: Фресковая роспись башен Софии Киевской: Научный отчет по теме № 62–121 // Акад. строительства и архитектуры УССР, Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей» НИИТИ; исполнитель: А. Д. Радченко. Киев, 1962. 36 л.

³³ НЗСК. Научный архив. НАДР—134. Стенограма ювілейної наукової конференції, присвяченої 930-річчю Софійського собору. Київ. 13–14 червня 1968 р. Л. 65–68.

³⁴ Радченко А. Д. К вопросу об изображении ипподрома в юго-западной башне Софии Киевской // София Киевская: материалы исследований. Київ: Будівельник, 1973. С. 35–37.

³⁵ Высоцкий С. А., Тоцкая И. Ф. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 146.

Заведующему культурно-массовым отделом А. Д. Радченко неоднократно объявляли благодарность и награждали ценными подарками «за достигнутые успехи в научно-исследовательской и производственной работе и успешное выполнение своих служебных обязанностей»³⁶. Как свидетельствуют выписки из приказов по заповеднику, приобщенные к личному делу, он неоднократно замещал директора заповедника во время отпуска или командировки последнего.

С 16 октября 1973 г. А. Радченко занял должность заместителя директора по музейной работе³⁷, некоторое время он по совместительству — заведующий культурно-просветительским сектором (Приказ № 73 от 12 ноября 1974 г.)³⁸. 2 января 1975 г. А. Д. Радченко уволили в связи с выходом на пенсию³⁹, но некоторое время он временно занимал должность научного сотрудника (с мая до октября 1975 г.)⁴⁰. В 1976 г. больше двух месяцев Александр Дмитриевич занимает должность заведующего сектором охраны и изучения архитектуры Софийского заповедника (с 16 мая 1976 г.)⁴¹. Вероятно, этой должностью заканчивается трудовая деятельность Александра Дмитриевича Радченко в Государственном архитектурно-историческом заповеднике «Софийский музей», его фамилия больше не упоминается в приказах по заповеднику.

О личной жизни А. Д. Радченко известно немного: был женат дважды, детей у него не было. Первый брак длился 9 лет, его женой стала Екатерина Кирилловна Масько. Она работала в заповеднике, сначала научным сотрудником отдела, который возглавлял А. Радченко, позже — ученым секретарем заповедника. Второй брак был гражданский, его избранницей стала Бажена Францевна Анпанченко. С ней он оставался до конца своей жизни, которая оборвалась 20 марта 1984 г. Похоронен Александр Дмитриевич Радченко в г. Киеве.

В декабре 2014 — марте 2015 г. сотрудниками музея к 100-летию со дня рождения А. Д. Радченко в нартексе Софийского собора была открыта временная мемориальная экспозицию. Были представлены материалы и фотографии из фондов Национального заповедника «София Киевская», Государственной научной архитектурно-строительной библиотеки им. В. Заболотного, личного архива бывшего заведующего музеем «Кирилловская церковь» и коллеги Александра Радченко — Ивана Ивановича Мовчана.

В общей сложности Александр Дмитриевич Радченко является автором или соавтором более чем двадцати научно-популярных публикаций в периодических изданиях⁴².

³⁶ НЗСК. Архив отдела кадров. Личное дело Радченко А. Д. Л. 17.

³⁷ Там же. Приказы по Государственному архитектурно-историческому заповеднику «Софийский музей» за 1973 год. Л. 102.

³⁸ Там же. Приказы по Государственному архитектурно-историческому заповеднику «Софийский музей» за 1974 год. Л. 98.

³⁹ Там же. Архив отдела кадров. Приказы по Государственному архитектурно-историческому заповеднику «Софийский музей» за 1975 год. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 78.

⁴¹ Там же. Приказы по Государственному архитектурно-историческому заповеднику «Софийский музей» за 1976 год. Л. 94.

⁴² *Висоцький С., Радченко О.* Таємниця стародавньої стіни // Вечірній Київ. 1959. 30 березня. № 75. С. 2; *Радченко А.* 1) Поема в красках и камне // Вестник Академии архитектуры Украинской ССР. 1958. Вып. 1. 1968. 16 февраля; 2) «Прочитайте тую славу, як дев'ять століть тому Дочки Ярослава» // Україна. 1967. № 25. червень; 3) 920 років з дня заснування Софії Київської // Київська правда. 1957. 13 лютого; 4) 930 років Київської Софії // Нове життя. Чехословаччина. Пряшів. 1967. 24/VI; 5) Анна руська, королева французька // Вечірній Київ. 1966. 9 грудня; 6) Видатний пам'ятник старовини // Молодь України. 1953. 8 грудня; 7) Друга молодість Софії // Вечірній Київ. 1964. 14 грудня; 8) Єлизавета руська — королева Норвегії // Вечірній Київ. 1967. 22 лютого;

Часть этих публикаций была включена в брошюру, составленную Ирмой Фантимовной Тоцкой⁴³.

Отдельно стоит вспомнить о небольшой монографии Александра Дмитриевича, название которой свидетельствует об особенном отношении автора к Софийскому собору: «Поэма в камне и красках»⁴⁴. Книга вышла в свет в 1972 г. и была напечатана на украинском и русском языках. По словам бывшего научного сотрудника отдела «Софийский музей» Людмилы Генриховны Сивковой (Ивакиной), работавшей под руководством А. Радченко, он очень гордился именно этой публикацией.

Александр Дмитриевич является автором первых четырех (!) путеводителей по Софийскому собору (под общей редакцией Н. П. Северова) с черно-белыми и цветными фотографиями⁴⁵. Путеводители с изменениями и дополнениями были переизданы несколько раз: в 1950, 1952, 1958, 1970 гг. А. Радченко стал соавтором сценария одного из первых документальных фильмов о Софийском соборе — «София Киевская», снятого в 1966 г.⁴⁶ Также им были составлены иллюстрированные фоторассказы о Софии Киевской. Они были изданы на украинском, русском, английском, немецком и французском языках⁴⁷. Текст Александра Дмитриевича Радченко и прекрасные фотографии В. Маруженко и В. Соловского стали чудесной возможностью для иностранных посетителей познакомиться с выдающимся памятником мирового значения — Софийским собором.

Александр Дмитриевич Радченко сделал большой вклад в развитие экспозиционной, экскурсионной и научно-методической работы одного из ведущих музеев страны, принимал активное участие в исследовании, фиксации, сохранении и популяризации выдающегося памятника XI—XIX столетий — Софии Киевской. Длительная и кропотливая работа Александра Дмитриевича, исследователя и талантливого организатора, а также исследования многих сотрудников архитектурно-исторического заповедника сделали возможным включение в 1989 году Софийского собора и памятников монастырского ансамбля XVIII столетия в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

9) Київський кремль. Вечірній Київ. 1954. 9 грудня; 10) Мозаїки Софії // Вечірній Київ. 1959. 3 серпня; 11) Про що розповідають фрески // Вечірній Київ. 1967. 25 листопада; 12) Софийський музей // Сталинское пламя. 1953. 24 мая; 13) Софійський музей // Вечірній Київ. 1954. № 208. 2 вересня; 14) Таємниця саркофагу Вечірній Київ. 1967. 14 квітня; 15) Фрески Софійського собору // Вечірній Київ. 1954. 7 липня.

⁴³ Тоцкая И. Ф. Список публикаций по памятникам Софийского заповедника в Киеве. 1934–1974 гг. [Б. м.], [Б. г.]. 34 с.

⁴⁴ Радченко А. Поэма в камне и красках / на укр., рус. языках. Київ: Будівельник, 1972. 124 с.

⁴⁵ Радченко А. Д. 1) Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей»: путеводитель / под общ. ред. Н. П. Северова. Киев: Изд-во АА УССР, 1950. 48 с.; 2) Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей»: (путеводитель) / под общ. ред. Н. П. Северова. 2-е изд., доп. Киев: Изд-во АА УССР, 1952. 70 с.; 3) Софійський музей у Києві. Київ: Держ. вид-во образотв. мистец. і муз. л-ри УРСР, 1958. 20 с.; 4) «София Киевская». Фоторассказ о выдающемся памятнике архитектуры XI в. на территории Советской Украины — Софийском соборе. Киев: Мистецтво, 1970. 21 с.

⁴⁶ Центральный государственный кинофотофоноархив Украины им. Г. С. Пшеничного. Ед. хр. 5359. «София Киевская». Телефильм (1966 р.).

⁴⁷ Радченко А. Д. / Автор-составитель. «София Киевская». Фоторассказ о выдающемся памятнике архитектуры XI в. на территории Советской Украины Софийском соборе. Киев: Мистецтво, 1969; София Київська // Sophienkathedrale in Kiew: Фоторозповідь / авт.-уклад. О. Д. Радченко; фот.: В. О. Маруженка, В. Б. Соловського. К.: Мистецтво, 1970. 21 с. : іл. Текст: укр., нім.; София Киевская // Sainte-Sophie de Kiev: фоторассказ / авт.-сост. А. Д. Радченко. К.: Мистецтво, 1970. 21 с. Текст: рус., фр.

Информация о статье

Автор: Стромилюк Любовь Васильевна— кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный заповедник «София Киевская», Киев, Украина. e-mail: stromeliyk@gmail.com.

Заглавие: Александр Радченко: личность в истории музея.

Абстракт: Автор раскрывает биографию Александра Дмитриевича Радченко (1914–1984), который стоял у истоков экскурсионной работы Национального заповедника «София Киевская», занимался исследованием, популяризацией и охраной памятников музея. На основании новых архивных данных рассматривается роль и вклад А. Д. Радченко в научную, экскурсионную и экспозиционную деятельность музея. Автор освещает один из периодов истории Национального заповедника «София Киевская». Содержание статьи также позволяет расширить общее представление об истории музейного дела в Украине в 1945—в начале 1980-х гг.

Ключевые слова: Александр Дмитриевич Радченко, Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей», Национальный заповедник «София Киевская», София Киевская, музейная профессия, музейное дело.

Information on article

Author: Stromeliyuk Lyubov Vasilievna— PhD in History, Leading Researcher, National Preserve “St. Sophia of Kyiv”, Kiev, Ukraine, stromeliyk@gmail.com.

Title: Alexander Radchenko: the person in the museum history.

Abstract: The author reveals the biography of Alexander Dmitrievich Radchenko (1914–1984), who was at the forefront of the excursion work of the National Reserve “Sophia of Kyiv”, engaged in research, promotion and protection of monuments of the museum. On the basis of new archival data the author examines the role and contribution of A. D. Radchenko in scientific, excursion and exhibition activities of the museum. The author highlights one of the periods of the history of the National Reserve “Sophia of Kyiv”. The content of the article also allows you to expand an overview of the history of museums in Ukraine in 1945—at the beginning of the 1980s.

Keywords: Alexander Dmitrievich Radchenko, National Reserve “St. Sophia of Kyiv”, National architectural and historical reserve “Sophia Museum,” Saint Sophia Cathedral in Kiev, museum profession, museology.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 304.2

О. С. Сапанжа

**ИНТЕРПРЕТИРУЯ ИСТОРИЮ: РАБСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ ЕГО «ПРОЧТЕНИЯ» В МУЗЕЯХ США**

Рецензируемое издание: *Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites* / Edited by Kristin L. Gallas and James DeWolf Perry. Boulder; New York; London: ROWMAN & LITTLEFIELD, 2015. 128 p. ISBN: 978-0-7591-2326-7.

Интерпретация рабства в музеях и исторических комплексах / под ред. К. Галлас, Д. Перри. Боулдер; Нью-Йорк; Лондон, 2015.

Рецензируемое издание, несмотря на кажущуюся неактуальность для российской музейной практики, тем не менее, примечательно и небезынтересно для отечественных музеологов и музейных сотрудников.

Во-первых, издание работы происходило в период активной подготовки к открытию первого в США музея, полностью посвященного афроамериканской истории и культуре и, конечно, в значительной степени истории рабства, — Национального музея афроамериканской истории и культуры в Вашингтоне. Обращение к этому значительному явлению в музейной жизни США можно обнаружить в самой книге: на обложке издания размещен отзыв Рекса Эллиса, заместителя директора, руководителя направления кураторства¹, им же написано введение к книге, а заключение открывает цитата Барака Обамы из речи, произнесенной на церемонии закладки первого камня музея 22 февраля 2012 г.² Таким образом, процесс подготовки и издания книги вполне созвучен процессу создания музея в Вашингтоне, открытого 24 сентября 2016 г. и ставшего девятнадцатым музеем Смитсоновского института³.

¹ Рекс Эллис отмечает в отзыве, что эта книга поможет понять музейным профессионалам, как стратегически и технически решить проблемы интерпретации рабства в исторических музеях. Если книга будет находиться в библиотеке для сотрудников каждого музея, отмечает рецензент, это существенно поможет решить вопросы интерпретации данного непростого явления.

² Первый чернокожий президент США в этой речи выражает надежду на то, что будущие поколения, услышав историю борьбы, наполненной жертвами и болью, воспримут ее не как отдельную, важную, но не имеющую к ним отношения часть большой американской истории, но как часть истории страны. Мысль президента, высказанную на закладке музея, повторяет директор-основатель музея Лонни Банч. На официальном сайте музея читаем: «Этот музей покажет американскую историю сквозь объектив афроамериканской истории и культуры. Это история Америки и музей для всех американцев» (<https://nmaahc.si.edu>).

³ Основанный в 1846 г. Смитсоновский институт (*Smithsonian*) сегодня является самым большим в мире институтом, объединившим музеи, образовательные и научно-исследовательские комплексы (Официальный сайт Смитсоновского института (*Smithsonian*): <http://www.si.edu/>). В составе

Во-вторых, интересно, что рецензируемая книга вышла в серии «Интерпретируя историю», которую выпускает исторический музей Чикаго и Американская ассоциация общей и региональной истории. Серия предназначена, в первую очередь, для профессионалов — сотрудников музеев и организаций, занимающихся историческим просвещением. За последние три года в серии вышло более десятка книг, посвященных вопросам интерпретации тех или иных социальных феноменов в музейной коммуникации. Среди них — интерпретация в музеях таких тем, как военная и военно-морская история, еда, сельскохозяйственная культура, история евреев на американском континенте и, наконец, даже история ЛГБТ. Первая книга серии, вполне закономерно, была посвящена вопросам интерпретации американской истории и культуры в музеях (2014 г.), последняя (которая выйдет в свет весной 2017 г.) — интерпретации морской истории.

Книга, посвященная проблеме интерпретации феномена рабства в музеях, вышла одновременно с книгой названной серии, посвященной интерпретации вопросов афроамериканской истории и культуры. Внимание к этой теме нельзя назвать случайным в период подготовки к открытию в столице Национального музея афроамериканской истории и культуры. Рабство, борьба за освобождение, а затем за равенство в правах как значительный фрагмент американской истории стало неотъемлемой частью культуры и, вполне естественно, потребовало издания, в котором ведущие специалисты музеев и представители академического сообщества поделились бы актуальными технологиями музейной интерпретации этого исторического феномена.

Среди авторов коллективной монографии — руководители крупных общественных организаций (куратор Национального центра гражданских прав человека в Атланте Дина Бейли, директор Программ афроамериканских инициатив Фонда «Колониальный Уильямсберг» Патрисия Брукс), директора музеев (директор музея, открытого в 2004 г. в городе Цинциннати, штат Огайо, повествующего о борьбе за свободы с периода подземной железной дороги, дававшей возможность беглым рабам бежать в свободные штаты, до сегодняшнего дня, — Ричард Купер; директор Центра Гарриет Бичер-Стоун в Хартфорде, штате Коннектикут, Кэтрин Кэйн), профессиональные историки (например, один из авторов — Николь Мур — является автором диссертации по истории рабства и его места в американской истории и истории плантаций Северной Каролины).

В предисловии к изданию Рекс Эллиот отмечает, что в национальных музеях тема рабства не является ведущей, соответственно у сотрудников, разрабатывающих проекты и программы по этой теме, могут возникнуть затруднения. Книга «Интерпретация рабства в музеях» помогает понять, какие методы и технологии наиболее эффективны при разговоре об истории рабства в пространстве музеев. В итоге, профессионал сможет показать

Смитсоновского института — девятнадцать музеев и галерей, Национальный зоологический парк и девять научно-исследовательских учреждений. Все аспекты национальной истории и культуры (искусство, естественная история, история Америки, наука и коммуникации) отражены в музеях, большинство из которых расположены на Национальной аллее между Капитолием и монументом Вашингтону. Еще один аспект — трагическая и величественная история выходцев с Африканского континента — представлен в новом Национальном музее афроамериканской истории и культуры (*National Museum of African American History and Culture*), расположенном прямо у монумента Вашингтону (Официальный сайт Национального музея афроамериканской истории и культуры (*National Museum of African American History and Culture*): <https://nmaahc.si.edu/>). Национальный музей афроамериканской истории и культуры, который на сегодняшний день является единственным национальным музеем, посвященным исключительно документации афроамериканской истории, был учрежден Актом Конгресса в 2003 г., конкурс на проектирование закончился в 2009 г., в 2012 г. началось возведение музейного комплекса, в 2016 г. музей был открыт для публики.

рабство не как фрагмент афроамериканской истории, а как важную часть истории американской нации.

Авторы на протяжении всей книги обращают внимание на то, что рабство — это общая история и чернокожего, и белого населения. Казалось бы, эта история достаточно известна. Тем не менее, в музее происходит ситуация нового открытия известных проблем, что провоцирует своеобразную ситуацию «кризисов изучения». Для иллюстрации процесса музейного восприятия музейной информации авторы прибегают к схеме, обоснованной в диссертации Джулии Роуз, посвященной вопросам переосмысления представления рабства в музеях истории плантаций, где рассматриваются не только вопросы рабства, но и вопросы истории южных штатов до Гражданской войны Севера и Юга, не лишённые романтики и исторической ностальгии⁴. В традициях американского музейного менеджмента процесс осмысления информации представлен в виде схемы “5R” (*reception-resistance-repetition-reflection-reconsideration*)⁵. Основными шагами, по мысли авторов, являются готовность к восприятию информации, противодействие как ответная реакция на неприятную информацию, осмысление информации, ее обдумывание и, наконец, пересмотр, готовность к изменению точки зрения и формулировке выводов.

Изданию коллективной монографии предшествовала серия опросов и бесед с музейными профессионалами, которые разрабатывают программы в исторических музеях, для выявления наиболее значительных проблем интерпретации рабства, с которыми сталкиваются кураторы и руководители образовательных отделов. Среди наиболее популярных ответов оказались следующие: как рассказать историю так, чтобы она не противоречила миссии музея⁶; как компенсировать отсутствие подлинных материалов; как привлечь посетителей, которые не хотят говорить о рабстве и вообще не хотят посещать музеи, посвященные истории и культуре чернокожего населения (так называемые “*black museums*”); как привлечь и подготовить волонтеров, не обладающих специальной исторической подготовкой, для обсуждения вопросов рабства в музейных программах. Таким образом, основными фокусами проблемы стали: сам музей и его миссия, посетители, кураторы и волонтеры, то есть, по сути, все участники процесса музейной коммуникации.

В итоге, авторы вырабатывают концепцию, включающую шесть компонентов, каждый из которых является частью «пазла», обеспечивающего эффективность процесса музейного образования. Следование этим правилам, отмечают авторы, поможет музеям выработать свой путь и разработать свой план интерпретации рабства музейными средствами. Рассмотрим, что же относится к этим компонентам, необходимым для комплексного и добросовестного решения проблемы.

Во-первых, по мысли коллектива авторов, это всеобъемлющее содержание, связанное с необходимостью работать в проблемном поле истории рабства в контексте истории местного сообщества, штата, нации. Не менее важно обращение к персональной истории, на необходимости которого настаивают авторы⁷.

⁴ Rose J. A. Rethinking Representation of Slave Life at Historical Plantation Museums: Towards a Commemorative Museum Pedagogy. PhD diss. Louisiana State University, 2006.

⁵ В русском варианте эта схема может быть представлена в виде «5 П» (прием-противодействие-повторение-продумывание-пересмотр).

⁶ Имеются в виду, прежде всего, сотрудники музеев, которые посвящены выдающимся деятелям-рабовладельцам, или мемориальных музеев быта рабовладельцев. Грубо говоря: как рассказать историю крепостничества в музее-заповеднике «Михайловское».

⁷ Действительно, музеи США стремятся связать историю страны с частной историей семьи. Например, в музее «Коттедж Линкольна» в пригороде Вашингтона Форт Тоттене, где проводил

Во-вторых, это учет расовой идентификации, так как расовая принадлежность играет большую роль в том, как именно будет представлена история.

В-третьих, это оценка корпоративного вклада. Необходимость понимания специфики интерпретации всем коллективом музея, по мнению авторов, является необходимым слагаемым успеха. Руководство должно приложить усилия, чтобы все (а не только те, кто непосредственно участвует в образовательных программах) получили необходимую информацию, так как они играют важную роль в том, насколько составленный план будет эффективен на практике.

В-четвертых, важно обратить внимание на привлечение общественности и развитие социального партнерства. Интерпретация рабства представляет возможности для налаживания связей с новыми социальными партнерами (частными лицами, общественными организациями). Формы взаимодействия вполне традиционны: от посещений мероприятий и финансовой помощи до даров музею, пропаганды его миссии.

В-пятых, необходим учет опыта и ожиданий посетителей. Ставшее уже привычным представление о посетителях как партнерах в процессе интерпретации, тем не менее, не отменяет необходимости четко представлять себе, какие предубеждения они могут принести с собой, каковы их ожидания и их реальный опыт. Важен учет как отрицательного опыта при проектировании программ, так и положительного, который может быть представлен в программах.

И, наконец, в-шестых, важным компонентом является обучение персонала. Не стоит жалеть времени, повторяют авторы, чтобы обсудить в группах все нюансы создаваемых программ: от используемого материала до особенностей коммуникации.

В целом, перечисленные принципы вполне можно охарактеризовать как вполне универсальные для интерпретации тех или иных исторических проблем. Выделяется, пожалуй, лишь пункт, связанный с учетом расовой идентификации. Собственно, разбору каждого пункта и посвящены главы коллективной монографии. При этом общим лейтмотивом издания остается слоган, который накануне открытия Национального музея афроамериканской истории и культуры в Вашингтоне можно было увидеть на рекламных плакатах в разных частях города: «Чтить прошлое, чтобы созидать настоящее»⁸. И в этом контексте, казалась бы, неактуальная история американского рабства, приобретает особое значение и для отечественного музейного пространства, значительная часть которого отражает период крепостного права и, тем не менее, не касается этой болезненной темы

значительную часть времени 16-й американской президент, чье имя в американской истории, в первую очередь, связано с отменой рабства, юным посетителям предлагают выполнить «домашнее задание» (поскольку музей работает только в формате группового обслуживания, у детей возможность выполнить это задание чаще всего появляется после участия в программе для детей «Шляпа Линкольна»). В холле информационного центра в свободном доступе находятся конверты «Расскажи свою семейную историю». В конверте находится бланк с заданием — рассказать об истории иммиграции семьи в США. Учитывая, что этот музей не входит в орбиту туристических маршрутов и ориентируется, в значительной степени, на местное сообщество, это задание, прежде всего, для детей, проживающих в штате Мериленд (где до 30 % населения составляют афроамериканцы) и Вашингтоне (где афроамериканское население составляет более 50 %). Кроме того, в конверте находятся наклейки с символами, характеризующими мотивы иммиграции (образование, поиск убежища, работа, поиск свободы и, наконец, насильное перемещение). Здесь же находится конверт с адресом музея, в котором можно отправить свою семейную историю.

⁸ О технологиях тиражирования образа музея в пространстве города см.: *Сапанжа О. С.* Больше, чем музей: Национальный музей афроамериканской истории и культуры в городском пространстве // *Музей.* 2016. № 10. С. 54–57.

или касается достаточно отстраненно. История музеефицированных американских плантаций — это и блестящая история ее владельцев, так же как российские усадьбы демонстрируют именно этот ракурс русской истории, заставляя посетителей ностальгически вздыхать над красотой и изяществом прошлого.

Информация о статье

Автор: Сапанжа Ольга Сергеевна — доктор культурологии, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, sapanzha@mail.ru.

Заглавие: Интерпретируя историю: рабство как историческое явление и особенности его «прочтения» в музеях США.

Рецензируемое издание: Интерпретация рабства в музеях и исторических комплексах / под ред. К. Галлас, Д. Перри. Боулдер; Нью-Йорк; Лондон, 2015.

Абстракт: Рецензия представляет обзор одной из книг серии «Интерпретируя историю», которая издается для сотрудников музеев США с 2014 г. Данная серия посвящена интерпретации проблемных вопросов в образовательной практике музеев и исторических комплексов. Ежегодно издаются книги по проблемам интерпретации таких феноменов, как военная и морская история, еда, аграрная история. Коллективная монография, обзор которой представлен в рецензии, посвящена проблемам интерпретации музейными средствами истории рабства. Книга вышла в 2015 г. одновременно с книгой серии, посвященной интерпретации афроамериканской истории и культуры. Эта тема, важная для истории США, достаточно сложна для освещения в некоторых музеях, не связанных напрямую с историей рабства, но косвенно затрагивающих вопросы рабовладения как исторического феномена. Помимо краткого обзора основных идей книги, ее общей концепции и авторов издания, представлен актуальный материал, связанный с открытием нового Национального музея афроамериканской истории и культуры, что позволяет анализировать рецензируемое издание не только как руководство, раскрывающее актуальные формы и технологии музейной интерпретации феномена рабства, но и как ответ на общие тенденции развития музейного пространства США на современном этапе.

Ключевые слова: музей, музейное образование, исторические музеи, рабство, интерпретация истории.

Information on article

Author: Sapanzha Olga Sergeevna — Doctor of Culturology, Professor, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, sapanzha@mail.ru.

Title: “Interpreting history”: slavery as a historical phenomenon and its interpretation in American museums.

Review: Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites / Ed. by Kristin L. Gallas and James DeWolf Perry. Boulder; New York; London: ROWMAN & LITTLEFIELD, 2015. 128 p. ISBN: 978-0-7591-2326-7.

An overview of the books “Interpreting history” series, which is published for the staff of American museums is in the focus of the article. This series has been published since 2014. Within three years of publications on issues of museum interpretation such things as food, military and maritime history, national history have been covered. The book “Interpreting slavery at Museums and Historic Sites” was published in 2015. The monograph is devoted to the problems of the history of slavery interpretation at the museums. In addition to an overview

of the main ideas of the book, information on the new National Museum of African American History and Culture is presented. The mention about this museum can be found on the pages of the book. In this connection, the problem of slavery and the history of African-American culture is analyzed as an important part of contemporary American museum space. This is a central problem for special museums. On the other hand, the problem can be represented in the historical museums in which slavery is not in the focus. Effective ways of interpretation are presented in the book.

Keywords: museum, museum education, historical museums, slavery, interpretation of history.

ХРОНИКИ

С. Б. Чебаненко, А. Э. Котов, Ф. Н. Веселов, В. Г. Ананьев, А. А. Амосова
S. B. Chebanenko, A. E. Kotov, F. N. Veselov, V. G. Ananiev, A. A. Amosova

ПЯТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕОЛОГИЯ—МУЗЕЕВЕДЕНИЕ
В XXI веке: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ»

THE FIFTH ACADEMIC CONFERENCE “MUSEOLOGY—MUSEUM STUDIES
IN THE 21st CENTURY: PROBLEMS OF LEARNING AND TEACHING”

Резюме: 20–22 октября 2016 г. в Санкт-Петербурге в рамках «Дней истории в СПбГУ» (13–22 октября) под эгидой Санкт-Петербургского культурного форума прошла пятая научная конференция «Музеология—музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания». Целью проекта является формирование площадки для обсуждения общих проблем музеологии как научной и учебной дисциплины, так и области профессиональной деятельности. Конференция была организована по инициативе кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Работа конференции велась в рамках пленарного заседания и секций: «Музеи в социокультурном пространстве: опыт и современность», «История музейного дела», «Музей и коллекции: практики формирования, изучения, презентации», «Музей и наследие: от концепта к предмету». Участники мероприятия обсудили основные направления работы современного музея как социокультурного и научно-исследовательского института, обратились к вопросам истории и теории музейного дела и музеологии, уделили особое внимание специфике функционирования музея в современном академическом и образовательном пространстве, социокультурным практикам современного музея и научно-исследовательской работе в современном музее.

Ключевые слова: конференция, музеология, музей, история и теории музейного дела, научно-исследовательская работа.

Summary: On the 20–22nd of October in Saint-Petersburg as part of “Days of History in SPbU” (13–22nd of October) under the aegis of Saint-Petersburg Cultural forum the fifth scholar conference “Museology—museum studies in the 21st century: problems of learning and teaching” was held. The aim of the project was to organize a field for discussing general problems of museology not only as a scholar and educational subject, but as a professional sphere as well. The conference was organized upon the initiative of department of museology of the Institute of history at Saint-Petersburg state university. The conference was held in plenary meeting and sections: “Museums in social-cultural space: experience and modernity”, “History of the museum work”, “Museums and collections: practices of forming, studying and presentation”, “Museum and heritage: from concept to subject”. Participants of the event discussed general tendencies of contemporary museum work as a social-cultural and scientific-research institution, turned to questions of history and theory of museum work and museology,

gave a special consideration to specifics of museum functioning in the contemporary academic and educational space, social-cultural practices of contemporary museum and scientific-research work in museums.

Keywords: conference, museology, museum, history and theory of the museum work, scientific-research work.

Автор / Authors

Чебаненко Сергей Борисович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, tchebanenko.sergei@yandex.ru.

Chebanenko Sergey Borisovich — PhD in History, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia, tchebanenko.sergei@yandex.ru.

Котов Александр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, akotov@inbox.ru.

Kotov Aleksandr Eduardovich — PhD in History, Associate Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, akotov@inbox.ru.

Веселов Федор Никитович — старший преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, Россия, f.veselov@spbu.ru.

Veselov Fedor Nikitovich — Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State university; Senior Research Assistant, Military-historical museum of artillery, engineer troops and signal corps, St. Petersburg, Russia, f.veselov@spbu.ru.

Ананьев Виталий Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, v.ananьев@spbu.ru.

Ananiev Vitaly Gennadievitch — PhD in History, Senior Lecturer, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, v.ananьев@spbu.ru.

Амосова Алиса Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.amosova@spbu.ru.

Amosova Alisa Anatoljevna — PhD in History, Associate professor, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.amosova@spbu.ru.

20–22 октября 2016 г. в Санкт-Петербурге в рамках «Дней истории в СПбГУ» (13–22 октября) под эгидой «Санкт-Петербургского культурного форума» прошла очередная, пятая научная конференция «Музеология — музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания». Целью проекта является формирование площадки для обсуждения общих проблем музеологии как научной и учебной дисциплины, так и области профессиональной деятельности. Конференция была организована по инициативе кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Прошедшую конференцию можно назвать юбилейной. Конференция проходит раз в два года и собирает специалистов-музеологов из разных стран мира. За все время существования, с 2008 г., в ее работе приняло участие более 400 человек из Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Индии, Испании, Казахстана, Канады, Латвии, Молдовы, России, Словении, Украины, Финляндии, Франции,

Чехии. Не стал исключением и нынешний форум — в конференции приняли участие специалисты, представлявшие музейные, научные и учебные учреждения России и зарубежных стран. Соорганизаторами мероприятия неоднократно становились кафедра ЮНЕСКО по музеологии и мировому наследию университета Масарика (Брно, Чехия), ГУК ГМП «Исаакиевский собор» и ГМЗ «Павловск».

Работа пятой конференции велась в рамках пленарного заседания и секций: «Музеи в социокультурном пространстве: опыт и современность», «История музейного дела», «Музей и коллекции: практики формирования, изучения, презентации», «Музей и наследие: от концепта к предмету». Участники мероприятия обсудили основные направления работы современного музея как социокультурного и научно-исследовательского института, обратились к вопросам истории и теории музейного дела и музеологии, уделили особое внимание специфике функционирования музея в современном академическом и образовательном пространстве, социокультурным практикам современного музея и научно-исследовательской работе в современном музее. Конференция подтвердила статус одного из традиционных и представительных форумов музейных работников и музеологов.

Конференция открылась приветственными словами представителей университета. В. В. Шишкин, председатель Научной комиссии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, поздравил участников конференции с началом работы и передал приветствие от имени доктора исторических наук, профессора, директора Института истории А. Х. Даудова.

В своем сообщении доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Санкт-Петербургского государственного университета А. В. Майоров подвел итоги работы конференции за все время ее существования, отметил востребованность в профессиональной среде подобной площадки для обсуждения общих проблем музеологии. Также докладчик сообщил о деятельности первого в России научно-теоретического периодического издания по музеологии «Вопросы музеологии», организованного в 2010 г. кафедрой музеологии Санкт-Петербургского государственного университета, на страницах которого также публикуются материалы конференций.

Пленарное заседание конференции было посвящено наиболее актуальным проблемам современного музейного дела. В своих докладах выступавшие охарактеризовали наиболее острые проблемы, возникающие сегодня перед музеями. Заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства И. В. Ярославцева посвятила свое выступление важной проблеме взаимоотношений музея и посетителей — на примере Томского областного художественного музея она продемонстрировала, как на протяжении последних трех десятилетий происходило изменение музейной миссии этого института и как это сказалось на основных направлениях его работы. Доклад, построенный с привлечением значительного массива архивных материалов, вызвал оживленную дискуссию и ряд вопросов у собравшихся коллег. Главный хранитель Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН кандидат филологических наук Н. П. Копанева рассказала об обстоятельствах создания в структуре музея особого отдела, посвященного истории отечественной науки XVIII в. и деятельности М. В. Ломоносова. Обращаясь к широкому историческому контексту первых послевоенных лет, она убедительно продемонстрировала, как создание Музея М. В. Ломоносова оказалось своеобразным интерфейсом пересечения академических и политических интенций эпохи. О современном состоянии музейного дела говорил хранитель экспозиции музея «Исаакиевский собор» кандидат технических наук С. Н. Окунев — в его докладе

в центре внимания находилась проблема обеспечения безопасности музеев и музейных собраний в современном мире. Привлекая актуальные концепции политической философии, он указал на наиболее острые проблемные точки и предложил свое видение возможных путей их решения. Доцент Челябинского государственного института искусств, кандидат педагогических наук И. В. Андреева в своем докладе обратилась к истории отечественной музееведческой мысли и сквозь призму парадигмального подхода рассмотрела эволюцию базовых концептов музейной науки в России второй половины XX — начала XXI в. Теоретическая матрица Т. Куна позволила по-новому взглянуть на хорошо известный материал и структурировать его оптимальным для анализа образом. Доцент Поволжского (Казанского) федерального университета, доктор исторических наук Л. А. Сыченкова предложила собравшимся сравнительный анализ энциклопедического подхода к организации музеологического и культурологического материала. В центре ее внимания находилось сравнение музейной и культурологической энциклопедий, подготовленных в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. Отметив отличия этих проектов, доктор Л. А. Сыченкова связала их не только с субъективными факторами, но и с закономерностями развития самого научного знания двух этих когнитивных полей. Все доклады вызвали значительный интерес собравшихся, оживленный обмен мнениями и замечаниями.

Обобщающий характер, связанный с попыткой синтезировать многообразную деятельность музея как социального, культурного и образовательного института, имела секция конференции «Музеи в социокультурном пространстве: опыт и современность». В докладах, прозвучавших на этой площадке, обсуждалась роль и деятельность музеев в условиях модернизации общества, соотношение традиции и новации, актуальные проблемы подготовки специалистов-музеологов, деятельность музеев в контексте государственной политики и международного сотрудничества. Из числа первых детальной проработкой материала отличался доклад доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна Е. А. Поправко, в котором на примере Приморского края была рассмотрена массовая работа музеев в довольно сложный период — в условиях социально-экономических и политических трансформаций второй половины 1980-х — 2000-е годы. В отдельную группу можно выделить доклады, в которых были охарактеризованы основные черты музейной институции, с одной стороны, как результата воздействия социокультурных факторов на формирования музейной политики (доклад Е. В. Морозовой, Санкт-Петербургский государственный институт культуры), а с другой — как субъекта публичной истории, о чем рассуждал Е. Н. Метелкин, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, чье сообщение инициировало продолжительную дискуссию. Обсуждение актуальных проблем подготовки специалистов-музеологов открыл доклад Г. Н. Киселева, кандидата геолого-минералогических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета; докладчик представил свой взгляд на некоторые актуальные аспекты преподавания этой дисциплины, вызвавший значительный интерес всех участников секции. С большим вниманием было выслушано сообщение о состоянии музейного дела в современной Бразилии, представленное А. А. Амосовой, кандидатом исторических наук, доцентом Санкт-Петербургского государственного университета.

21 октября состоялось заседание секций «История музейного дела», «Музей и коллекция: практики формирования, изучения, презентации». Прозвучавшие на этой секции доклады были посвящены прошлому и настоящему музеев России и ближнего зарубежья, а также актуальным проблемам сохранения культурного наследия.

Участники конференции уделили пристальное внимание проблематике региональных музеев. Месту «провинциального» музея в современной жизни Нижегородской области было посвящено выступление директора Кстовского историко-краеведческого музея А. А. Трусова. Своего рода экскурсию в забытую повседневность старой России устроила слушателям старший научный сотрудник, методист этого же музея М. П. Трусова, на примере старинных кисельниц рассказавшая об исследовании глиняной посуды и перспективах применения результатов этих исследований в научно-методической работе. Судьба культурного наследия Русского Севера в переломный и недостаточно изученный период истории отечественного музейного дела стала предметом рассмотрения кандидата исторических наук, доцента Петрозаводского государственного университета Е. В. Диановой, исследовавшей музейные проекты кооператоров Европейского Севера в первой четверти XX столетия.

Затронули участники конференции и актуальные вопросы музейного дела ближнего зарубежья. Современным социологическим исследованиям в молдавском музее был посвящен доклад доктора исторических наук, ученого секретаря кишиневского Национального музея археологии и истории Е. Т. Плошницы. О роли армянского духовенства начала XX века в деле сохранения национального культурного наследия увлекательно рассказала аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств К. Г. Назанян.

Не были обойдены вниманием и музеи обеих российских столиц. Старший научный сотрудник, заведующая сектором Византии и Ближнего Востока Отдела Востока Государственного Эрмитажа Д. О. Васильева реконструировала историю иранской коллекции П. В. Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) С. В. Березницкий развил тему русско-восточных связей сообщением о роли русско-китайских торговых караванов XVIII века в формировании коллекций своего учреждения. Большой интерес слушателей вызвал доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Кунсткамеры Е. М. Лупановой, посвященный календарям из собрания этого музея и подготовке соответствующей интерактивной выставки.

Проблемы истории материальной культуры и реставрации музейных предметов были затронуты в двух докладах кандидата геолого-минералогических наук, ведущего научного сотрудника Государственного научно-исследовательского института реставрации Р. В. Лобзовой, подготовленных в соавторстве с кандидатом химических наук, заведующей сектором Российского научно-исследовательского института им. Д. С. Лихачева В. Н. Ярош и хранителем Центрального музея Московской епархии М. А. Шимановой. Хранитель экспозиции «Открытые фонды музыкальных инструментов» филиала «Шереметевский дворец — музей музыки» (Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства) В. С. Летягина рассказала об инструментах великорусского оркестра в коллекции музыкальных инструментов СПбГМТиМИ. Множество вопросов вызвал доклад об экспонировании оружия на открытом воздухе, подготовленный совместно старшим преподавателем кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета Ф. Н. Веселовым и студенткой кафедры музеологии Т. И. Карлиной. Забытой полемике о роли музеев в национальной политике Российской империи был посвящен доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета А. Э. Котова. К вопросам современности вернула участников своей секции кандидат искусствоведения, ассистент кафедры музеологии

Санкт-Петербургского государственного университета Н. Н. Дроздова-Пичурина, проанализировавшая различные аспекты музейной интерпретации современного уличного искусства.

В последний день конференции, 22 октября, состоялось заседание секции «Музей и наследие: от концепта к предмету». Среди проблем, предложенных к обсуждению, отметим проблему репрезентации национального/этнического в музее и влияние данного фактора на различные аспекты музейной деятельности. Об опыте представления в музейном пространстве этнографических материалов и о их восприятии представителями этих этносов рассказала кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН В. А. Прищепова. В известном смысле, взгляд с противоположной стороны на проблему представила преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Р. Ш. Цинпаева, говорившая о музейном пространстве как отражении национального характера. В докладах, прозвучавших на заседании, также состоялось обсуждение проблем развития современной музеологии как университетской дисциплины. Доктор культурологии, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Е. В. Жбанкова в сообщении «Современные провинциальные музеи российских регионов глазами студентов-гуманитариев» рассказала об основных направлениях изучения студентами музейной деятельности в регионах. Преподаватель Института философии Санкт-Петербургского государственного университета Д. А. Гусев поделился размышлениями о дисциплинарных подходах и проблемах изучения и преподавания такого предмета, как профессиональная или музейная этика. С обсуждением темы «околомузейного» собирательства выступила кандидат философских наук, старший преподаватель Южного федерального университета Ростова-на-Дону О. С. Кириллова, сформулировав проблему «Тривиальное коллекционирование и современный музей: перспектива конструктивного взаимодействия». На рассмотрение секции были вынесены доклады, посвященные одному из важнейших направлений в работе любого музея — музеефикации и проблемам сохранения культурного наследия. Так, в докладе кандидата исторических наук, старшего преподавателя Института истории Санкт-Петербургского государственного университета С. Б. Чебаненко рассматривалась проблема сохранения в XIX–XX вв. исторического облика г. Павловска.

TABLE OF CONTENTS

Theoretical basement of museology	
<i>Sapanzha O. S.</i> Careers in museum education	3
Museum and Society	
<i>Krapivin M. Yu.</i> Glavmuseum and the L. D. Trotsky's Commission for "accounting and concentration of values" (November 1921—October 1922)	11
<i>Komissarova E. V., Kitsenko O. S.</i> The role of regional museums in the retention of the medical heritage of Russia	34
<i>Popravko E. A.</i> The educational and recreational work of museums in Primorsky Krai in the second half of the 1980s to the 2010s: traditions and innovations in terms of socio-economic and political transformations	44
History of museum field	
<i>Dianova E. V.</i> Museum projects of cooperators of the European North (first quarter of the 20 th century)	52
<i>Kulinok S. V.</i> History of Belarusian museums in reflection of documents of Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation	63
School and University museums	
<i>Vakhromeeva O. B.</i> The University Museum of the St. Petersburg State University as a custodian of the memory of the Bestuzhev Courses	70
<i>Grigorieva S. E.</i> The Drawing Museum of the Tomsk Institute of technology	82
Museum collections	
<i>Bereznitsky S. V.</i> The role of F. Plenisner in the process of collecting Museum collections of the Kunstkamera in the 18 th century	86
<i>Vasilyeva D. O.</i> Iranian collection of Pyotr Charkovsky in the State Hermitage Museum	91
<i>Trusova M. P.</i> Clay kiselny of the Bogorodskoe village of the late 19 th and early 20 th century in the collection of the Nizhny Novgorod State History and Architecture Museum-Reserve	100
<i>Vorobyeva S. L.</i> The specificity of scientific inventory (secondary registration) of archaeological collections (on the example of the work of the National Museum of Bashkortostan)	108
<i>Kirillova O. S.</i> "Amateur collecting" and modern museum: the prospects of constructive interaction	124

Council Board

M. B. Piotrovsky, Doctor of History, Professor, associate member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Arts, Director of the State Hermitage, the Head of the Department of museum work and monuments protection of St. Petersburg State University (Russia) (chairman); **G. V. Vilinbakhov**, Doctor of History, Chairman of Heraldic council under the President of Russian Federation, State King of Arms of the Russian Federation, Deputy Director of the State Hermitage (Russia); **Jan Dolak**, PhD, Head of the UNESCO Chair on Museology and World Heritage, Masaryk University, vice president of the ICOM International Committee for Museology (Czech Republic); **Lynne Teather**, PhD, Associate Professor, University of Toronto, president of the ICOM International Committee for the training of personnel (Canada); **E. Y. Kalnitskaya**, Doctor of Culturology, Honored worker of culture of Russian Federation, Director of the State Museum Reserve "Peterhof" (Russia); **N. S. Tretiyakov**, PhD in History, Honored Worker of Culture of Russian Federation, Director of the State Historical and Memorial Museum "Smolny" (Russia); **N. V. Burov**, Director of the State museum monument "St. Isaac's Cathedral", Chairman of the Public Council of St. Petersburg (Russia); **I. I. Karlov**, PhD in Art History, Deputy director of the State Russian Museum (Russia); **M. A. Bepalaya**, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History and Museum studies, Belarusian State University of Culture and Arts (Belarus); **Peter van Mensch**, PhD, Professor, Academy of K. Reinwardt (Netherlands); **Hildegard Vieregg**, PhD, Professor, Munich School of Philosophy (Germany); **T. P. Kalugina**, Doctor of Culturology, the State Russian Museum (Russia); **L. M. Shlyakhtina**, PhD in pedagogy, Associate Professor, St. Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Editorial team

A. V. Maiorov, Doctor of History, Professor (Chairman);
E. I. Chernyak, Doctor of History, Professor;
O. S. Sapanzha, Doctor of Culturology, Associate Professor;
A. A. Sundieva, PhD in History, Associate Professor;
E. A. Makovetsky, Doctor of Philosophy, Associate Professor;
A. A. Amosova, PhD in History (Executive secretary);
L. A. Klimov, PhD in Culturology.

Personalities	
<i>Stromelyuk L. V.</i> Alexander Radchenko: the person in the museum history.	130
Reviews	
<i>Sapanzha O. S.</i> A review of: Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites / Edited by Kristin L. Gallas and James DeWolf Perry. Boulder; New York; London: ROWMAN & LITTLEFIELD. 2015. 128p.—ISBN: 978-0-7591-2326-7.	138
Chronicles	
<i>Chebanenko S. B., Kotov A. E., Veselov F. N., Ananiev V. G., Amosova A. A.</i> The fifth academic conference “Museology—museum studies in the 21 st century: problems of learning and teaching”	144

Editorial Office

Russia, 199034, St. Petersburg, Vasilievsky Island,
Mendeleevskaya Line, 5, St. Petersburg State
University, Department of Museology (of. 91).
Phone: (007-812) 323-52-06
Fax: (007-812) 323-52-06
e-mail: voprosy-spu@mail.ru
URL: <http://voprosi-muzeologii.spbu.ru/>